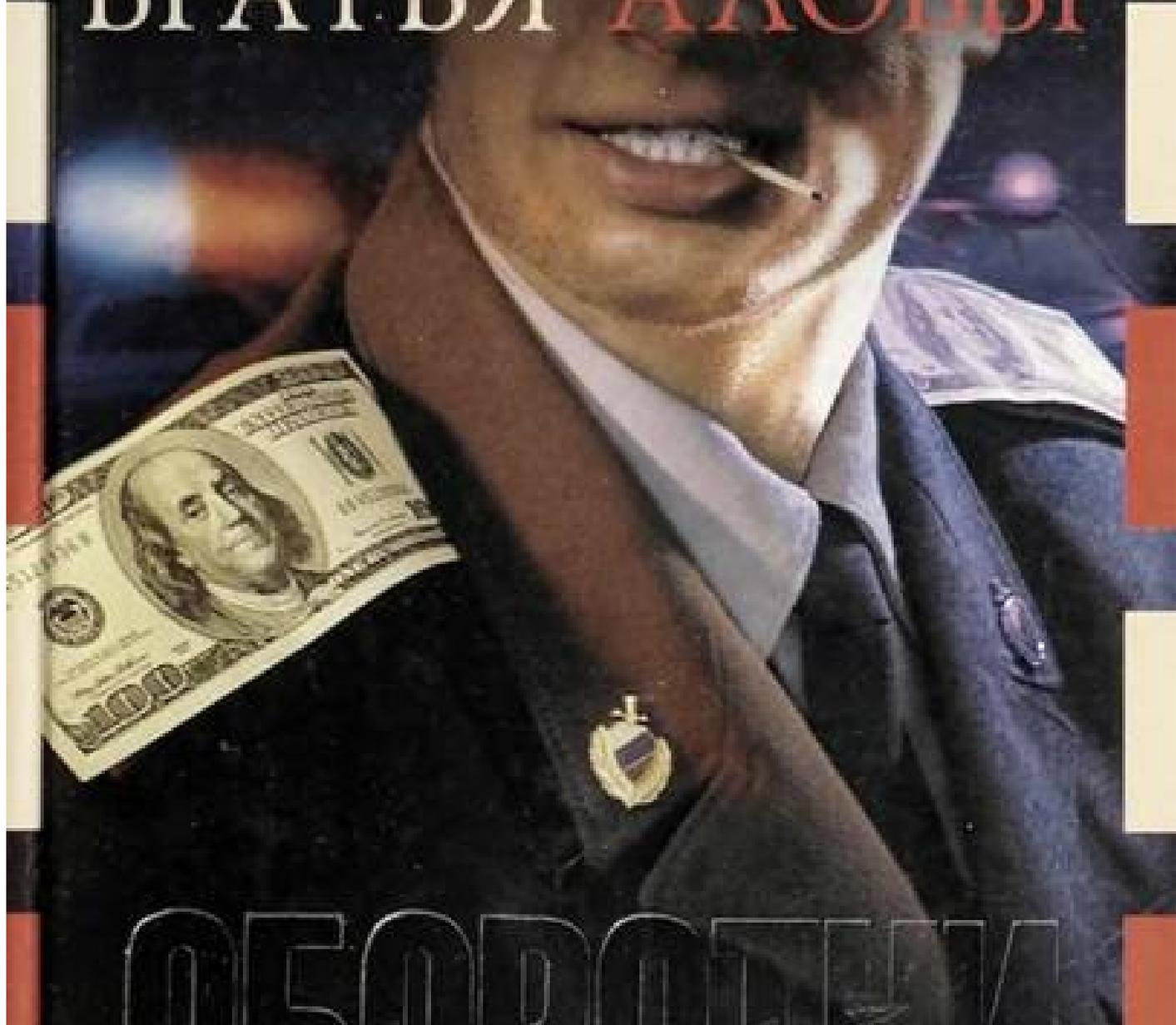

ОПЕР КРЮК

БРАТЯ АЛОВЫ

ОБОРОТНИ

В ПОГОНАХ

ОЛМА-ПРЕСС

Сергей Алов
Константин Алов
Братья Аловы

Оборотни в погонах (Опер Крюк #7)

В жизни всегда есть место смерти. Лучше всего это понимают врачи и милиционеры. Но, в отличие от медиков, за которыми следит их старший брат Гиппократ, менты контролируют себя сами. Не каждый справляется с этой задачей, а «грязных полицейских» чаще всего крышует начальство в заботе о чести мундира. И таким людям костью поперек горла встал опер Крюк. В седьмой книге цикла братьев Аловых «вечный капитан» Крюков выступает против оборотней в погонах, которые собираются примерить на него маску смерти.

Содержание

Пролог.....	0005
Глава первая Судьба олигарха.....	0008
Глава вторая Новый начальник.....	0041
Глава третья Чистильщик.....	0060
Глава четвертая Хата.....	0079
Глава четвертая Тарасов.....	0087
Глава пятая В бегах.....	0105
Глава шестая В поисках киллера.....	0120
Глава седьмая В логово зверя.....	0133
Глава восьмая Оборотень.....	0146
Глава девятая Счастливый конец.....	0156
Эпилог.....	0167

Братья Аловы
Опер Крюк. Оборотни в погонах

Пролог

Белая «десятка» с проблесковым маячком на крыше и надписью «Криминальный патруль — TVN» на капоте и багажнике вылетела на залитую ночным дождем и оранжеватым светом фонарей Трубную площадь столицы.

— Смотрите! Это же убийство! И наверняка заказное! Может быть, снова Чистильщик поработал? — начинающая, но очень перспективная журналистка Лара Чертовская дернула за рукав своего матерого коллегу, телерепортера криминальной хроники Бориса Ломакина.

Водитель инстинктивно ударил по тормозам, и весь экипаж «десятки» уставился в указанном Ларисой направлении.

Прямо на проезжей части посреди улицы под светофором застыла «Волга-двадцатьчетверка» салатного цвета. Так когда-то, в приснопамятные годы советской власти, в Москве красили машины такси. На ее дверях, украшенных полустертymi шашечками, были хорошо видны многочисленные пулевые отверстия, издали напоминавшие карту звездного неба. Некоторые из них были залеплены чем-то белым. Затемненные стекла раритета служили надежной преградой для любопытных взглядов.

— Вау! Есть репортаж века! Сенсация! — обрадовано воскликнула Лара. — Заголовки представляешь? «Солоник жив!», «Возвращение Терминатора!», «Киллер Чистильщик снова наносит удар!»

— Где и кому? — скептически прищурился многоопытный Борис.

Лара всплеснула руками и указала на одинокую «Волгу».

— Так вот же тачка простреленная! Или ты не видишь?

— Деточка, — произнес Борис занудным тоном классного руководителя, — это бронированная тачка. — То, что своими дырками напоминает тебе дуршлаг — это легкий корпус. А под ним прочный, из броневых листов, как у подводной лодки. И чтобы пробить его, потребуется как минимум противотанковый гранатомет. И дыркам этим не один год. Гляди, некоторые даже жвачкой залеплены, а кое-где она отвалилась...

Лара Чертовская впервые отправилась «в ночное» с «Криминальным патрулем». Редакционное начальство буквально в приказном порядке навязало Борису практикантку, руководствуясь, видимо какими-то своими соображениями. Вообще-то, она не была «телевизионным человеком», а сотрудничала с каким-то журналом, но все схватывала на лету. К эфиру ее пока не подпускали.

Недавно Борис пытался было подкатить к новой сотруднице с так называемыми сексуальными домогательствами, но получил решительный «от ворот» с ее стороны и вздрючку от главного редактора. У девочки оказались высокие покровители. Теперь он мог позволить себе маленькую месть. Водитель и оператор Гоша только молча ухмылялись. Их эта нахалка-недавалка тоже порядком раздражала.

— А ты откуда знаешь, что она бронированная? — не сдавалась Лара.

— Так ведь по низкой посадке видно... И вообще... — Борису надоело валять дурака. — Я хозяина этой лайбы хорошо знаю. Он опер из управления спецслужбы. Крюков его фамилия, капитан Крюков. Может, он устал, а может, следит за кем. Скорее всего, он там внутри и спит.

— Спит посреди дороги? — Лара была поражена этой непосредственностью.

Или правила дорожного движения этому Крюкову не писаны.

— Ну и что? Он же не на асфальте спит, а в машине, — резонно заметил Борис, — как Штирлиц под Берлином...

Лариса была глубоко разочарована. Словно в детстве, когда вместо куклы Барби с прелестным розовым домиком получила в подарок на день рождения китайское платье с дурацкой аппликацией.

— А может быть, там все-таки труп? — с надеждой спросила Лара: она была из породы тех, кто отстаивает даже безнадежные позиции.

Борис широко улыбнулся и сделал приглашающий жест.

— Вот ты подойди и выясни. Если разбудишь его, тогда точно по крайней мере один труп там будет. Твой! — Уловив испуг в глазах дивы, он с удовлетворением кивнул водителю: — Ладно, Равиль, поехали.

И машина журналистов с легким шелестом помчалась дальше в поисках сенсаций ночной жизни столицы...

Борис не ошибся. Крюков действительно спад в салоне своей «рябухи». Он спал уже двадцать минут. Во сне причмокивал и улыбался. Снилось ему, что он, совсем еще молодой, ершистый передовик зубопротезного производства премирован профсоюзным билетом на концерт лауреата премии Ленинского комсомола вокально-инструментального ансамбля «АББА» — именно так его объявили во сне.

И вот сидит Крюков в правительственной ложе, и поют для него Анни-Фрида Лингстад, 15 ноября 45♦го года рождения, место рождения г. Нарвик, Норвегия, и Агнетта Фальтског, 5 апреля 1950 года, рожденная в городе Йенчепинге, на юге Швеции. Причем он откуда-то знал, что эти подробности сообщаются персонально для него, и очень хорошо их запомнил...

«Мани-мани-мани»!.. — услышал Крюков знакомую мелодию и открыл глаза...

«Мани-мани-мани»!.. — тренькал его мобильник.

«Это к деньгам», — подумал Крюков и проснулся окончательно.

Когда-то, на заре «телефонной дебилизации» — так капитан называл наступившую эпоху сотовой связи, — он пользовался снятым с трупа пиратским мобильником, но когда решил обзавестись легальным, то выбрал лучшее из того, что было на рынке.

Трубка у него была — как у Нео из «Матрицы». Даже еще лучше, чем у Нео. Функций у нее — не счесть, как алмазов в каменных пещерах варяжского гостя. Только что кофе не варила.

Крюков загнал в память определителя номеров несколько вариантов вызова. На звонки знакомых женщин трубка отзывалась «Полетом валькирий» Вагнера, на зов старых друзей — задушевной мелодией из фильма «Титаник». В смысле: «Идем ко дну. Ты с нами?» А для шкурных контактов как раз и предназначалась песенка про деньги.

Интуиция сыщика не подвела и на этот раз. Ему звонил бизнесмен Смотровчук, владелец большого магазина радиоаппаратуры «Ауди-видео» — именно так было написано на его вывеске — в одном из новых районов столицы.

Смотровчук был агентом Крюкова и снабжал его информацией о новых веяниях в криминальном мире, с которым был тесно связан, а взамен опер крышевал его. но не корысти ради, а из любви к оперативному искусству. Да-да,

именно к искусству, а не к денежным знакам и способам их умножения. Ибо, хотя смешивать эти два ремесла есть тьма искусников. Крюков к ним не относился, о чем сам нередко сожалел. То ли Богом, то ли природой он начисто был лишен таланта брать взятки...

Судя по голосу, бизнесмен Смотров был не на шутку взволнован, если не сказать напуган.

— Спасай, брат! — орал он в трубку. — Менты твои обнаглели, совсем запрессовали. Конкретные оборотни в милицейской форме!

Крюков в корне пресек его истерику и перевел беседу в деловое русло.

— Заткни помойку! Чего они от тебя хотят?

— Чего-чего? Смерти моей добиваются, суки! Выручай, в натуре!

Крюков поморщился и вздохнул.

— Ладно, уже еду. Мой стаканы!

Он сладко потянулся, потом еще раз — в смысле, потянулся к ключу в замке зажигания. Ехать ему предстояло в другой конец Москвы...

Глава первая Судьба олигарха

Когда-то, в незапамятные времена, Чугунолитейный завод имени товарища Воровского построил в заботе о благе своих рабочих несколько пятиэтажных жилых корпусов барачного типа. Несколько поколений строителей социализма влачили в этих стенах жалкое существование в надежде оттянуться в счастливом коммунистическом будущем. Увы! С падением берлинской стены, и соответственно, распадом Советского Союза необходимость в продукции завода отпала. Производство чугуна и стали пришлось свернуть, а обманутые пролетарии, может, и разошлись бы кто куда, если бы не одно очень важное достижение социализма — институт прописки.

Во всяком случае, трубы завода давно уже не дымили, а использовались в качестве мачт сотовой связи, тогда как в перестроенных цехах торговали дубленками и холодильниками могильщики социализма. Зато эта ухватистая и нахрапистая новая русская — в широком смысле — буржуазия привлекла бывших металлургов к ремонту и обслуживанию рынка, создав, таким образом, новые рабочие места.

Но рабочий поселок оставался в своем первозданном виде. Кирпич домов за давностью лет из красного превратился в угольно-черный. Изрытый траншеями двор напоминал о героических днях обороны Москвы. И народ здесь жил простой и неприхотливый, словно сошедший со страниц романа «Мать», самой нужной и своевременной, по словам Ленина, книги начала прошлого века. С тех пор многое изменилось.

В одной из квартир рабочей слободки скрывался с домочадцами до недавнего времени всемогущий банкир, без пяти минут олигарх Тодорковский. Как раз этих пяти минут Тодорковскому и не хватило — ему пришлось перейти на нелегальное положение.

Тучный банкир мерил тяжелыми шагами скрипучий деревянный пол обшарпанной кухни. Из квартиры сверху до него доносился нерегулярный бой стеклянной посуды. Время от времени, вероятно для разнообразия, там бросай и на пол что-то тяжелое, отчего лампочка под потолком кухни вздрагивала и раскачивалась.

Из квартиры снизу уже третий день кряду доносились разудалые песни под караоке. Там безудержное веселье было в разгаре и, похоже, до завершения концерта было еще далеко.

Сильно оплывшая немолодая женщина, как говорится, со следами былой красоты на лице, сидела за кухонным столом и не без раздражения наблюдала за колебательными движениями бывшего олигарха. Наконец ей это надоело и она решила прервать гнетущее молчание.

— Сема, перестань, наконец, мотаться взад-назад и скажи мне, что мы делаем в этой трущобе? В этом забытом всеми Воровском переулке?

— Не Воровском переулке, а в переулке Воровского, — поправил даму муж. — Здесь, между прочим, сто лет назад, товарищ Воровский скрывался от царских ищеек и жандармов. Собственно, мы здесь делаем то же, что и он. Скрываемся от ищеек и жандармов.

— Сема, ты имел в виду милицию? — всплеснула пухлыми руками супруга

несостоявшегося олигарха.

Тодорковский больно споткнулся о табуретку и в ярости пнул ее ногой. Стало еще больнее.

— Всех я имел!.. В этом самом виду.

Он поднял опрокинутый табурет, уселся на него и принялся разъяснять.

— Ты что, идиотка, еще не поняла? Прячемся мы здесь! От кого? Да от всех! Все, суки, меня продали! Все-все!

Он в ярости снова вскочил и заметался по кухне. Супруга достала из шкафчика ребристую бутылку «Камю» и граненый стакан.

— Выпей и успокойся. — Она плеснула в емкость солидную порцию ароматной жидкости. — Ты же разбудишь маму и тетю Соню. И Леве с Машей надо выпасться перед дорогой.

Тодорковский одним глотком осушил стакан.

— Вот, закуси, — жена протянула ему кружок лимона, но он этого даже не заметил.

— Ничего, — лихорадочно бормотал он. — Ничего, нам бы только ночь продержаться. А завтра — на такси и в Шереметьево. И только они нас видели! А вот уж потом сочтемся. За все сочтемся! Нет, я этого так не оставлю! Они у меня еще попляшут!

Дебелая мадам Тодорковская все же решила прояснить вопрос до конца.

— Но ты ведь обращался в милицию. Неужели ты и им не доверяешь? У тебя же все было схвачено.

Тодорковский обреченно махнул рукой.

— Вот именно, было. Ты же слышала: «Моя милиция меня бережет»? Так вот, пока я платил им, они меня берегли. А теперь я просто не знаю, на кого можно рассчитывать. В нашем положении остается надеяться только на себя.

Супруга хотела что-то возразить, но тут в дверь позвонили. Через несколько секунд звонок повторился. Звонили уверенно и настойчиво. Так звонят малолетние хулиганы или сотрудники правоохранительных органов.

Тодорковские на цыпочках вышли в переднюю и в нерешительности замерли перед входной дверью.

— Посмотри в глазок, — прошипела супруга.

— Сам знаю, — огрызнулся экс-банкир и прильнул к дверному окуляру. — Это милиция!

Жена Тодорковского снова всплеснула руками и так и села бы, если бы было на что.

— Сколько их там?

Тодорковский снова приник к дверному глазку.

— Кажется один. Открыть?

— Ни в косм случае!

Но служитель правопорядка не уходил. Более того, вскоре с лестничной клетки донесся его требовательный бас. При этом милиционер аккомпанировал себе по двери кулаком.

— Тодорковский, откройте, я знаю, что вы здесь! Это очень важно. Вы в опасности. Вы не сможете завтра добраться до аэропорта, вас будут ждать. Вам необходимо срочно уехать отсюда.

Тодорковские снова замерли в нерешительности.

— Может быть, разбудить Леву? — с сомнением в голосе спросила жена.

Но банкир решился. Он отодвинул цепочку и щелкнул замком. Дверь открылась. На пороге вырос человек в милицейской форме.

— Граждане Тодорковские? — с дежурной улыбкой поинтересовался он. — Очень приятно. Братва, заваливай!

И тут же из мрака лестничной площадки появились еще двое рослых типов. Один, в элегантном кожаном пальто, держал в руках серебристый кейс. В одну секунду все трое вломились в квартиру и плотно закрыли за собой входную дверь. Человек в милицейской форме ударом сапога в живот заставил толстого банкира сложиться пополам. А ведь тот уже забыл, когда последний раз имел возможность сам завязать себе шнурки. Бандит с кейсом наклонился к упавшему.

— Ну что, старый ишак, добежался? А ведь тебя по-хорошему предупреждали! Слон, Гнида, пошарьте по углам. И мартышку его пристройте.

Банкира и его жену тут же пристегнули наручниками к батарее парового отопления. Человек в кожаном пальто аккуратно положил свой серебристый кейс на стол и раскрыл. Кейс на самом деле оказался футляром для кухонных ножей с лезвиями разной формы и размеров — с пилками и без, был секач для рубки костей, а также прочие полезные приспособления для разделки плоти. Бритвенно-острые клинки кухонных орудий были отлиты вместе с ручьями из великолепной стали.

Человек в кожаном пальто с любовью оглядел свою коллекцию. Потом перевел взгляд на онемевших, сжавшихся от ужаса возле батареи супругов Тодорковских, и доверительно сообщил им, указав на чемоданчик.

— Верите, нет? Полтысячи баксов за этот набор отвалил. И не жалею. Культура — она во всем нужна. Даже в таком деле. — Он снова, как за гипнотизированный, уставился на блестящие орудия пытки.

Откуда-то из глубины квартиры послышался на редкость тонкий писклявый голос Слона.

— Колян, здесь еще бабы!

Гнида, облаченный в милицейскую форму, втолкнул в комнату растерянного долговязого мужчину.

— Гляди, лох какой-то!

— Волоките их всех сюда, — Колян оторвался от созерцания своих драгоценных инструментов и принялся стягивать кожаное пальто. — Потрошительня у нас здесь будет.

Одна из женщин попыталась закричать, но ее слабый голос утонул в раскатах громового рева из нижней квартиры. Перекрывая нестройный хор собутельников, какой-то мужик гудел громче иерихонской трубы:

— Я дядя или кто? Требую песню про дядю! Про дядю давай!

Колян оглядел пленников.

— Итак, приступим, — недобро усмехнулся он. — Сейчас мы установим, кто в семействе Тодорковский самый умный. Кто правильно назовет место, где спрятаны бабки, будет жить, а остальные умрут быстро и практически безболезненно. В противном случае будем делать из вас строганину.

И Колян извлек из футляра-кейса самый маленький ножичек своей коллекции.

* * *

Крюков издали увидел сияющую в ночи неоновую вывеску магазина

«Ауди-видео». Но свою «рябуху» по привычке остановил не прямо перед входом, а в ближайшем переулке. Перед тем, как выйти из машины, сыщик автоматически отметил серенькие неприметные «Жигули», припаркованные на другой стороне улицы напротив входа в магазин. С «Жигулями» гармонировал стоявший рядом микроавтобус «Газель». Что там, радиопрослушка или группа силовой поддержки? А, самое главное, по чью душу они сюда пожаловали среди ночи? Смотрчук им нужен или кто-то еще?

Бизнесмен ждал его с нетерпением.

— Ты бы вывеску переписал, что ли, — проворчал Крюков. — «Ауди» — это марка автомобиля.

— Ясный пень, у меня у самого шестая «аудио», — охотно согласился бизнесмен, но, поняв по реакции Крюкова, что он не прав, поинтересовался: — Слышь, я не врублюсь, чего не так?

— Все с точностью до наоборот, — усмехнулся Крюков, но вдаваться в объяснения не стал. — Ладно, не тормози, проехали. Зачем звал?

Смотрчук провел сыщика в свой кабинет. Тут уже был организован на скорую руку фуршетик — стулья из помещения почему-то были убраны. Украшением стола служила большая бутылка «Джонни Уокера» с синей этикеткой. Хозяин щедрой рукой наполнил граненые стаканы конструкции скульптора Мухиной и жестом пригласил гостя присоединиться к нему. Капитан, однако, только пригубил этот чуждый русскому человеку напиток. Остаканившись, бизнесмен счел, что прелюдия закончена и перешел к делу.

— Слышь, Крюк, это же полный беспредел, в натуре. ОБЭП на меня наехал, в натуре, как асфальтовый каток. Прямо оборотни какие-то. Волки в ментовской шкуре... В смысле — в милицейской форме... Налетели, запрессовали конкретно, гадом буду!

Крюков слушал его пламенную речь с пониманием и слегка покачивал головой. Вроде бы сочувствовал. Когда тот начал повторяться, сыщик остановил его словоизлияния.

— Ладно, я тебя понял. Ты мой агент, и я создаю тебе спокойную обстановку для нормальной работы. На стрелки с братвой разбираться я с тобой ездил. От морозков, которые тебя на бабки развести хотели, повязал. От налоговой отмазал. Но я ведь тебя с самого начала предупреждал — наркоту, оружие, взрывчатку и прочий криминал я не покрываю.

Смотрчук вскочил с выражением смертельной обиды на честном лице.

— Какая наркота, какое оружие, в натуре! Я видаками торгую, телевизорами, плеерами...

Но Крюков перебил его.

— Читай по губам, если плохо слышишь: «И прочий криминал». Ты, брат, меня за полного лоха держишь? За что, интересно? Я тебе, вроде, ничего плохого не делал. Вчера тебя накрыл ОБЭП с партией краденого товара. И ты теперь требуешь от меня помощи? Какой?

Смотрчук развел короткие, но цепкие руки, и ехидно улыбнулся, сверкнув золотыми коронками.

— Так ведь не задаром же! Я, блин буду, забашляю, кого скажешь...

— У тебя бабок не хватит, — отрезал Крюков.

Лицо бизнесмена приобрело выражение оскорбленной невинности.

— Ну почему? Я расценки узнавал...

Крюков отрицательно покачал головой.

— За твой косяк тебе светит приличный срок. Ты, в сущности, предлагаешь мне пойти твоим подельником. И сколько собираешься за это отмусолить?

Смоторчук вдруг изменился лицом, поджал губы и засверкал заплывшими глазками.

— Значит не хочешь помочь? Думаешь, ты самый крутой? Думаешь, у тебя одного все схвачено? Смотри не пожалей!

Крюков очень удивился такой перемене. Неужто мальчик вырос из коротких штанишек?

— Что я слышу, брат? Неужели ты меня путаешь? И это после того, как я вытащил тебя буквально за уши из той истории с налогами?

Бизнесмен спохватился и заюлил.

— Что ты? Да кто я такой? Ты, братан, меня неправильно понял. Нет — так нет. Какие проблемы, в натуре? А в тот раз ты меня конкретно выручил, нет базара! Я помню, как налоговики зенки выпучили, когда в магазин вошли и ценники увидели. Видак — пятьдесят баксов, телевизор — «Филипс», диагональ двадцать девять дюймов, стогерцовый, — триста баксов! И все с отчетом сходится — копейка в копейку. Ладно, давай, как говорится, останемся друзьями. Вот твои бабки, — он наклонился вперед и протянул сыщнику пачку долларов.

Крюков посмотрел на деньги, которые бизнесмен положил перед ним на стол, но трогать их не стал. Он медленно выпил свое виски и зажевал масляной. Потом посмотрел собеседнику.

— Знаешь, как пишут в детективах? Я тебе сейчас расскажу как было дело, а ты меня поправишь, если я в чем-то ошибаюсь, — медленно и с расстановкой проговорил сыщик.

Он резко, без замаха толкнул Смоторчука так, что тот буквально отлетел к стене и съехал по ней на пол. Крюков же продолжал.

— Неделю назад на трассе под Калугой забили фуру с аппаратурой. Водилу с экспедитором замочили, машину с товаром увели в неизвестном направлении. Товар этот — видаки, телевизоры и прочее — вот он, у тебя на полках. А когда обэповцы тебя за одно место взяли, ты тут же согласился им меня сдать. Как продажного оборотня. Обменять голову на голову, свою на мою. Ну что, поправить хочешь или все так и было?

Смоторчук полулежал у стены, как расплывшаяся квашня. Он словно чего-то ждал. Крюков перешел в атаку. Говорил он подчеркнуто громко, чтобы те, кто прослушивал их беседу, не упустили какой-нибудь важной мелочи.

— Я сейчас вызываю ребят из нашего СОБРа, а тем временем перепишу номера этих банкнот. И пойду я с ними в прокуратуру. Потому что это — чистой воды провокация твоих новых друзей, которые, помимо этого, занимаются укрывательством преступления. И тогда мы посмотрим, кто из нас оборотень в погонах!

Двигатель «Жигулей» за окном взревел на высоких оборотах, завизжали шины и все стихло... Спустя несколько секунд то же самое проделала «Газель». Смоторчук сидел у стенки не жив, не мертв. Новые друзья свалили и бросили его на съедение старому приятелю.

Крюков ласково улыбнулся, не спеша достал брелок с ультрафиолетовой лампочкой и наугад посветил на одну из предложенных бизнесменом столдол-

ларовых купюр. В ультрафиолетовых лучах поперек портрета Франклина отчетливо проступили крупные буквы: «Взятка».

— Вы, блин, как дети, — усмехнулся сыщик, — все в шпиёнов играете!

Он вынул из кармана прозрачный пластиковый пакет, и ловко, как продавщицы в булочной на батоны, надел его на пачку баксов. Пакет со всем содержимым переключался в карман его куртки. Потом капитан подошел к бледному от страха Смотрову и ласково потрепал по щеке.

— Ну ладно, так и быть, останемся друзьями. Но впредь не балуйся и кушай манную кашку. Обещаешь? Не слышу ответа!

— Обе-обе-обеща-а-аю, — еле слышно промямлил Смотров.

Крюков еще раз, немного сильнее, чем требовалось, похлопал обделавшегося приятеля-предателя по щеке и вышел из кабинета.

* * *

В доме рабочей слободки, что в переулке Воровского, веселье продолжалось, несмотря на глубокую ночь. Под аккомпанемент караоке нестройный хор полуночников пел песню про дядю.

*Дяде дам, дяде дам,
Дяде, дяде, дяде дам!
Дяде дам, дяде дам,
Ди-дам!*

В это время к подъезду неслышно подкатила и остановилась серебристая «десятка». Из нее выскочил подвижный худощавый мужчина лет тридцати. Он задрал голову и посмотрел на окна и балконы подъезда. В оранжеватом свете уличного фонаря стал хорошо заметен шрам, пересекавший его левую бровь. Ярко светились окна и распахнутая дверь балкона на третьем этаже, где пели и плясали. Но внимание приехавшего привлекли едва заметные блики на затемненном окне четвертого.

Не успел незнакомец как следует разглядеть заинтересовавшее его окно, как его стекло со звоном разбилось. С пронзительным криком из окна вылетела небольшая темная фигура... Полет закончился очень быстро. С отвратительным стуком тело ударилось об асфальт и застыло в нелепой позе, будто кукла на шарнирах.

Человек с рассеченной бровью, казалось, окаменел. Некоторое время он стоял, стиснув зубы... Но длилось это оцепенение недолго, несколько секунд. Он подошел к тому, что еще недавно было молодой женщиной и буквально впился взглядом в лицо погибшей. Одежда на ней была изорвана в клочья, а тело покрыто кровью. Он успел заметить, что на руке у нее не хватало нескольких пальцев.

Наверху послышался шум. Пьяное пение оборвалось, раздались перепуганные голоса. Человек с рассеченной бровью выругался, быстро сел в машину и уехал прежде, чем его успели толком разглядеть.

* * *

Ковш Большой Медведицы опрокинулся, значит, ночь перевалила за середину. Старший опер Крюков в накинутой на голос тело простыне вышел на балкон своей квартиры и невольно залюбовался. Бездонное темное небо было усыпано голубоватыми алмазами разной величины... Алмазы вразной по-мигивали, подрагивали, и казалось, что они еле-еле держатся на небесной

сфере, еще немного, и сверху посыплется бриллиантовый дождь. К сожалению, ничего подобного не произошло.

С севера подул холодный пронизывающий ветер. Норд-ост. Крюков пожегся. В такую пору хорошо иметь крышу над головой. И вообще — хорошо иметь крышу...

«А вот каково сейчас бездомным старикам-неграм в далекой Америке!» — подумал Крюков.

Рефлекс такой — прививка советского гуманизма — остался у него с пионерского детства... Подумал и расстроился. Живут же люди, не то, что мы!

Он вернулся в комнату, с удовольствием потянулся, похрустел суставами и зевнул. День прошел не зря. Немного работы по профилю, легкий ужин. Что еще нужно человеку, уверенной поступью приближающемуся к неизбежной пенсии?

От приятных мыслей его оторвал вызов мобильного. Звучал он весьма своеобразно, так как для служебных надобностей сыщик подыскал звук особого рода. Старый приятель-ветеринар по его просьбе специально записал на диктофон припердывание знатного хряка-медалиста по кличке Депутат.

Результат превзошел все ожидания. При каждой попытке вызова со стороны руководства телефон издавал трубный глас, вернее, глас прямой кишки свиного рекордиста, отдаленно напоминающий рев раненого слона. Каждому, кто его слышал, казалось, что феноменальная скотина размером с динозавра облегчается прямо в его присутствии. Порой даже опытные оперативники, привыкшие к свисту пуль, заслышав канонаду из Крюковского мобильного, вздрагивали и бледнели...

— Чаво надоть? — бросил в трубку Крюков на всякий случай не своим голосом.

Не помогло. Вот в чем основной недостаток мобильных: ни спрятаться от них, ни скрыться, как от осени. Да и от зимы тоже.

— Крюков? У нас ЧП, — встревоженным, даже слегка испуганным голосом сообщил ему начальник отдела полковник милиции Сергей Израилевич Галкин по прозвищу «полковник Галкинд».

Крюков не удивился. Пугаться и тревожиться было обычным занятием шефа. Если вдруг у него не было конкретной причины пугаться и тревожиться, то его пугала и тревожила сама неопределенность такой ситуации. Сейчас такая причина была.

— Банкира Тодорковского убили, — сказал шеф. — Его и всю семью. Зарезали самым зверским образом. Как скотину на бойне.

Крюков по-христиански посочувствовал банкиру и особенно его семье, но не удивился. Эка невидаль! Мало ли новых русских нынче режут, пилят, взрывают, мочат в сортирах, топят в басманных судах и прочих общественных местах?

— А разве мы теперь и раскрытием убийств занимаемся? — поинтересовался он с наивным сомнением в голосе.

Полковник Галкинд замялся. По правде говоря, ангажировать Крюкова для расследования этого убийства ему посоветовали ответственные товарищи из руководства, но капитану об этом знать было не обязательно.

— Нет, но Тодорковский официально обратился к нам за помощью ровно неделю назад, — пояснил Галкин. — Он жаловался, что на него наехала ка-

кая-то очень серьезная криминальная группировка.

— Если группировка действительно серьезная, надо было не ерундой заниматься, а платить или бежать, — здраво рассудил Крюков.

Начальник охотно согласился.

— Он и собирался бежать. Продал все, перевел деньги за бугор и вместе с семьей скрывался на съемной квартире. Даже мы не знали, где именно. У него билеты в Лондон были на завтра. Слава богу, им второй отдел занимался, Щеглова, а не наш. Меня бы за такой форшмак Альпенгольд в один момент на пенсию отправил. А о Щеглова он зубы обломает. Тот сам кого хочешь схарчит, — закончил полковник не без смешанного с завистью уважения к молодому и удачливому коллеге.

Генерала Мышова, начальника управления, в коем Крюков имел счастье служить государству, прозвали Альпенгольдом за то, что он дважды умудрился съездить в Швейцарию в поисках «золота компартии» и вкладов Пал Палыча Бородина, но не обнаружил там ничего, кроме шоколада. Как в старой песне времен НЭПа:

Девочка Надя, чего тебе надо? Ничего не надо, кроме шоколада!

Капитану не нужно было объяснять, что за зверь Альпенгольд: генерал, по его же собственным словам, «испытывал чувство глубокой озадаченности судьбой Крюкова» и донимал его при каждой встрече дурацкими вопросами типа «почему у вас ноги в кроссовках, а не по форме?»

Крюков пожал плечами и прошелся несколько раз по комнате. Что-то тут не срасталось с этим Тодорковским.

— Для серьезной структуры выпasti беглого банкира было несложно. Так что удивляться тут нечему. А что, собственно, от меня требуется?

Сергей Израилевич в смущении замялся.

— Ну, сами там посмотрите, по обстановке. Может быть, ребятам Щеглова помощь нужна...

Капитан усмехнулся, просчитать интенции шефа было несложно. И он с осуждением в голосе сказал:

— Не темните, Сергей Ильич, — именно так привыкли обращаться к полковнику его сотрудники, поскольку русский человек по природной лености во всем стремится к экономии сил и средств, — хотите сказать, что у нас завелся стукач? Работающий на эту серьезную криминальную группировку?

В разговоре возникла напряженная пауза.

— Не знаю, не знаю. Хотел бы ошибиться, — пробормотал наконец полковник Галкин.

Крюков посмотрел на часы: третий час. Все равно ночь пропала, настроение испорчено.

— Ладно. Куда ехать?

— Дом номер один в переулке Воровского.

— Тогда я уже поехал. Если что-то нарою, сразу доложу.

— Не надо сразу! Утром! Слышите, Крюков? Утром доложите! — испугался полковник Галкин. — Встретимся в управлении.

* * *

Если Крюков чего-то и боялся в жизни, то это быстрой езды по пустым ночным улицам: это все равно, что лететь в звездолете без тормозов в открытом космосе, постоянно ожидая столкновения с метеоритом. Но медленно Крюков

ездить не умел. Некогда было учиться! Благополучно добравшись до заданного места, он с нескрываемым облегчением перевел дух.

Нужный подъезд он определил издалека. Возле него стояли машины милиции и «Скорой помощи». Несмотря на ночное время, вокруг толпились любопытные соседи. Крюков приткнул «рябуху» рядом с серебристой «десяткой», недавно купленной опером из второго отдела Волковым.

Крюков вошел в подъезд и поднялся по лестнице. Здесь уже всюду трудились сыщики из убойного, патрульные из местного отделения и коллеги Крюкова из отдела полковника Щеглова.

Слышались оживленные разговоры, временами негромкий смех. Обычная производственная обстановка, разве народу чуть больше, чем обычно. Сверху долетел обрывок песни:

*Милая девушка в кофточке белой,
Где ж ты, ромашка моя...*

На лестничной площадке царило необычайное оживление. Оказалось, именно здесь был организован импровизированный штаб по расследованию убийства. Лестницу перекрывал сурового вида прапорщик милиции с автоматом. Поднимаясь снизу, Крюков кивнул ему и спросил:

— А почему все здесь, а не в квартире?

— Войдешь внутрь, поймешь, — мрачно ухмыльнулся постовой.

Крюков сделал шаг вперед и присоединился к участникам действия. За столом, вынесенным прямо на лестничную клетку, сидел похожий на Дэвида Копперфилда следователь прокуратуры Кибальчич, недавно переведенный в столицу из провинции. Был он старым знакомцем Крюкова: когда-то в городе Приокске, где Крюков приватно расследовал убийство друга, он пытался повесить на капитана пару заваливших трупов.

Сейчас следак беседовал с сидевшим визави на табуретке милицейским сержантом. Тот почему-то был в форменной рубашке с погонами, в длинных семейных трусах и шлепанцах на босу ногу.

Крюков не сразу понял, что сержант — сосед убитых с нижнего этажа. В данном случае он выступал в качестве свидетеля, поскольку первым обнаружил их тела. Несмотря на то, что сержант сидел на табуретке, верхней половиной тела он пытался изобразить нечто вроде стойки «смирно» и бубнил при этом голосом автоответчика.

— В вышеуказанное время мной был обнаружен труп... в смысле — тело молодой женщины...

— Как ты его обнаружил?

— Тело трупа проследовало мимо меня вниз ногами вверх в вертикальном направлении...

Следователь рассердился.

— Вниз ногами или ногами вверх? А может, сверху вниз? Ты по-русски объяснить можешь?

Сержант расслабился, взгляд его стал осмысленным. Он принялся оживленно рассказывать.

— Да блин без базара, ясный пень. Ну, это, я, гребаный в зуб, на третьем этаже живу. Племяшка моя, бля, год ей стукнул. Мы это дело, значит, справляли...

— Вот это племяшка! Всего год, а уже бля? — удивился следователь Кибаль-

чич. — Ладно, продолжай.

Сержант по простоте душевной не понял иронии и без обиды продолжат.

— Да, значит, третий день гуляли. Ну и вышли мы, значит, на балкон воздухом, это самое, покурить. Жена моя, бля, сеструха, бля, и я, еханный бабай. А тут с четвертого, прямо из окна, баба гребанулась. Ну, мы реально офигели! Думали, блин, конкретно метеорит упал, е-мое...

Следователь Кибальчич страдальчески поморщился.

— А без мата можно? Я же все-таки документ пишу.

— Без мата? Сейчас попробую, — сержант вдруг снова напрягся, взгляд его остекленел, он снова попытался сесть по стойке смирно. — Значит так... Бело трупа проследовало мимо меня ногами вверх в вертикальном направлении...

Крюков не стал дослушивать откровения сержанта и направился в квартиру, где были обнаружены тела. В дверях его чуть не сбил с ног Володя Тарасов, бывший однокашник по «вышке» — Высшей школе милиции, а теперь заместитель начальника второго отдела. Тарасов не вышел из квартиры, а прямо-таки вылетел из нее пулей. Лицо его имело землистый оттенок.

— Что там интересного? — поинтересовался у него Крюков.

— Лучше не ходи, тебе это не понравится, — с трудом выговорил Тарасов, едва сдерживая позывы рвоты.

Следом за Тарасовым несколько вальяжно выступал его шеф, начальник отдела полковник Щеглов, моложавый, подтянутый и, как всегда, элегантный. Аккуратная бородачка-эспаньолка придавала ему интеллигентный вид, но возможно, это было обманчивое впечатление. В отличие от своего заместителя, он держался молодцом. Увидев сыщика, он широко улыбнулся, демонстрируя полный комплект здоровых, как у молодого волка, зубов.

— Крюков? А ты-то что здесь забыл? Галкинд, небось, шпионить прислал? Тут уже один разведчик болтается, по кличке Тэтэ.

Майора Нечаева Тимура Тимуровича звали за глаза Тэтэ, что означало для посвященных Тупой Тормоз. Был он самым бестолковым сотрудником правоохранительных органов города Москвы и Московской области. На международном конкурсе дебилов он бы гарантированно занял второе место. В управлении он держался благодаря личной преданности генералу Альпенгольду. Все сослуживцы знали его как записного стукача.

Щеглов задержался и похлопал Крюкова по плечу.

— Бросай ты своего Галкинда, переходи ко мне в отдел, пока Альпенгольд вас обоих не придушил. Я, в отличие от твоего шефа, своих подчиненных в обиду не даю. Ты не спеши, подумай. А пока, если не успел позавтракать, можешь зайти, полюбоваться. Волков, покажи товарищу пейзаж после битвы!

В темном коридоре замаячила фигура опера Волкова. Обычно веселый и жизнерадостный, сейчас он показался Крюкову каким-то задумчивым, даже подавленным.

Зная о трепетном отношении Волкова к его новой машине, Крюков не удержался, чтобы не приколоться.

— Это не твоя серебристая «десятка» у подъезда стоит? Я ей крыло чуть-чуть поцарапал, когда свою «рябуху» ставил.

Но Волков на это никак не среагировал. Только рассеянно почесал шрам, пересекавший его бровь. Это было очень странно. Не могло же его так сильно поразить убийство незнакомого банкира? Пусть даже такое садистское?

Но находиться в квартире, где распотрошили семью финансиста, было и в самом деле не вы носимо. Из комнаты, где произошло убийство, гнусно и страшно воняло паленым мясом и кровью. И это несмотря на разбитое окно и при том, что сами тела невинно убиенных были уже унесены.

Волков повел Крюкова с экскурсией, как дантевский Вергилий по кругам ада.

— Вот здесь их и прикончили, — показывал он. — Самого Тодорковского, его жену, тещу, ее сестру и сына. Искромсали — смотреть невозможно. А дочь Тодорковского. Маша, из окна выбросилась. Но и ей тоже досталось.

Пол и стены комнаты были не забрызганы, а буквально залиты красным, будто какой-то маляр-садист выкрасил их кровью. Крюкова передернуло.

— Что за зверье тут поработало? — спросил Крюков, удивленно глядя в глаза коллеге.

Волков довольно неуверенным и, как ему показалось, убитым тоном ответил:

— Не знаю Тодорковский к нам в управление обращался за охраной. Он жаловался, что какие-то крутые бандюки на него наехали.

— Тогда как они до него добрались? Утечка?

— Запросто может быть. У нас же не контора, а проходной двор. Только Тодорковский и нам не особо доверял. Из своего дома скрылся, отсиживался тут, как Ленин в подполье. Этого адреса мы не знали.

И снова Крюков почему-то ему не поверил.

— А ты-то что убиваешься? На тебе буквально морды лица нет.

Волков совсем стушевался. Ответил не сразу, промямлил.

— Ну как же? Сам понимаешь, мы виноваты. Человек к нам обратился за помощью, а мы не доглядели. И я в том числе, персонально. Да, определенно где-то у нас утечка.

Они вышли из квартиры. Ни стола, ни сержанта с автоматом на лестничной клетке уже не было. Кибальчич спускался по лестнице, снизу кто-то крикнул, что подъехало начальство из прокуратуры и убойного отдела. Важные персоны уже поднимались вверх, но их опередила группа быстрого реагирования в лице журналиста Бориса Ломакина и оператора Гоши. Их напарница почему-то отсутствовала.

Гоша был в камуфляжке, на плече он нес большую видеокамеру, издали напоминавшую гранатомет. Бесцеремонно оттеснив сыщиков к стенке, они заняли боевую позицию на середине лестничной клетки, и как только высокие чины появились в поле зрения, Ломакин бросился к ним с вопросами, сжимая в руке похожий на нечто противотанковое микрофон...

Крюкову стало скучно, он потянул Волкова за рукав.

— Пошли отсюда, сейчас здесь образцовый бардак начнется. Ты в отдел?

— Вообще-то да, только у меня аккумулятор вырубился. Ты не подбросишь меня?

Пропустив начальников, которые даже взглядом не удостоили оперов, Крюков кивнул приятелю и жестом предложил ему спускаться вниз первым...

Стало совсем светло, улицы уже начали заполняться машинами. Еще полчаса, и магистрали города будут плотно забиты транспортными потоками. Но Крюков не очень торопился добраться до родного управления. Его все больше интересовала загадка убийства банкира и его семейства, а также непонятные

оговорки Волкова. Он-то здесь причем? Сыщик решил разговорить его и спросил как бы невзначай:

— А что, собственно, бандитам от этого Тодорковского понадобилось? Бабок? Так это за десятку, по мелочевке режут. Насколько я понимаю, большие бабки совсем по другому выкручивают. Без крови и трупов. Акции-шмакции, суды и все такое. Зачем же людей крошить?

Волков, думая о чем-то своем, он не сразу ухватил, о чем его спрашивают.

— Там, видишь ли, так все вышло... — машинально сказал он. — Когда на Тодорковского наехали, он по-тихому все свое имущество распродавал, типа заполнены, а деньги перевел на счета в швейцарские банки.

— И много денег?

Несмотря на то, что Волков определенно думал о чем-то другом, говорил он уверенно.

— Если не брать всякие там заводы или акции, а чистую сумму на банковском счете, то таких денег ни у кого из наших нет. Думаю, он всей стране мог не один год зарплату и пенсии платить.

Неожиданно Крюков резко свернул вправо и погнал машину к заправке. Волков оторвался от своих невеселых размышлений.

— Что, бензин кончается? — спросил он.

— У меня его всегда в обрез. На мою «рябуху» не напасешься, сколько ни заливай, — отозвался Крюков. — Но только сейчас не в этом дело. Воң, видишь белую «тойоту»? По ориентировке не она проходит? И номер похожий.

За последний месяц возле супермаркетов было похищено несколько женщин. Их машины, как правило, дорогие иномарки, оставались на стоянке. Через какое-то время мужьям или родственникам пропавших звонили неизвестные, говорившие с кавказским акцентом, и требовали выкуп размером в десятки, а иногда и сотни тысяч долларов.

Но даже в случае уплаты выкупа похищенных женщин никто больше не видел. Только одна из них была найдена в подмосковном лесу с перерезанным горлом. В показаниях редких свидетелей проходила белая японская иномарка, предположительно «тойота-королла». Две цифры номера были известны милиции.

Вообще-то Крюков действительно собирался только заправиться и про белую «тойоту» ляпнул просто так, не подумав. И тут же пожалел. Волков вмиг ожил и вгляделся в маячивший впереди багажник.

— А ведь это сто пудов они! — закричал он возбужденно, — смотри, у них снизу капает что-то.

— Капли бурого цвета, похожие на кровь, — отозвался Крюков в стиле протокола.

— Да гадом буду, у них труп в багажнике! — не отставал Волков. — Вешаем хомут, если что, шмаляем без базара. Пошли!

— А если это мясо? — после бессонной ночи Крюков определенно не стремился к активным действиям. — Предположим, что это мирные крестьяне. Забили кабанчика, везут продавать. И весь криминал только в том, что они не пройдут санитарный контроль и не заплатят налогов.

Волков усмехнулся и зло процедил.

— Ну да. Кошерная свинина. Везут и по дороге кровь спускают. Крестьяне, говоришь? Ты на их рожи посмотри. Это же типичные мажоры. Они тяжелее

стакана в жизни ничего не поднимали.

Только сейчас Крюков заметил, как побледнел его напарник. На его лбу выступили капли пота. Волков полез в карман за платком и вместе с ним вытянул бумажник. Тот раскрылся и из него прямо под ноги Крюкову выпала фотография. На снимке Волков обнимался с очень симпатичной молодой девушкой. Крюков наклонился, поднял фотографию и протянул коллеге.

— Ты что, жениться собрался? — спросил он.

Волков зло стиснул зубы и поиграл желваками. Таким мрачным капитан его никогда не видел.

— Уже нет, — проговорил Волков. — Убили ее. Вот такие же уроды, как эти, — он кивнул на застывшую впереди «японку».

Тем временем к «тойоте» подбежал паренек в яркой спецовке, открыл горловину бака и вставил в нее штуцер для заправки бензином. В машине сидело трое парней. Молодые, стриженные под ноль, в черных кожаных куртках. Крутые не в меру, определенно «Бригады» насмотрелись. Водитель отсчитал несколько купюр и протянул заправщику. Тот включил колонку, бензин полился в бак.

Крюков не успел заметить, как Волков выскользнул из «рябухи», и запоздало среагировал только на хлопнувшую дверь. Делать было нечего, и он последовал за товарищем.

Действовал Крюков по науке, как учили. Извлек пистолет, подошел к дверце водителя и направил оружие на него и двоих пассажиров.

— Руки на торпеду, не двигаться, уголовный розыск! Если у вас есть права, то можете сами себе их зачитать.

Тем временем Волков повел себя более оригинально. Он оттолкнул заправщика, выдернул бензиновый штуцер из горловины бака, просунул его в открытое окно «тойоты» и принялся заливать салон струей из шланга, как пожарник, только с противоположной целью... Сидевшие в машине амбалы мгновенно промокли, точнее, пробензинились до нитки. На счастье присутствующих, никто из них в этот момент не курил. Волков не произнес ни слова, но его мрачный вид и решительные движения говорили сами за себя. Ангел Смерти да и только! Экипаж «тойоты» был просто парализован его действиями.

— Что, пацаны, трупы в багажнике перевозим? — поинтересовался Крюков. — А лицензия у вас имеется? Нет? Очень хорошо, тогда сейчас и кремацию устроим. Хотите, мы вас, как викингов, вместе с вашим боевым кораблем спалим? Если нет, быстро колитесь, чей труп в багажнике везете? Даю пять секунд, время пошло.

Крутые пацаны в салоне машины задыхались от паров бензина, их слепил все еще хлеставший им в лица ядовитый поток.

— Ты что, головой долбанулся, козел?! — закричал один из них, тот что сидел за рулем.

Волков с искаженным гримасой ненависти лицом направил ему в открытый рот струю бензина. Тот закашлялся, заперхал, выплевывая отвратительную жидкость.

— Значит не поняли? Тогда кричите хором: «Раз-два-три, елочка, гори!», — сказал Крюков тоном воспитательницы детского сада и достал из кармана зажигалку.

Но крутые отморозки его шутки не поняли и прямо-таки забились в истерике.

— Зверь, фашист, ты че задумал?! Ну девка там, девка!

Волков отключил подачу горючего, отвел штуцер в сторону и открыл заднюю дверь машины. Оттуда выпало одно скрюченное тело, следом второе. Крутые мэны никак не могли откашляться и отплеваться. Крюков открыл дверь со стороны водителя, осторожно, двумя пальцами, вытащил его за воротник и пинком отправил в сторону багажника.

— Открывай!

Водитель попытался было вытащить из-под сиденья бейсбольную биту, но Крюков ударом ноги переломил ее в рукоятке, вторым ударом заставил владельца иномарки врезаться головой в ее заднее колесо.

— Я сказал, открывай! — сказал он, поигрывая зажигалкой. — А то дам прикурить!

Водитель не сразу попал ключом в замочную скважину багажника. Наконец ему это удалось, и он повернул его. Крышка поднялась, и в нос, перебивая вонь бензина, ударил тяжелый трупный запах.

В багажнике, залитом почерневшей кровью, лежало тело женщины, наспех завернутое в пленку. Кровь протекла сквозь складки пленки, скопилась в углублениях дна багажника и понемногу капала на асфальт.

— Кто она? — Волков в ярости пнул одного из своих подопечных под ребра с такой силой, что внутри что-то хрустнуло.

Молодой отморозок взвыл не своим голосом.

— Откуда я знаю? — заверещал он на высокой ноте. — Сучка какая-то богатая!

— Сучка?!

И Волков принялся избивать ногами обоих подонков, забыв, что они насквозь пропитались бензином. Сначала они слабо вскрикивали, потом перешли на стоны и хрипы. Больше всех повезло водителю. Крюков для порядка тоже пнул его пару раз, но скорее просто за компанию. Тем временем к месту избиения стали подтягиваться зрители, в основном водители и пассажиры стоявших на заправке машин. Все они принялись шумно возмущаться актом насилия, совершаемым Волковым.

— Бандиты, что творят! Безобразие какое-то! Надо милицию вызвать! — слышалось с разных сторон.

Крюков извлек удостоверение и помахал им в воздухе.

— Спокойно, граждане. Налоговая милиция. Эти негодяи уклонялись от уплаты налогов. Стариков и инвалидов, гады, без пенсии оставить хотели. А Думу без бюджета. И лак будет с каждым, товарищи, не беспокойтесь. Перепишите ваши данные. Нам понадобятся свидетели.

Народ мигом рассредоточился по своим машинам, обсуждая на ходу.

— Так налоговую же упразднили!

— Это полицию, а вместо нее теперь налоговая милиция. Газеты надо читать, лапоть деревенский!

— Кто лапоть? Сам ты дубина стоеросовая!

Наконец Волков совершенно выбился из сил и присел в сторонке передохнуть. Крюков заставил почти небитого водителя вручную откатывать «тойоту» к бордюру. Его покалеченные соратники ползком перебрались туда же.

Крюков заправил свою прожорливую «рябуху» и вызвал машину патрульно-постовой службы. Те подъехали мгновенно, поскольку сыщик по телефону пообещал вписать их в протокол задержания. Впрочем, когда патрульные увидели, в каком виде предстоит им принять задержанных, они призадумались.

Волков понемногу успокоился и пришел в себя.

— Ты как? — спросил его Крюков, внимательно разглядывая его лицо. Судя по всему, в этом деле у Волкова был свой интерес. Во всяком случае, не только служебный. Иначе откуда этот нездоровый энтузиазм?

— Нормально. Я с тобой не поеду. От моих ботинок бензином так несет, что ты свою «рябуху» потом год проветривать будешь, — сказал Волков, пряча глаза.

Крюков с пониманием кивнул и сочувственно похлопал товарища по плечу.

— Что это у тебя резьбу сорвало? Ты же их чуть наглухо не забил.

— Надо было забить, — зло выдохнул Волков. — Как же я их всех ненавижу! Зубами бы грыз!.. — Его все еще трясло.

Крюков одобрительно кивнул, хотя и не разделял настроения приятеля. Слишком неаппетитно выглядели эти подонки, тем более под бензиновым соусом. Но он понимал, что Волкову лучше всего сейчас было побыть одному. Он снова похлопал его по плечу: держись мол, друг, сел в свою машину, запустил двигатель и пристроился в хвост отъезжавшему патрульному «уазику». Так они в тандеме и добрались до районного отдела милиции...

Дежурный скептически оглядел доставленную тройку. Двое определенно находились в переходном состоянии с этого света на тот.

— Кто это их так отделал? — спросил он.

— Это они сами себя, — заверил его Крюков, а патрульные, как дрессированные кони, синхронно мотнули головами в знак согласия. — Подрались пацаны маленько, мы их еле растащили. Известно, дело молодое.

Дежурный, однако, продолжал придираваться.

— А почему от них бензином воняет?

— Ну что тебе сказать? — Крюков на секунду задумался. — Давай представим себе, что один из них ударил другою канистрой с бензином. От удара она открылась, и бензин вылился на обоих. Нет, даже на всех троих.

Дежурный с сомнением посмотрел на сыщика.

— И ты это видел?

— Бензин-то? Как тебя сейчас, — не моргнув глазом, заявил Крюков. — Да вот и ребята подтвердят.

Он величественным жестом повел рукой в сторону патрульных, и те снова дружно закивали.

— Точно. Так все и было.

Тут со второго этажа спустились опера из местной уголовки. Лица у них были недовольные. Своим приездом Крюков не дал им завершить партию в домино.

— Мужики, полдела за вас уже сделано, — утешил коллег с «земли» Крюков. — Этих двоих можно не бить, достаточно слегка потыкать пальцем, и они все подпишут. Ну а с третьим красавцем сейчас вместе поработаем. Принимайте.

Брезгливо морща носы, оперативники подхватили доставленных отморожков и поволокли наверх по разным кабинетам. Крюков направился в кабинет к начальнику, куда отвели водителя «тойоты». Судя по всему, он и был главарем банды.

Отморозок развалился на стуле. Он явно был напуган, но старался держаться развязно.

— Дай закурить, начальник, — нагло потребовал он, забыв о том, что представляет собой пожароопасный объект. — И вызывай моего адвоката. Я без него слова не скажу.

Крюков обменялся взглядом с начальником розыска, усмехнулся и подсек ногой ножку стула, на котором раскачивался задержанный. Тот с грохотом обрушился на пол. Как только он поднялся, Крюков без замаха, резко врезал ему с правой руки в солнечное сплетение. Юный гангстер перегнулся пополам и замер с разинутым ртом. Когда дыхание восстановилось, он зашелся в приступе кашля.

Крюков, не жалея сил, постучал его по спине кулаком.

— Ну вот, считай покурил. Пивком не угостить?

Отморозок с испугом дернулся в сторону.

— Это по почкам, что ли? Не, не надо. Не имеешь права бить, начальник! Адвоката давай!

Крюков положил руку на плечо молодому человеку и заглянул ему в глаза с добрым ленинским прищуром.

— Чего ты испугался? В милиции не бьют, дружок. Ты просто наслушался пропаганды. Будет тебе рыбка, будет и адвокат. Только ждать его придется, сам понимаешь, не в пятизвездочном люксе. Отправишься ты в камеру, где тебя уже ждет пара карманников. Они арестанты правильные, живут по понятиям. Вас, уродов отмороженных, на дух не переносят. Так что не удивлюсь, если к приезду адвоката они порвут тебе жопу на фашистский флаг. Или на британский, если тебе больше нравится демократия. Уведите! — он махнул рукой милиционерам.

Под насмешливыми взглядами оперативников наглый мажор вдруг изменился в лице и торопливо забормотал.

— Не надо в камеру, начальник! Спрашивай, че хотел. Только без протокола. Подпишу, когда адвокат приедет.

Крюков переглянулся с начальником розыска. Лед тронулся, для начала и это сойдет. Потом не спеша прошелся перед задержанным, сел на стол напротив него и спросил.

— Так за что же вы, козлы, женщину убили?

— А ты че, сам не въезжаешь За бабки, ясный пень!

Задержанный был так подавлен обещанием порвать ему задницу, что даже на козла не среагировал. Это тоже был хороший знак. Значит, он поплыл, оставалось только дожать.

— А горло зачем перерезали? — продолжал допрос Крюков.

Юный бандит не сумел сдержать улыбки.

— Это мы для жути под чеченцев работали. И с мужем ее по телефону говорили с кавказским акцентом. Чтобы, значит, не раздумывал, а заплатил по быстрому.

— И он заплатил?

— Нам все платят, — самодовольно ухмыльнулся убийца.

— И все-таки вы ее убили?

— Че мы, лохи? Кто же на свою жопу будет живых свидетелей оставлять?

Крюков сжал зубы. Вот так все просто и логично у этих ребят. Как говорится, ничего личного. Бизнес такой.

— А может вам просто нравится убивать людей? — спросил он.

Отморозок обиделся, замотал отрицательно бритой головой:

— Че ты гонишь, начальник? Мы не маньяки, Не Щекатилы какие-нибудь!

Крюков еще раз переглянулся с начальником розыска.

— А то говорят — маньяков надо расстреливать, — с горечью проговорил сыщик. — Маньяков усыплять надо. Уколом, как собак на живодерне. Быстро и безболезненно. А вот таких идейных борцов за денежные знаки следует живьем сжигать на площади, как при Алексее Михайловиче. Чтоб другим неповадно было. Таким, как они, за двугривенный человека убить — нефига делать. Пять старух грохнул — рубль в кармане. — Крюков поднялся. — Ладно, дальше колите без меня.

Он простился с операми, расписался в рапорте и пошел на выход. На улице он увидел только что подъехавшие черные машины. Из передней вылезал с озабоченным видом следователь прокуратуры Кибальчич. Крюков удивился.

— Ты, что, стахановец, сегодня один на всю Москву? Следак-многостаночник? — бросил, он проходя мимо.

Тот недовольно буркнул в ответ что-то вроде: «Тебя с твоими приколами дурацкими только и не доставало». Следом появился начальник отдела убийств, друг и однокашник Крюкова по учебе в «вышке» генерал Женька Шабанов. При взгляде на него, Крюков каждый раз испытывал укоры совести.

«Если бы ты хорошо учился, слушался старших и не опаздывал систематически на работу, тоже сейчас был бы генералом», — твердил ему внутренний голос.

Но капитан голоса этого не слушал, Шабанову не завидовал, поэтому они и оставались друзьями. Генерал вид имел усталый: тоже, видать, не выспался. Они давно не виделись и остановились поболтать, как Гек Фин и Том Сойер. Кибальчич тем временем скрылся в недрах ментуры.

— Говорят, мокрушников взял? — спросил Женька. — Кусок хлеба изо рта вырываешь?

— Иди, разбирайся с ними. Это по трупку от супермаркета, — отмахнулся Крюков. — Там жертв — на небольшое кладбище хватит. Как самочувствие?

— Я себя чувствую так, как ты выглядишь. Хреново, одним словом, — пожаловался Шабанов. — Про Чистильщика слышал? Совсем сверху задолбали этим Чистильщиком. Как будто до него у нас киллеров не было? Или будто он последний. Каждый божий день на ковер вызывают и стружку снимают.

Крюков кивнул. Он не раз слышал эту кличку. Откровенно говоря, он считал Чистильщика очередным пугалом, раскрученным на пустом месте охотниками до сенсаций журналистами. Любое совершенное в стране или ближнем зарубежье убийство тут же приписывалось ему, как десять лет назад пресловутому Солонику. Ничтоже сумняшеся, он высказал это мнение Шабанову. Тот помрачнел.

— Я подозреваю, что вся эта возня с Чистильщиком — только повод, чтобы снять меня с должности. Кто-то на мое место рвется, век воли не видать!

Он заторопился, и Крюков не стал его задерживать. Он неспеша прошел к своей машине, сел в нее и поехал в управление, куда не мог попасть с самого утра.

* * *

В свой отдел Крюков приехал поздно. Все уже ушли, доложить Галкину о результатах ночной вылазки не удалось. Собственно, и докладывать было нечего.

Крюков прошелся по кабинету, заглянул к начальнику и прихватил его любимую кофеварку. Кофе он купил по дороге. Йеменский «мокко» оказался черным, как икра в желудке негра, жирным, как перхоть извращенца, и горьким, как слеза русского патриота. Правда, Крюков забыл положить сахар, но даже не заметил этого. Он пил обжигающий напиток маленькими глотками и рассуждал.

Выходило так, что в их управлении и в самом деле действует «засланный казачок». Но кто это может быть? Человек из руководства, из оперов или из неаттестованного обслуживающего персонала?

Кстати, в старых фильмах про войну наши партизанки и разведчицы любили устраиваться в немецко-фашистские штабы уборщицами. Там они похищали всякие секретные документы типа плана «Барбаросса».

Словно в киносериале, очень к месту, дверь распахнулась и в кабинет вошла молодая женщина со шваброй и ведром. Увидев Крюкова, она на миг растерялась.

— Ой, а я думала, что все ушли...

Он вскочил с места и галантно шаркнул ногой, как Арамис.

— Прошу вас, я уже заканчиваю и сейчас ухожу.

Крюков пригляделся к уборщице. Раньше он ее никогда в управлении не встречал. Молодая. Красивая. Юная. С такой внешностью впору в конкурсах красоты призы брать, а не тряпкой орудовать. Улучшенный вариант Митковой, прямо шемаханская царица! Крюкову она показалась очень подозрительной.

Решение созрело само собой. Нужно положить в ящик своего рабочего стола элементарную роламиновую ловушку для любопытных. Уборщица, она же разведчица, она же шпионка лезет в ящик — хлоп! И получает прямо в симпатичную мордашку порцию несмываемой порошковой краски. Эксклюзивный макияж! Как говорится, факт преступления на лице. Единственный недостаток плана заключался в том, что он требовал некоторой подготовки и не мог быть осуществлен немедленно.

Многозначительно улыбаясь, Крюков раскланялся с загадочной красоткой и направился в экспертно-технический отдел.

Там еще горел свет. Крюков просунул голову в дверь лаборатории. Эксперт-криминалист на все руки Олег Селимов раскладывал на столе пасьянс из свежотпечатанных фотографий.

— Селима звал он прежде другом. Селим пришельца не узнал? — спросил сыщик.

Этой цитатой из Лермонтова он приветствовал приятеля все десять лет, что они были знакомы.

— Пузырь, — буркнул тот вместо приветствия, не отрываясь от своего занятия.

— За что?

Селимов поднял глаза на вошедшего.

— Интуиция криминалиста и навык мышления подсказывают, что ты пришел вовсе не за тем, чтобы я занялся твоим опознанием. Привело тебя дело шкурное, с работой ты подождал бы до завтра. Значит, с тебя пузырь. Дедукция, брат, это посильнее будет «Фаустпатрона» Гете. Или даже «Собаки Баскервилей» сэра Артура Дойла, больше известного как Конан!

Крюков вкратце поделился с экспертом своими опасениями и попросил зарядить его стол родаминовой ловушкой. Тому идея понравилась.

— Забавно. Нет проблем, завтра оборудую тебе капкан на волка.

— Скорее на лису, — поправил Крюков. — А что это ты сегодня припозднил-ся? Порнушку печатаешь?

— Лучше, — криво усмехнулся Селимов. — Посмертные портреты невинно убиенного Ходорковского с домочадцами. Утром должны лежать на столе у начальства.

— Кто, трупы? — рассеяно спросил Крюков, автоматически перебирая изображения изуродованных тел.

И замер. Перед ним был снимок дочери банкира. Подпись подтверждала, что на нем запечатлена Мария Ходорковская. К сожалению, в виде трупа. Это была та самая девушка, которую Крюков видел на фото, выпавшем из бумажника Волкова. Там они были сфотографированы вместе. Счастливые и обнимающиеся.

Оба-на! Информация к размышлению. Кивнув приятелю на прощанье, Крюков чуть ли не бегом отправился на третий этаж, где располагался второй отдел.

— Волков не приезжал? — спросил он дежурного.

— Был. Недавно уехал, — отозвался тот. — Торопился, как голый в баню. Случилось чего?

— Случилось. Утюг дома не выключил, — Крюков уже набирал номер мобильного Волкова.

После длинных гудков механический женский голос сообщил ему, что абонент находится вне досягаемости либо отключен. Крюков в сердцах выругался и пошел на выход. Оставалось одно — поехать домой и выспаться.

* * *

Опер Волков гнал свою серебристую новенькую «десятку» по ночным московским улицам. Камни и выбоины он пускал под колесо, не жалея подвески. Уж очень он очень торопился.

Наконец Волков остановил машину возле нового дома элитной постройки. Он откинулся на сиденье, закрыл глаза и некоторое время оставался неподвижным. Затем он извлек из-под куртки вытертый добела старый «наган» с резьбой на конце ствола и навинтил на него глушитель.

Сунув револьвер за пояс на спине, он вылез из машины, застегнул куртку и направился к ярко освещенному подъезду. Кодовый замок на двери подъезда был вырван, окно в будке консьержки не горело. Волков вошел в лифт и нажал кнопку девятого этажа...

В квартире на девятом этаже стоял невыносимый смрад: гарь паленой плоти, резкий запах свежей крови и вонь испражнений. Так же воняло накануне в квартире, где прятались злополучные Тодорковские.

По квартире деловито расхаживали все те же трое убийц-садистов. Колян собирал тщательно вымытые ножи и складывал их, каждый на свое место, в серебристый кейс. Слон сматывал провод электрического паяльника. Гнида у зеркала в коридоре оттирал забрызганный кровью рукав милицейского кителя.

Звонок в дверь прозвучал громом среди ясного неба. Все трое замерли. Колян выхватил из-под плаща короткоствольный «Клин».

— Кто там? Слон, цинкани в пику! — тихо сказал он напарнику.

Гигант, сжимая в ладони несоразмерно крошечную рукоятку Макрова, прокрался на цыпочках к двери и осторожно посмотрел в глазок. Потом вздохнул с облегчением и пискнул.

— Свои. Волчара приканал.

Он открыл дверь. Волков вошел и не смог удержаться от брезгливой гримасы.

— Ну и вонища у вас!

Колян злобно ощерился.

— Работа такая. Мы запачкаться не боимся, не то что некоторые. А вот каким ветром тебя, мусорок, сюда принесло? Ты же грязи не любишь. Слабо тебе на кровь поглядеть?

Убийцы вернулись к занятиям, прерванным появлением Волкова. Вслед за Коляном он прошел в комнату. Там на полу лежали тела мужчины, женщины и ребенка. Руки, ноги и рты их были замотаны скотчем. У женщины скотч на губах был разрезан. Смотреть на изуродованные тела было невозможно без содрогания. Волков хотел было выйти, когда заметил, что веко у женщины дрогнуло.

— А ребенка-то зачем? — глухо спросил он.

Колян сплюнул на пол и показал рукой на трупы рукой.

— Ты что, не въехал? Эта баба — секретарша Тодорковского. Он ей крепко доверял. Не могла она не знать про его бабки. А какое лучшее средство развязать бабе язык? Ребенок. Это и козе понятно.

— И как? Развязал? — Волков с трудом скрывал симптомы ненависти.

Колян расплылся в торжествующей улыбке.

— А это, мусор, не твое дело. Ты, ваше, чего приперся? Щегол с тобой бабки подогнал?

Волков неторопливо расстегнул куртку.

— Нет, бабки я не принес. Только калькулятор.

— Чего? Какой-такой калькулятор? Ты че гонишь, мусор!..

Волков в ответ лишь улыбнулся и скользнул по нему холодным взглядом.

— Механический калькулятор. Машинка такая для окончательного расчета. Не видал? Погляди!

Он одним движением извлек из-за спины наган с глушителем. Раздался едва слышный хлопок, и Колян завалился лицом в свой раскрытый кейс с ножами. Волков легким бесшумным шагом, словно передвигаясь по татами, переместился в коридор.

Гнида был целиком поглощен отмыванием пятен крови на милицейском кители. Пуля попала ему в затылок, прошла навывлет, и последнее, что он увидел в своей непутевой жизни, было круглое отверстие на лбу его собственного отражения в зеркале. От толчка Гнида ткнулся в него головой, оно с громким

стуком рухнуло на пол, а секундой спустя на его осколки приземлился сам отморозок, теперь уже бывший.

На звук разбитого стекла из кухни вышел Слон, который обследовал холодильник на предмет чего-нибудь пожрать.

— Что за звон? — недовольно пропитал он.

— Гнида зеркало разбил, — сообщил Волков. — Плохая примета, к покойнику.

И выстрелил Слону в сердце. Хлопок, как и предыдущие, был еле слышен, но грохот падения огромного тела, казалось, сопровождался тектоническим сдвигом. Следовало поторопиться: соседи могли проявить интерес к событиям за стеной.

Волков вернулся в комнату и наклонился к женщине. Она определенно была жива. Ее муж, похоже, также подавал признаки жизни. Волков не без содрогания оглядел обоих. Размолотые в кашу конечности, обугленные туловища и головы. Нет, с такими травмами не живут.

Волков приставил глушитель к голове мужчины и нажал спусковой крючок. Затем проделал то же самое с женщиной и, на всякий случай, с ребенком. Потом вышел в коридор. Гнида лежал с аккуратным отверстием в затылке, Колян тоже не дышал, но внутри гигантской туши Слона что-то клокотало и хрипело. Пришлось добить и его. Эта пуля была последней.

Опер тщательно оглядел комнату, наскоро обыскал карманы бандитов. Их деньги и документы могли бы ему теперь занадобиться...

Когда за его спиной захлопнулась входная дверь, Колян, не подававший признаков жизни, застонал и перевернулся на спину. Все это время он с трудом сдерживался, чтобы не застонать, так как был уверен, что Волков его добьет.

Колян, всхлипывая от боли и жалости к самому себе, с трудом дотянулся до оставленного в кейсе мобильного. Все, что он смог сделать, это нажать нужную кнопку. Умная трубка сама набрала номер, забитый в ее память. Послышались длинные гудки.

* * *

В кабинете начальника второго отдела управления спецслужбы сидели двое. Полковник Щеглов развалился в кресле, по-шерифски забросив ноги на покрытую пластиком поверхность солидного письменного стола. Он что-то говорил с озабоченным видом, а его заместитель подполковник Тарасов ловил каждое слово своего командира.

Беседу прервало верещание мобильного Тарасова. Он взял трубку. По мере того, как он слушал, лицо его все больше мрачнело. Он принял сообщение и, не говоря ни слова звонившему, отключился.

— Глеб, у нас проблема, — в волнении начал он. — Волков то ли ссучился, то ли крыша у него поехала. Гниду и Слона завалил наглухо, Колян доходит. Просит прислать лепилу. В смысле — доктора.

Щеки и лоб Тарасова покраснели, он покраснел, руки у него затряслись.

— А номера счетов он достал? — спросил Щеглов раздраженно.

Тарасов пожал плечами.

— Про счета он ничего не сказал. Отключился.

Шарапов вскочил и в ярости ударил кулаком по столешнице.

— Отключился?! Лепилу ему, уроду? Немедленно пошли кого-нибудь добить этого козла. Ну надо же, урло проклятое! Ничего по-человечески сделать не могут. Так, чтобы потом за ними не переделывать. Я их, отморозков, и сам собирался списать в ближайшее время. Давно заслужили. А у Волкова, значит, крышу сорвало? Надо думать, из-за этой сучки, дочери Тодорковского. Машкой ее, кажется, звали?

Полковник принялся курсировать из угла в угол, бормоча ругательства. Наконец, взяв себя в руки, он произнес уже спокойнее.

— Плохо мы с тобой работаем, Володя. Грубо. Через Волкова в качестве жениха мы бы гораздо вернее до бабок Тодорковского добрались, чем через Коляна с его мясниками. Вместо этого двойной облом. А ведь ты, Володя, мне за Волкова головой ручался.

И полковник Щеглов со всего размаха врезал заместителю кулаком в лоб чуть выше переносицы. Тот отлетел в угол кабинета, сбив задом пару стульев. Щеглов подошел к нему, Тарасов инстинктивно закрылся, ожидая нового удара. Но его не последовало.

— Ладно, не симулируй, поднимайся, — Щеглов протянул заместителю руку. — Лобная кость — самая крепкая в организме. От нее иногда револьверная пуля рикошетит. Не ты один виноват, тут и мой недочет. Тоньше надо с людьми работать. Вот тебе и Волков! На вид мразь, а крепким парнем оказался. Один троих быков завалил. Знаешь, Володя, что сказал хан Батый, глядя на тело поверженного партизана Евпатия Коловрата? Он сказал: «О, если бы у меня была хоть тысяча таких воинов, я завоевал бы весь мир!» Мне бы десяток таких как Волков, я бы... Да, и все из-за какой-то ссыкухи — дочки этого Тодорковского! А ты лажанулся! Ведь это все можно было просчитать?

Тарасову совсем не хотелось получить еще одну начальственную плюху, и он отодвинулся подальше.

— Ты. Глеб, не заводись. Давай лучше думать, что дальше делать будем?

Щеглов вздохнул и потеревил кончик острой бородки.

— А что делать? Если перхоть не лечится, то надо удалять голову. Запускай программу «Чистильщик». По двойной схеме, с подстраховкой. Второго косяка нам не простят. Так что проконтролируй лично. И еще подумай, кого теперь на место Волкова возьмем. Может этого кореша твоего, Крюкова?

Тарасов потер ушибленный лоб.

— Крюкова взять можно, но он парень непростой, с придурью. От бабок, конечно, вряд ли откажется. Но как бы не забастовал.

Щеглов достал из ящика стола длинную сигару, специальной гильотинкой срезал у нее жопку и закурил.

— Да нет проблем, — произнес он, пустив дым в потолок. — Если дернется, запрессуем. Никуда твой Крюков не денется. А с Волковым разбирайся немедленно.

— Будет сделано, — Тарасов приложил ко лбу маленький металлический поднос и принялся нажимать кнопки мобильного.

* * *

Волков поставил машину возле своего подъезда. Что ему делать дальше? Об этом старался не думать. Скоро Щеглов узнает об убийстве Коляна и его быков. Шеф не дурак, и интуиция у него — дай бог каждому. Даже если сразу на

него, Волкова, не подумает, все равно будет иметь его в виду в качестве подозреваемого. Значит, придется уходить, ложиться на дно и воевать. Одному с Щегловым не справиться, нужны союзники, друзья. И первый среди них — Крюков. В нем Волков ни секунды не сомневался.

Он запер машину и быстрым шагом направился к своему подъезду. Первая дверь запиралась на простой кодовый замок, вторая была снабжена домофоном.

Открыв первую дверь, опер понял, что тут его уже ждут. Свет в предбаннике и в подъезде не горел — кто-то разбил лампочки, вторая дверь была распахнута, а домофон вырван с корнем. В будке консьержа, вопреки обыкновению, тоже никого не было.

Откровенно говоря, он не ждал такой быстрой реакции. Как же они успели его вычислить? Ответ всплыл сразу — кого-то он не добил из тех уродов.

Револьвера у Волкова уже не было, — выбросил по дороге. К тому же и патроны в нем кончились. Табельный пистолет оставил в служебном сейфе, когда пошел на дело. Он был безоружен, если не считать выкидного ножа — сувенира из киоска. Правда, лезвие его было заточено, как бритва.

Бежать назад не было смысла — наверняка где-то там притаился один из киллеров. Волков достал нож и приготовился к неожиданностям. Ждать долго не пришлось. Прямо перед ним из темноты материализовался дылда в черной шапочке с пистолетом в руке. Так близко, что Волков почувствовал запах перегара. Вероятно, убийца собирался стрелять от бедра, практически в упор, но почему-то замешкался.

Волков отступил назад, носком ботинка выбил оружие из руки нападавшего, щелкнул кнопкой, выпустив на волю клинок ножа, и махнул им, целясь в горло. Пистолет с громким стуком упал на пол. Одновременно Волков почувствовал, что задел врага. Он провел второй удар ногой, теперь уже в висок, и опять попал. Бедолага оказался на полу, грязно выругался и зарычал от боли.

Волков резко повернулся и бросился назад. Если бы убийца был один, вероятно, оперу удалось бы уйти, но перед ним возник двойник поверженного убийцы. Раздался ослабленный глушителем выстрел, потом еще и еще.

Волков упал. Нож выпад у него из руки и отлетел в сторону. Он был еще жив. Убийца злобно пнул его ногой и аккуратно выстрелил в голову.

— Ты как? — бросил он в темный угол.

— Жив, — отозвался его напарник. — Немного поцарапал, сука. Чуть глаз не вырезал.

— Посвети, я его обшмонаю.

При свете карманного фонаря киллеры обшарили карманы убитого. Уходя, один из них достал трубку мобильного и набрал номер заказчика.

— Задание выполнено. Клиент пустой, — доложил он.

— Понял, отбой. Ждите новых распоряжений, — прозвучал в трубке недовольный голос.

Киллеры, оглядываясь, вышли из подъезда. Уже начало смеркаться.

— «Ждите распоряжений!» Только и знают, что распоряжаться! — недовольно ворчал первый.

Второй зажимал рану на щеке носовым платком, который быстро темнел от крови. Убийцы быстрым шагом направились к оставленной в соседнем дворе машине. Минуя разделяющий дворы скверик, они заметили сидевшего

на скамеечке старичка с палочкой.

— Что еще за старый хрен тут загорает? Может, завалим деда? — предложил один.

— Не стоит пачкаться. Место открытое. Да и не видел он ни хрена, — отозвался другой.

Проходя мимо старичка, первый, тем не менее, не удержался от замечания.

— Что, мудака старый, вылупился? Домой вали, там, поди, твою бабу сосед трахает.

Старичок с укоризной покачал головой вслед нахалу и пробормотал вслед.

— Эх, молодежь-молодежь...

Он с рассеянным видом наблюдал, как двое грубиянов уселись в старенькую «БМВ». Когда они запустили двигатель и зажгли фары, старичок не спеша достал из кармана коробочку, похожую на пачку сигарет, но не закурил, а нажал еле заметную кнопку на крышке.

Из-под днища БМВ полыхнуло пламя, машину подбросило взрывом, разломившим ее в воздухе пополам. В соседних домах из окон вылетели стекла, раздались и испуганные крики людей.

Но старичка на скамейке уже не было. Он не спеша вышел на улицу, сел в припаркованный прямо под фонарем серый невзрачный «Москвич».

Перед тем как тронуться, старичок так же, как и киллеры, позвонил по мобильнику.

— Говорит Чистильщик. Все чисто, — сообщил он бесцветным, без интонаций, голосом.

— Понял, ждите новых распоряжений. Отбой. — Услышал он в ответ.

Старичок убрал трубку, отклеил бороду и усы, повернул ключ в замке зажигания и под аккомпанемент мотора замурлыкал вполголоса песню из старого восточного кинофильма: «Ко мне, друзья! Чистильщик я! И молодым и старым нужен мой веселый труд!».

* * *

На следующее утро весь личный состав получил приказ собраться в управлении. Причин никто не знал. Все толкались в курилках и коридорах, слонялись из кабинета в кабинет. Наконец Альпенгольд собрал всех в актовом зале и в свойственном только ему корявом стиле объявил:

— У нас ЧП. Этой ночью насильственным путем ушел из жизни наш сотрудник оперуполномоченный Волков. Он уже висит в вестибюле. Подойдете и ознакомитесь. Командирам подразделения приказываю подготовить предложения по усилению бдительности сотрудников. У меня все. Все по рабочим местам, кроме капитана Крюкова. А вас, Крюков, попрошу остаться.

Пока коллеги Крюкова расползались по рабочим места, ругая почему зря генерала-хронофага, отъевшего такой огромный кусок их рабочего времени, Альпенгольд распекал капитана за «неуставные кеды», именно так он назвал его дорожные шикарные кроссовки.

Затем в сопровождении, точнее, под конвоем генерала Крюков проследовал к его кабинету. Секретарша Альпенгольда отсутствовала. Возле ее стола Крюков увидел майора Нечаева-Тэтэ, который кадрил новую уборщицу. Веник и тряпка в руках этой красотки выглядели также гармонично, как у королевы Елизаветы на светском рауте. Увидев Альпенгольда, Нечаев вытянулся, как салага перед старшиной, а когда генерал прошел вперед, ухватил Крюкова за ло-

коть и подмигнул ему, словно приятелю.

— Слышь, Крюк, девочка тобой интересуется, — сообщил он шепотом заговорщика.

Уборщица скромно потупила большие, как у шемаханской царицы, глаза.

«Конечно, только не в том смысле, в каком ты думаешь» — подумал Крюков и многозначительно улыбнулся.

И напрасно. Генерал обернулся — он явно не был расположен к благодушию.

— О чем вы все время ухмыляетесь, Крюков? — спросил он, стоя одной ногой в кабинете, а другой в приемной. — Товарищ ваш, Волков, доухмылялся. Я вам сейчас скажу такое, что вам тоже жить расхочется. Что вы вчера натворили с покойником на бензозаправке?

Крюков вытянулся и щелкнул каблуками кроссовок. Вернее, попытался щелкнуть.

— Производили задержание, вась-сиясь-тво!

— Прекратите паясничать! И не стройте тут из меня буридановую козу! — вскипел генерал.

— Буриданова осла, — поправил Крюков сдержанно. — Если речь идет о Буридане, то осла. А если коза, то Сидорова. А если ослица, то Валаамова.

Генерал смерил сыщика взглядом, полным ненависти.

— Осла, ослицу, да хоть козла! Я ведь знаю, в чем овца зарыта. Вы, Крюков, считаете, что только у вас имеются серые клеточки головного ума, а все остальные, особенно ваши начальники, варламовы козлы.

Крюков промолчал, хотя в душе не мог не согласиться. Это был первый случай, когда он безоговорочно признал правоту генерала. Тот тем временем продолжал.

— Вы, Крюков, ждете не дождетесь, когда я голый и босый буду вам честь отдавать. Ждете? Не дождетесь!

Крюков с огромным трудом сдержал приступ смеха. Он представил себе голого и босого толстяка-Альпенгольда в генеральской фуражке, проходящего четким строевым шагом и отдающего ему честь.

— Не дождетесь! — брызгал слюной генерал. — Выплюньте эту идею из вашей головы. Это вы мне, голый и босый, будете честь отдавать!

— Никак нет, товарищ генерал, — вставил Крюков. — Голым честь отдавать у нас по уставу не положено. Мы не в Америке, это там к пустой голове руку прикладывают.

Генерал посмотрел на Крюкова, словно только что раскусил его, а до этого считал родным и близким по духу человеком. А тут бац — такое разочарование!

— Вы, Крюков, не с того конца жизнь начинаете. Но мы это вам поправим. Хочу вас поздравить. Ваш дружок, заместитель начальника главка генерал Шабанов сегодня снят с должности и уволен по неслужебному соответствию за развал работы. С одним единственным киллером, с Дворником каким-то, не смог справиться. Позор. Так что покрывать вас, Крюков, больше некому. И после первого же замечания я вас выгоню в четыре руки.

Альпенгольд, вероятно, представил себе эту картину, так как его настроение вдруг изменилось к лучшему. Он даже перестал кипеть и ругаться. Тон его стал сдержанным и даже сочувственным.

— Вы, Крюков, хороший профессионал, компетентный офицер. Вы изобретательны и упорны там, где вам это надо. И с серыми шариками вас все в порядке. Не окончательный дурак. Но о субординации дисциплины не имеете зеленого понятия. Так что я ни под каким видом не хочу видеть такого сотрудника в составе вверенного мне управления. Короче, или уйдете вы или одно из двух. Можете ступать вон! — в подтверждение серьезности своих намерений он грозно нахмурил брежневские брови.

«Обнадежил, что и говорить! — подумал Крюков и вылетел из кабинета окрыленным. На один бок.

В приемной прогуливался Тэтэ. Видимо, ждал, пока Крюков уйдет, чтобы выложить генералу очередную порцию доносов. Сыщик решил не упускать случая и использовать нечаевскую осведомленность. Он дружески хлопнул стукача по плечу и наградил его обаятельной улыбкой.

— Говоришь, мисс Швабра мной интересуется? Кстати, откуда она взялась? С такими данными ей бы не полы драить, а на Тверской клиентов окучивать.

Нечаев не смог удержаться, чтобы не продемонстрировать свою осведомленность.

— Так она же у нас срок отбывает. «Два по двадцать».

Кажется, ситуация начала понемногу проясняться. Красавица-уборщица за какие-то прегрешения получила два года условно с обязательным привлечением к труду и отстеежкой по двадцать процентов от зарплаты в доход государству. По идее, ее должны были направить в больницу или на завод. Но вместо этого она оказалась здесь, в секретном управлении. Что это — простое совпадение?

Крюков задумался и не сразу понял, что Тэтэ продолжает ему что-то говорить. Он прислушался.

— Поэтому следователь Кибальчич и выпустил твоих отморожков, — закончил Нечаев.

— Постой, я не въезжаю. Как так выпустил? — возмутился сыщик.

Тэтэ терпеливо, как для тугодумов, повторил.

— Я же говорю. Задержали вы их незаконно, с применением недопустимых методов. Способом, опасным для жизни и здоровья третьих лиц. От показаний своих они отказались, побои зафиксировали. Волкову, можно сказать, повезло, а то бы под суд пошел. Ты тоже готовься в прокуратуре показания давать. Посадить, может, и не посадят, но уволят — сто пудов. Ну, бывай! — Стукач остался доволен обескураженным видом Крюкова и без стука прошел в кабинет генерала.

Крюков поплелся к себе. Открыв дверь в кабинет оперсостава, он увидел, что ослепительная уборщица снова крутится возле его стола. Заметив Крюкова, она как ни в чем не бывало начала порхать между столами с веником в руке. «Эту порочную практику пора прекратить» — подумал сыщик.

Подождав, пока красotka с веником отвернется, он извлек из щели между шкафом и сейфом большой бумажный пакет и решительным шагом направился к экспертам.

Селимов был, как всегда, страшно занят. Он даже не вышел навстречу Крюкову и общался с ним из-за закрытой двери фотолаборатории.

«Ловушку я поставил, — крикнул он, — теперь первый, кто залезет в ящик твоего стола, об этом пожалеет. Я скоро буду, подожди!».

Через пару минут он и в самом деле появился перед Крюковым собственной персоной.

— Гони пузырь.

— Молодец! — Крюков протянул эксперту пакет с обещанным гонораром в виде бутылки «Джонни Уокера» с черной этикеткой.

Селимов скорчил брезгливую гримасу. Крюков возмущился.

— А ты бы что хотел за свою самодельную конструкцию? Синюю!

— Ну, хотя бы золотую.

— Перебьешься. Кстати, за ловушку спасибо, но в следующий раз когда поставишь, предупреждай. А если бы я сам туда залез?

Селимов уже открыл бутылку, понюхал, налил в мензурку, посмотрел содержимое на свет и попробовал на язык. Почмокал.

— Ладно, сойдет. А насчет предупредить... Ты же всегда, как минимум, на полчаса опаздываешь. А у меня ни минуты свободной нет.

Крюков окинул взглядом рабочее место эксперта-криминалиста. В центре стола стоял раскрытый серебристого цвета кейс-футляр с восхитительным набором кухонных ножей и прочих поварских аксессуаров. Рядом с кейсом лежал обычный пластиковый пакет, из которого торчали один ствол и две рукоятки пистолетов. Кажется, это были новенькие тэтэшники.

— Откуда дровишки?

Селимов неохотно оторвался от экспертизы виски.

— Эти? Стволы из мусорника возле того дома, где убили Тодорковских. А кейс с ножами из квартиры Тодорковского секретарши. Ее с мужем и ребенком тоже зверски зарезали сегодня ночью. А потом кто-то замочил троих потрошителей и добил их жертвы выстрелами в голову из «нагана». Возможно, это был четвертый член банды. Кстати, потрошители оказались бывшими сотрудниками одного частного охранного предприятия. Название у него такое банальное... «Щит и меч», кажется. Выводы — не мое дело, но думаю, что и Тодорковского с семейством убили они же. Там их спугнули, вот они стволы и сбросили.

Крюков с сомнением покачал головой.

— А ножи оставили?

— Ножи в данном случае к делу не подошьешь, — возразил Селимов. — Ими не кололи, а резали, так что это не доказательство. Я их себе заберу. Такой комплект долларов на пятьсот потянет.

— А стволы? — поинтересовался Крюков.

— Что стволы? Нет, стволы тоже не доказательство. Там если и есть отпечатки, то только того, кто их нашел. Слушай, кто у нас работает? Их Нечаев в мусорном баке обнаружил. Забрал и принес. Ни протокола, ни свидетелей. Даже рапорта не оставил. Из отпечатков пальцев — только его собственные.

— Так давай его и посадим, — предложил Крюков. — Отсидит, выйдет на свободу другим человеком. Умным и наученным горьким опытом.

Он почувствовал, что стоит на пороге разгадки. Связь Воронова с Машей Тодорковской, его подозрительная осведомленность о действиях преступников и загадочная смерть сначала убийц, а потом и самого Волкова — все это выстраивалось в незаконченную, но закономерную причинно-следственную цепочку. Но тогда получается, что уборщица действительно ни при чем?

— Хочешь, я тебе твои стволы по всем правилам оформлю? — предложил

сыщик. — У меня под них даже преступники имеются. Давай-ка их сюда.

Он решительно сгреб пистолеты в пакет и собрался уходить.

— Ты что, Крюк? Куда? Кончай прикалываться! Меня же посадят! — завопил Селимов.

Крюков остановился на полпути к выходу и обернулся.

— Не бзди, дружище, я тебя не выдам. А если и выдам, то не сразу. Успеешь скрыться. С такими ножичками, как у тебя, нигде не пропадешь. — И он исчез за дверью.

После недвусмысленного заявления Альпенгольда сыщику оставалось два пути. Либо трястись и ждать, пока генерал придерется к какой-нибудь мелочи и вышвырнет его за порог, либо самому устроить себе пышные похороны с громом орудийного салюта и звуками фанфар. Он выбрал второе.

Сейчас Крюков собирался как следует погонять своих осведомителей в поисках ушедших от возмездия отморожков. И уже к обеду у него была полная информация об их местонахождении.

* * *

В просторном зале закусочной стоял такой табачный дым, что повешенная на видном месте табличка «Не курить!» совершенно терялась в его клубах. Народу хватало, но угол заведения был совершенно свободен. Там за столиком гуляла тройка молодых парней. Они уже успели сбить очки какому-то бывшему интеллигенту и надавать затрещин паре безобидных алкоголиков. Поэтому вокруг них образовалась некая полоса отчуждения.

Под столом катались две пустых водочных бутылки. Старший из парней разлил по пластмассовым стаканчикам остатки третьей.

— А знаете, почему они нам ни хрена не сделали? — громко, на весь зал проорал он. — Потому что мы — бригада!

— Йес! — подхватили двое его приятелей, сияя побитыми рожами.

Они выпили и, не закусывая, закурили. Предводитель мечтательно закатил глаза к почерневшему от копоти потолку заведения.

— Теперь с этим отмороженным мусором разобраться бы! Мы такое не прощаем!

— Не прощаем! — поддержал его один из соратников.

Другой, с шишковатым бритым черепом, от души рыгнул и произнес.

— А ты че, не в курсах? С ним же уже разобрались. Нашлись добрые люди, зажмурили козла. Это того, который бензином поливал, а потом меня и Владика копылам и отоварил.

— А второй? — набычился главарь. — Он меня в ментовке прессовал, сука!

— Этот еще живой. Пока. Его тоже отловим, нет проблем, — поддержал дружкой Владик.

— Мы его привезем на заправку, — принялся фантазировать предводитель, — я ему сам лично штуцер в очко засажу и литров десять бензина заправлю. Разорюсь на «девяносто восьмой», чтобы быстрее убежал, когда нас увидит!

— Эх, нам бы хоть пару стволов, — размечтался Владик. — Ты че там секешь?

Шишкоголовый снова рыгнул и указал пальцем на соседний столик.

— Да вон за тем столом конкретный уркаган торчал. Синий, весь в наколках. Ушел срать и не вернулся. Даже пиво не допил.

Главарь заржал.

— Так иди, допей, какой базар?

— Гы-гы-гы! — поддержал босса Владик.

Но шишкоголовый замахал руками.

— Он пакет оставил. Вам из-за стола не видно. Может там бабки?

— А может в нем бомба? — осклабился предводитель. — Владик, стоняй мушкой, проверь.

Владик стрелой метнулся к соседнему столу и вернулся с тяжеленным пакетом.

— Блин! Тут водяра! Два пузыря!

— Давай сюда, — распорядился старший.

Владик замешкался.

— А если урка вернется?

Но тут шишкоголовый поддержал командира.

— А мы при чем? Водка что, подписанная? А будет залупаться, по рогам получит. Разливай!

Владик разлил по полной. Остаканились. Шишкоголовый вошел во вкус.

— О-па! Хорошо пошла! А закуси он там в пакете не оставил?

Владик спохватился и поспешно снова полез в пакет.

— Тут еще сверток какой-то тяжелый. Ящик с гвоздями, что ли?

Старший всерьез заинтересовался.

— Откуда у урки ящик с гвоздями? Может там песок... золотой?

Владик запустил руку в глубину пакета.

— Гадом буду, ствол! И еще один! Три!

— Дай сюда! — главарь вырвал пакет у подчиненного Положил его на стол и заглянул внутрь.

— В натуре три ствола... Ну, пацаны, теперь мы реальная бригада! Если сию секунду за вещичками вернется, будем мочить его без базаров Вооружайся!

Стараясь действовать незаметно, он раздал под столом пистолеты своим корешам.

Владик пугливо огляделся — не видит ли кто их занятия, и только тут заметил, что закусовая опустела. Кроме них троих в помещении находился только один человек. И человек этот Владик почему-то очень не понравился. Вглядевшись, Владик понял, почему.

— Эй, — крикнул он, привлекая внимание друзей. — Секи, братва, это же тот мусорюга, который нам на заправке хомут вешал! Дракон тухлый!

Крюков, а это был он, громко скомандовал.

— Уголовный розыск! Оружие и бабки на стол! А ну, все на пол! Всем лежать и бояться!

Отморозки замерли на секунду, потом разом вскинули стволы и направили их на опера.

— Получи, сука! Мочи легавого!

Три двойных выстрела из простого, как правда, табельного «Макарова» слились в одну очередь. Три бездыханных тела, секунду назад полных жадности, злобы и ненависти, завалились под стол. Один из них успел нажать на спусковой крючок — пуля оцарапала оперу руку чуть выше локтя Его любимая кожаная куртка была была ранена, так сказать, навывлет!

Крюков метнулся к убитым и, не теряя времени, произвел из зажатых в их

коченеющих пальцах пистолетов несколько выстрелов в стену, возле которой только что стоял. После этого он крикнул хозяину закусочной.

— Ашот, заходи!

Тот, перепуганный, просунул голову в дверь, вошел и, увидев дырки в стене всплеснул руками.

— Вах! Какие убытки!

Крюков прошелся по карманам убитых бандитов, вынул у старшего толстую пачку долларов и протянул хозяину заведения.

— Держи, это на ремонт. Не забыл, что говорить надо?

Тот поспешно спрятал деньги и закивал.

— Эй, зачем обижаешь. Будь спокоен, не первый раз...

Сыщик невесело усмехнулся, достал мобильник и по привычке набрал номер начальника убойного отдела.

Секретарша Шабанова ответила, что генерал здесь больше не работает. Она хорошо знала Крюкова и на прощанье по секрету сообщила ему.

— Евгений Геннадиевич теперь начальник частного охранного предприятия «Щит и меч». — И дала ему номер телефона.

* * *

От прокуратуры на место перестрелки снова приехал следователь Кибальчич, а следом появились и оперативники убойного отдела. Крюкову стало казаться, что кроме Кибальчича в Москве следаков вообще больше не осталось. Оперативники знали Крюкова, и допрос не занял много времени. Положение тел убитых, простреленные стена закусочной и куртка сыщика целиком соответствовали его версии событий.

Правда, свидетелей оказалось негусто — один Ашот. Он объяснил, что в этот момент сам стоял за стойкой. Посетители же разбежались по понятным причинам, как только началась стрельба. Его показания совпали с показаниями Крюкова.

Типа — сыщик вошел, увидел хулиганов. Они нецензурно выражались и распивали крепкие спиртные напитки. В ответ на замечание выхватили огнестрельное оружие и устроили бесплатный тир. Капитан Крюков вынужден был открыть огонь на поражение. Это и поразило всех троих.

С улицы стрельба была хорошо слышна, но отличить звук выстрелов ТТ от «Макарова» смог бы только опытный специалист. Так что с этой стороны у Крюкова также все было в порядке.

Табельный пистолет, из которого были убиты отморозки, Крюков сдал на экспертизу. На прощанье он, не удержавшись, бросил Кибальчичу:

— Как же ты их на свободу-то выпустил, юный следопыт?

Но тот только поморгал в ответ с дурацким видом. Да, вот уж действительно, стыд глаза не ест.

С начала Крюков отправился в отдел. О происшедшем следовало доложить прямому и непосредственному начальнику — полковнику Галкину. Конечно, старик снова примется пить кофе пополам с валерьянкой, но тут уж ничего не поделаешь. Переться добровольно на расправу к Альпенгольду Крюков не собирался. Только по приговору суда или под воздействием неодолимой силы.

Время было обеденное, коридоры управления были пусты, двери кабинетов распахнуты. В помещениях царили тишина и полумрак — Альпенгольд распорядился экономить электроэнергию. Только где-то вдали позвякивало

ведро, когда его задевала шваброй уборщица. Неожиданно тишину прорезал дикий вопль на высокой ноте.

— Есть! Попалась! — обрадованно вскричал Крюков.

Но не тут-то было. Едва не сбив капитана с ног, мимо него прогалопировал Нечаев Тимур Тимурович. Лицо, плечи и прочие детали корпуса майора, кои принято увековечивать в виде бронзовых бюстов, были у него щедро посыпаны родам и новым порошком. Капкан сработал.

«Альпенгольд мне такого надругательства над любимым холуем не простит, — подумал Крюков. — Будет лучше, прямо сейчас начать подыскивать себе новое место работы. Как там называется частная лавочка Женьки Шабанова? «Щит и меч»? Очень хорошо, тем более, что у них там, кажется, три вакансии образовались».

Сыщик, стараясь не привлекать внимания, вышел из управления и поехал искать новую контору своего друга.

* * *

Опальный генерал Шабанов, коротающий рабочее время в довольно обшарпанном кабинете на пару с пузатой бутылкой зеленого стекла, встретил Крюкова как родного, даже лучше. Судя по всему, у Шабанова возникли трудности с привыканием к своему новому статусу, которые он и преодолевал с помощью французской микстуры из провинции Коньяк... Крюков в двух словах изложил суть дела.

— На работу? Ко мне? — обрадовался Шабанов. — Хоть сейчас! По капле сакэ, Крюкояма-сан?!..

На самом деле Крюков с Шабановым пили коньяк «Курвуазье» — неплохой, но за это название стыдно брать такие деньги. Пили долго, со средней крейсерской скоростью литр в час. И даже не заметили, как их непринужденное дружеское общение перевалило за третий литро час. Или часо-литр?

В общем-то, Крюков сам собирался поплакать Женьке в жилетку; пороптать на свою злую судьбину, но вышло наоборот. Тот не дал ему и рта открыть, сетуя на интриги завистников и несправедливое устройство общества. Исчерпав собственные аргументы, Шабанов обратился к классике.

— Да, Крюк. Нет правды... где? Ах, да, в ногах... Но нет ее и выше! Выкинули, как паршивую собаку! И даже не за штат, не в резерв. На улицу! Знаешь, что это за помойка такая «Щит и меч»? Богадельня для таких, как я. Для тех, кто вполне еще может работать, но для новой элиты рылом не вышел. И за что выперли? Формально — за Чистильщика! Я, видите ли, не могу обезвредить преступника, действия которого вызывают сильный общественный резонанс накануне выборов. А я ведь его почти что вычислил. Брать собирался, а тут бац! И в народное хозяйство! И вот я здесь.

Тут в пьяную голову Крюкова пришла удивительно здравая мысль.

— А может, тебя потому и вышибли, что ты к Чистильщику близко подобрался?

Шабанов вдруг посмотрел на друга совершенно, казалось бы, трезвым взглядом. Хотя это было практически исключено!

— Ты знаешь, я и сам так думал, только признаваться себе не хотел. Только уж больно страшно получается. Что же, выходит, кто-то у нас на самом верху Чистильщика прикрывает? Но зачем? Гангстерские войны давно закончились, рынок поделен. Или опять передел собственности, как это у нас приня-

то?

Крюков задумался. Мысли его с трудом находили дорогу в извилинах мозга, в ушах стоял шум, и комната качалась, как при шторме, но то, что он выдал вслух, на трезвую голову ему не приходило.

— Рынок-то поделен, но не всем нравится — как! — Заявил он тоном политэксперта. — Кому-то очень хочется его перекроить. Ты прав, это все та же гангстерская война, только тихая, партизанская. И Чистильщик в ней — главная ударная сила. А хозяин или заказчик, как хочешь называй, сидит в нашем министерстве. Так что ты вовремя свалил в эту тихую заводь.

Шабанов взял пустую тару и приложил ее горячему лбу. Легче от этого не стало, и он понял, что надо выпить. Он встал, опираясь на стол руками, пошатываясь, подошел к сейфу, достал очередную бутылку и налил себе и приятелю еще по одной.

— Как сказать, — невесело признался он. — Я пока толком не врубился, но, по-моему, тут тоже не все в порядке. Пятерых сотрудников в одну ночь заваляли, как раз накануне моего прихода. Трое, говорят, те самые, что Тодорковского и его семью потрошили. Двоих других в машине взорвали. И знаешь где? По соседству с домом твоего друга Волкова. Как раз там, где его убили. И в ту самую ночь. Все пятеро из так называемого «Отдела безопасности». Меня, хоть я и директор фирмы, к этому отделу на пушечный выстрел не подпустили.

Крюков был разочарован: он-то рассчитывал поживиться информацией за счет Шабанова!

— А я думал, ты тут главный, — пошутил он, — на хлебное место меня поставишь.

Но Шабанов, пропустив его слова мимо ушей, продолжал бубнить свое:

— По идее здесь только наши отставники должны работать, ну и бывшие армейские офицеры. А в этом «Отделе безопасности» — ты бы их морды видел — одно урло. Чуть ли не рецидивисты. И, хоть я тут без году неделя, но у меня уже создалось впечатление, что вся остальная контора существует только для прикрытия этого отдела.

Они замолчали, потом добавили по чуть-чуть, а потом еще добавили. На этом запасы алкоголя закончилась, и вконец измученный коньяком Крюков засобирался.

— Мне п-п-пора. У меня за-за-завтра будет т-т-трудный день.

Шабанов, взяв приятеля под руку, пошел провожать его к машине. Мысль его продолжала развиваться, а может, и свиваться, в том же направлении.

— Слышь. Крюк, а может, они меня сюда поставили не для того, чтобы я тут за всеми надзирал, а, наоборот, чтобы у них на глазах был? — спросил он, когда они спускались на первый этаж.

Двое дежуривших на проходной мордovorотов оторвались от кроссворда, который они решали в силу ограниченности умов в тандеме, и с интересом уставились на друзей.

— Кто «они»? — громко поинтересовался Крюков. — А, эти... Оборотни в погонах?

— Тс-с-с! — зашипел на него Шабанов. — Ни слова!

Они вышли во двор охранного предприятия. Было поздно, и ворота уже были закрыты на ночь. Шабанов крикнул дежурному, чтобы тот их открыл.

Вскоре появился, позвякивая ключами, дворник, который, как оказалось, только что закончит свою смену. Это был молодой парень в камуфляжке.

— А у вас и дворник имеется? — удивился Крюков. — Ты знаешь, Жека, наш Альпенгольд Чистильщика дворником называет. Ха-ха! — Крюков дружески потрепал дворника по щеке. — Слушай, друг, а ты случайно не киллер, а? Не Чистильщик?

— Киллер, киллер, — отозвался тот с доброжелательной улыбкой.

С юмором парень попался, не обиделся. Он поддержал Крюкова левой рукой и помог ему дотопать до машины.

— Может, тебя подбросить? — забеспокоился Шабанов. — Куда ты такой пьяный поедешь? Или оставайся у меня... Место найдется...

Крюков взгромоздился на водительское сиденье и протяжно зевнул.

— А я... Я поеду-поеду, потом немножко посплю. Мгновений семнадцать... Потом еще немножко поеду, потом еще немножко посплю.

Шабанов с неодобрением покачал головой. Так недолго и в ящик сыграть. Он вспомнил, что когда-то на задворках Склифа видел на стене корявую надпись, выведенную красной краской: «Морг за углом». Очень символично! Это надо писать на каждом перекрестке, чтобы помнили.

С другой стороны, как ни крути, в любом случае все дороги ведут именно туда, в морг или, минуя его, прямо на кладбище, а вовсе не в Рим к тамошнему Папе, как все еще думают некоторые католики. Поэтому Шабанов прибег к другому аргументу.

— А если тебя заметут по дороге? Стукнут твоему Альпенгольду, будут у тебя неприятности.

Крюков запустил двигатель и беззаботно улыбнулся.

— А меня и так завтра уволят. Так что мне пофигу. Знаешь, я где-то читал, что когда принц Гамлет узнал, что смертельно ранен отравленной рапирой, и понял, что терять ему больше нечего, — он пересмотрел свое отношение к жизни.

— Какой смысл, если он уже отравлен? — поинтересовался Шабанов. — Или он еще долю жил?

— Недолго. Зато весело. Дядю как свинью заколол, дружка своего Лаэрта, козла... тоже. Оттянулся, в общем. Ну, пока.

Крюков захлопнул дверь и дал газ. «Рябуха» взревела, как болид «Формулы-1», стрелой вылетела со двора и скрылась из глаз за поворотом улицы.

Глава вторая

Новый начальник

Возможно, у кого-то коньяк и расширяет сосуды. Но это только у того, кто пьет его по чуть-чуть, маленькими рюмками. Короче, издевается и над собой, и над благородным напитком. Если же им злоупотребить, как это обыкновенно делают нормальные люди, то все сосуды в организме сужаются, причем капитально. С водки такого похмелья не бывает.

Наутро Крюков чувствовал себя отвратительно. Идти на службу и разбираться с Альпенгольдом хотелось меньше всего. Пусть увольняет заочно.

Но многолетняя привычка и верность принципам заставили сыщика подняться, принять душ, выпить большую чашку крепчайшего кофе и спуститься к машине. Он не помнил, как доехал до дома, и был страшно удивлен, не обнаружив на корпусе машины свежих повреждений. При этом вчера он умудрился каким-то образом втиснуть свою «рябуху» между «Жигулями» и «мерседесом» в такую узкую щель, куда не влез бы и «Запорожец». Сейчас он не смог бы не то что выехать, но даже пролезть в салон «рябухи». Но ведь вчера-то он каким-то образом вышел из нее? Как?!!

Пока Крюков обдумывал, что делать в этой ситуации, пришел сосед, хозяин «мерседеса», сел в него и укатил. Теперь и Крюков мог воспользоваться своей машиной. Ему припомнилась весьма кстати старая туркестанская поговорка: «Сиди тихо, жди и не дергайся, и мимо тебя пронесут труп твоего врага».

В салоне машины он нашел относительный порядок. Даже стекло одной из задних дверей, уходя вчера, не забыл приспустить. Он всегда так делал для вентиляции салона. Что ж, как говорится: пьян да умен — два угодья в нем.

Крюков наклонился и осмотрел пол — не стошнило ли его вчера. Следов рвоты он не обнаружил, но нашел нечто интересное. Под водительским сиденьем лежала фотография, на которой были изображены в обнимку Волков и Маша Тодорковская. Эту фотографию Волков недавно выронил из бумажника, когда сидел здесь, в машине. Но Крюков готов был поклясться, что тот подобрал снимок и спрятал в карман. Гул в голове не позволял сосредоточиться. А может, Волков еще раз выронил фотографию?

Как бы то ни было, Крюков забросил фото в бардачок и забыл о нем. Кажется, это был первый день в истории, когда опер не только не опоздал на работу, но и приехал чуть раньше положенного. Он решил, что к Альпенгольду заходить нет смысла, а лучше сразу получить обходняк в отделе кадров. Наверняка приказ об его увольнении уже подписан и завизирован.

Но его намерения в корне пресек дежурный по управлению. Увидев сыщика, он тут же заявил.

— Крюков, тебя начальник просил зайти, как только появишься.

Просил? Альпенгольд в жизни никого ни о чем не просил, только приказывал.

— Какой начальник? — сыщик решил все же прояснить обстановку. — Галкин?

— Нет, начальник управления.

В общем, этого и следовало ожидать. Крюков без энтузиазма направился на второй, генеральский этаж. Приемная была еще пуста, даже секретарши не

было. Дверь в кабинет генерала была распахнута настежь.

«Это чтобы ничто не помешало, когда я буду пробкой вылетать отсюда!» — успокоил себя Крюков.

Он постучал костяшками пальцев по дверному косяку и вошел. За генеральским столом, задрав ноги на палисандровую столешницу, сидел Щеглов и задумчиво поглаживал аккуратную, волосок к волоску, бородку. Он не сразу заметил вошедшего. А заметив, самодовольно ухмыльнулся.

— Меня начальник управления вызывал, — пояснил удивленный донельзя Крюков, продефилировав через всю комнату в направлении ботинок Щеглова. — Где он?

Щеглов посерьезнел и принял более приличное положение, опустив ноги на пол.

— Если тебе нужен начальник управления, он перед тобой. Точнее, временно исполняющий его обязанности. Но это только до формального утверждения в должности. А Альпенгольда теперь больше не увидишь.

— Неужели приказал долго жить? — с надеждой в голосе спросил Крюков.

— Долго жить? Ну, нет, — успокоил его Щеглов. — Скорее так: приказал долго пахать. Он уволен в связи с полным служебным несоответствием. Да ты проходи, присаживайся, — сказал он, щеголяя своим либерализмом, и указал на стул, стоявший с боку стола.

«Неужели Бог действительно существует? — подумал Крюков. — Во всяком случае, это еще один аргумент в его пользу!». И он не заставил себя просить дважды. Щеглов продолжал разглагольствовать с видом кудесника.

— Я тут подумал, посоветовался... сам с собой. Хочу Галкина сделать своим заместителем, а тебя двинуть на его место. Засиделся ты в операх, пусть даже и в старших. Пора и поруководить людьми. Тарасова я вместо себя уже на отдел поставил. Что скажешь?

Крюков в течение всей своей сознательной жизни, начиная с детского сада и пионерской организации, делал все возможное и невозможное, чтобы не делать карьеры. Поэтому этот удар судьбы ошеломил его и выбил из колеи. Происходящее он воспринимал, как сквозь туман.

— Надо подумать, — только и сумел произнести он.

Щеглов был явно разочарован и не скрывал этого. Он то думал, что Крюков в порыве благодарности припадет к его стопам и даст клятву верности по гроб жизни. Но капитану легче было себя самого в задницу расцеловать...

Когда Крюков вышел из кабинета начальника, его ожидал еще один сюрприз. За столом секретарши сидела вчерашняя уборщица «два по двадцать». Быстро растет девочка! Что ж, начальству виднее, как распорядиться кадрами. Пока Крюков добрался до своего кабинета, весть о смене руководства успела облететь все управление снизу доверху. По дороге ему встретился Тэтэ. Его волосы еще носили следы родаминовой краски, остальное он, вроде бы, оттер. Он прошмыгнул мимо сыщика и нырнул в дверь туалета, прижимая локтем красную папку.

В комнате оперсостава горячо обсуждали перемены. Больше всех распинался ветеран отдела старик Альбертыч.

— Да вы ничего не понимаете! — горячился он. — Я Щеглова давно вот с таких лет знаю! С ним работать можно.

Его лучший друг и вечный оппонент Киселев, напротив, пребывал в уны-

нии.

— Щегол по головам ходит. Для него люди — навоз. Ты видел, на чем он ездит? «Мерсы» меняет чаще, чем я носки. А часы за тридцать штук? Баксов, не рублей. По только сидеть за него ты будешь. Вы как хотите, а я уволюсь.

Крюков прошел к своему столу. Следы родамина еще виднелись на его поверхности и на полу. Хорошая ловушка получилась.

— Мужики, — сказал вдруг Киселев. — Папку красную никто не видел? Она вот тут, на столе лежала.

— Красную, говоришь? — переспросил Крюков. — А Тэтэ здесь случайно не крутился?

— Был, — подтвердил Альбертыч. — Вынюхивал что-то.

Крюков развел руками с видом крайнего сочувствия.

— Тогда не ищи свою папку. Я видел, как Тэтэ ее в сортир отнес. Наверное, с туалетной бумагой перепутал. Или перед новым начальником выслуживается.

— Блин, что же теперь делать? — растерялся Киселев.

Крюков в ответ лишь пожал плечами.

— Ничего. Ты же только что собирался увольняться, — он на минуту задумался. — Знаешь, Киса, а не пошел бы ты... к Жене Шабанову. В «Щит и меч». От меня привет передашь. Скажешь, что я тебя прислал. Вместо себя. Давай, туда дуй! Мне еще тут кое-какие вопросы порешать надо.

* * *

Вопросы у Крюкова были адресованы к новому начальнику управления Глебу Щеглову. Сыщик шел к нему просить аудиенции, но увидел, как тот выходит из дверей своего кабинета, толкая впереди себя следователя прокуратуры Кибальчича. Всегда спокойный и иронично-снисходительный, сейчас Щеглов гремел и клокотал, как вулкан Попокатепетель.

— Крюков профессионал, а не крюкотвор вроде тебя! — орал он, пихая следователя область поясицы. — Он с преступниками воует, а не язык чешет! И если он в чем-то ошибся, то я сам его поправлю, понял? Так что отныне прошу не мешать моим сотрудникам выполнять свои обязанности. Со всеми вопросами обращайся ко мне. Я отдаю им приказы, я и отвечаю за них. А то вы там у себя прокуратуре оборзели в конец! С преступностью бороться — это вам не с голыми бабами перед телекамерой позировать!

Бледный Кибальчич оторвался от полковника и молнией пронесся мимо Крюкова. Щеглов остановился, переводя дух. Потом подошел к капитану, деликатно взял его под руку и завел в предбанник своего кабинета. Миткова ♦2 тотчас же уставилась на Крюкова своими шемаханскими глазами.

— Извини, Крюк, твое повышение по службе задерживается. Но, думаю, ненадолго, — виноватым тоном сказал новоиспеченный начальник управления.

— Да я и не особенно стремлюсь, — сконфуженно произнес сыщик. Он никак не ожидал, что его скромная персона может стать яблоком раздора между двумя правоохранительными ведомствами. — Я поговорить хотел.

Щеглов нетерпеливо подергал себя за кончик бородки.

— Знаешь, старик, я сегодня поляну накрываю по случаю моего назначения. Подождешь до вечера? Все вопросы лучше за поллитрой решать. Договорились? Ну вот и о'кей! — он залихватски подмигнул капитану и решитель-

ным шагом направился в свой кабинет.

Секретарь-уборщица с неподдельным интересом наблюдала за происходящим. Крюкову ничего не оставалось, как несолоно хлебавши вернуться восвояси.

* * *

Не успел Крюков занять место за своим столом, как его мобильник снова исполнил песенку про «мани-мани». Звонил один из старых приятелей, Артем Карабинович. Это был серьезный предприниматель, не чета мелкому проглоту Смотрову.

— Привет, Крюк, у меня через час стрелка. Ты не подстрахуешь? Оплата по двойному тарифу.

Крюков напрягся.

— Не понял? Тебя ведь «покровские» крышуют. У них что, патроны кончились?

— Понимаешь, стрелка назначена в центре, в ночном клубе. «Эльдорадо» называется. У моих ребят стволы, сам понимаешь, незаконные. В помещение они их пронести не смогут. Я боюсь, что другая сторона с ментами придет или с частными охранниками.

Крюкову такой расклад определенно не понравился.

— А я против них один буду?

— Потому и тариф двойной. Ты один троих стоишь, — польстил оперу Карабинович.

— Тогда почему тариф двойной, а не тройной?

— Не наглей, ментяра! — многолетнее знакомство давало бизнесмену право на фамильярность. — К тому же мои быки, хоть и без стволов, в случае чего тебя поддержат. Ты нам больше для представительства нужен. Так я жду?

— Ладно, уже еду, — неохотно согласился сыщик.

* * *

Крюков подъехал к ночному клубу «Эльдорадо» за десять минут до назначенного времени. Увеселительное заведение, включающее в себя казино, гостиницу, ресторан, дискотеку и еще бог знает какие злачные места, уже издалека привлекало внимание колоссальными размерами. Оно имело вид усеченной ступенчатой пирамиды майя или ацтеков, и соответствующим образом было оформлено.

Еще днем по распоряжению Щеглова Крюкову вернули его табельный «Макаров», что было очень своевременно. Остановив машину, сыщик извлек пистолет из оперативной кобуры, передернул затвор, загнав патрон в патронник, и поставил на предохранитель. При массе недостатков ПМ отличался крайней простотой в применении. Открыть из него огонь было также легко, как из самовзводного револьвера. Сдвигаешь флажок предохранителя и дави на спусковой крючок.

Завидев приметную «рябуху», к Крюкову метнулся крепкий паренек в спортивном прикиде от «Аидаса». Сыщик не стал в него стрелять, справедливо заподозрив в нем быка из покровской криминальной группировки. Так и оказалось.

— Ты Крюк? — спросил пацан.

— Для тебя, сынок, я гражданин старший оперуполномоченный. И на вы, если не трудно. Где Сава?

— Они с Черкесом тебя... вас в машине ждут. Вон там их «майбах» стоит.

Но Карабинович тоже увидел «рябуху» и теперь в сопровождении криминального авторитета покровской братвы Черкеса и тройки его бойцов уже шел навстречу. Они коротко поздоровались. Черкес, могучего телосложения московский кавказец, с высоты своего гигантского роста смерил сыщика колючим оценивающим взглядом. Авторитет был явно не в восторге от нового знакомства и не скрывал этого.

— Так это и есть тот самый Крюк? — презрительно произнес он.

— Тот самый. Что, разочаровал? — поинтересовался сыщик у верзилы. — Только не думай, что повешусь по этому поводу.

— Мелковат для такого дела, — буркнул авторитет.

— Зато ты большой вырос, — парировал Крюков. — Тебя, наверно, снайперы любят. По такому бегемоту хрен промажешь.

Черкес открыл было рот, чтобы достойно ответить, но Карабинович уже влез между спорщиками, как рефери на ринге.

— Ребята, ребята, приколы потом, сперва дело.

Он встал в позу экскурсовода перед картиной Иванова «Явление Христа народу» и показал раскрытой ладонью в сторону манящего огнями бесоугодного заведения.

— Ну, как тебе казино? — спросил он сыщика.

Тот окинул взглядом весь монументальный комплекс, похожий на большое ацтекское бомбоубежище. Впечатление портили огни неоновых вывесок и мириады мигающих на ребрах пирамиды лампочек. Отличная цель для авиации.

— Ничего, — учтиво похвалил увеселительный комбинат Крюков. — Внушает. И расцветка веселенькая. Надеюсь, и внутри так же чистенько?

— Теперь это все мое, — с гордостью сообщил Карабинович. — Я недавно купил «Эльдорадо».

— И теперь боишься войти внутрь без охраны? — усмехнулся опер.

Хозяин «Эльдорадо» замялся и нервно потер ладони одна об другую.

— Ну, понимаешь, формально я еще не вступил в права владения. Так получилось. Есть кое-какие проблемы. Но это дело времени.

Крюков вспомнил утреннюю речь временно исполняющего Щеглова. Кругом одни временнообязанные, ничего нет надежного и постоянного, не говоря уже о вечном. Хотя, впрочем, взять вот пирамиды — тоже символ вечности. Но не такие, как эта, гроб повапленный, набитый нераскаившимися грешниками и грязными деньгами! «Пока есть пирамиды, будут и грабители пирамид!» — подумал капитан.

— Ну что, пойдём тому тереть? — сказал он бизнесмену.

— Я буду в машине ждать пацанов, — предупредил Черкес, неодобрительно посмотрев на Крюкова.

Карабинович в сопровождении троих быков и Крюкова направился в ресторан комплекса. В вестибюле к ним сразу же подошли двое охранников заведения и принялись проверять металлоискателем. Крюков заметил, что ситуацию контролируют еще двое охранников с помповыми ружьями.

Стражи были корректны, но суровы.

— Извините, но таковы правила, — объявил старший, совершенно лысый тип с перебитым носом, но в интеллигентских очках с тонкой оправой.

Когда он закончил проверку братков и приблизился к Крюкову, тот сунул ему в нос свое служебное удостоверение. Лысый пришел в некоторое замешательство.

— Но с оружием не положено.

— Расслабься, у меня только табельное, и я обещаю никого не убивать без крайней необходимости, — успокоил его сыщик. — Свою норму по трупам на этой неделе я уже выполнил. Считай, что я на службе.

Лысый поколебался, но не осмелился разоружить офицера спецслужбы.

— Проходите, — скорее попросил, чем предложил он.

Крюков заметил, как лысый махнул рукой кому-то в конце коридора. Не успели Карабинович с сопровождающими его лицами сделать и пары шагов, как из коридора к ним направились двое типов.

Они были облачены в черные кожаные плащи и шляпы — вылитые агенты гестапо или сигуранцы из старого фильма про комиссара Миклована Приблизившись, типы расстегнули плащи и продемонстрировали заткнутые за пояс рукоятки пистолетов.

Гестаповец, тот, что пониже ростом, подошел к Карабиновичу и положил ему руку на плечо.

— Вы пройдете с нами. Остальным советую не рыпаться. Мы уведем этого человека, и никто не пострадает. Ему ничто не угрожает, с ним просто хотят поговорить.

— Обсудить расцветку гроба? — предположил Крюков со светской улыбкой.

Карабинович не разделял его иронического настроения.

— Я этого и боялся, — обреченно промямлил он.

Трое быков его охраны замерли в нерешительности. Крюков снова извлек из кармана красную «мурку» и обратился к гестаповцам...

— Одну минуту. Я опер Крюков, если кто не знает. Откуда у вас стволы, ребята?

Тот, что был повыше, с достоинством представился.

— Мы сотрудники частного охранного предприятия «Щит и меч». Имеем право на ношение огнестрельного оружия!

И, выставив живот, снова продемонстрировал рукоятку пистолета. Крюков ласково усмехнулся. Те, кто его хорошо знал, сказали бы, что это не к добру. Он неторопливо, чтобы гестаповцы не расценили это как начало агрессии, приблизился к ним на расстояние удара.

— Мужики, вы мне горбатого не лепите. Оружие вы имеете право носить при заступлении на дежурство или при выполнении конкретного задания. Что вы сейчас охраняете? Где копия договора, где накладная? А может, вы бандиты?

Он выхватил из подмышки свой «Макаров» и несильно рубанул по переносице ближайшего оппонента, того, что был повыше. Частный гестаповец враз утратил все свое достоинство и схватился за разбитый нос. Крюков левой рукой изъясил у него пистолет из-за пояса и движением пальца сдвинул флажок предохранителя. А свой собственный пистолет воткнул в кадык второго кожного охранника.

— Оба на пол, стреляю!

Дважды повторять не пришлось. Оба похитителя бросились на мраморный пол, как по команде «вспышка ядерного взрыва с тыла». Импозантные черные

шляпы свалились с их голов и покатались прямо под ноги прибежавшим охранникам ресторана.

— Спокойно, — охладил их пыл сыщик. — Милиция уже здесь. Эти бандиты собирались ограбить ваше казино. Как же вы их пропустили? Плохо работаете, очень плохо! Обязательно отмечу это в рапорте. Ну, что застыли, как шедевры Церетели? Вызывайте наряд из отделения. Ну? Принять положение на старт... Бегом марш!

Лысый секьюрити стоял, как оплеванный. Потом достал трубку мобильного и принялся звонить в милицию.

Крюков подобрал второй пистолет гестаповцев. Внимательно рассмотрел и снова обратился к лежавшим.

— Эй, пацаны, а стволы-то у вас не табельные! Переточены из газовых. Это ж голимый криминал. Да, по паре лет вам, считай, уже обломилось.

Задержанные, лежа на полу, переглянулись между собой.

— Ладно, проехали, начальник, — миролюбиво произнес тот, что был подлиннее, и хлюпнул разбитым носом. — Сам понимаешь, служба...

Крюков изобразил на лице удивление.

— Не понимаю. Если есть документы на оружие, показывайте, если нет, предъявляем незаконное хранение.

— Мы это, вот... В нижнем кармане...

Крюков нагнулся и вынул из кармана плаща сложенную вчетверо затертую по углам до дыр бумажку. Развернул, начал читать: «Я, Скулов Вадим Сергеевич, м-м-м... года рождения, проживающий...». Это что, заявление о приеме в партию?

— Нет, — сообщил с пола длинный гестаповец Скулов. — Заявление, что я нашел пистолет и нес его сдавать. А по дороге, такое дело... Вас встретил.

Крюков почесал кончик носа и обернулся ко все еще не пришедшему в себя после стресса Карабиновичу.

— Это же надо, нас встретил! — покачал головой сыщик. — Кто бы мог подумать? А у второго тоже есть заявление?

— Есть! — тотчас отозвался с пола второй тип в кожпальто. — Можно я его достану?

— Попробуй, — смилостивился Крюков. — Но если я подумаю, что у тебя там запасной ствол или, скажем, граната, прострелю в трех местах как минимум.

— Что вы, гражданин начальник, какая граната! — испуганно произнес второй. — Вот...

Он осторожно, не глядя, протянул Крюкову такой же замусоленный клочок бумаги.

«Я, Ерохин...» — прочитал Крюков и брезгливо помахал бумажками в воздухе.

— Знаете, как это называется? — грозно сказал сыщик. — Лапша для ушей! Этим бумажкам в обед сто лет будет. В следующий раз, когда на волю выйдете, дату сегодняшнюю хотя бы ставьте. Ведь такое заявление каждый день новое писать надо. А вы обленились в конец.

Он демонстративно порвал заявления и бросил в урну.

Так что поднимайтесь и, как говорится, попрошу проследовать!

К ним уже приближались милиционеры в форме, вооруженные автомата-

ми.

* * *

Крюков передал ряженных гестаповцев Окулова и Ерохина патрульным, а сам остался в ресторане.

— Я не поеду, — сказал он старшему милицейской группы. — Оформишь «палку» на себя. У меня и так в этом квартале перевыполнение по задержаниям.

Теперь, когда расстановка сил определилась, и новый хозяин — не без помощи Крюкова — продемонстрировал крутизну, персонал запрыгал перед ним на задних лапках.

Ресторан еще не работал, но для Карабиновича и его команды был накрыт длинный стол в большом зале. Кроме Крюкова и троих быков бизнесмена сюда пожаловали и некоторые представители криминального бомонда столицы, связанные с Карабиновичем. Они как по команде заняли одну сторону стола, напротив них уселись менеджеры казино.

Официальная часть не заняла много времени. Карабинович поздравил себя и присутствующих с началом новой страницы в истории заведения, а затем в самых радужных тонах расписал картины совместного и обоюдовыгодного существования в настоящем и будущем.

Однако за столом бизнесмен, посадивший Крюкова рядом с собой справа, одесную, так сказать, принялся жаловаться оперу на жизнь.

— Представляешь, — тяжело вздыхал он то ли по причине переедания холодных закусок, то ли в связи с навалившимися проблемами. — Купил я все это, потому что на дешевизну польстился. А теперь не представляю, что с таким хозяйством делать...

Крюков чуть ли не впервые за последнюю неделю получил возможность поесть без спешки, не на ходу, а по-человечески, положив локти на стол, отдуваясь и цыкая зубом. Стенания Карабиновича отвлекали его от процесса чревоугодия.

— Продай обратно прежнему хозяину, — вынес он решение в духе царя Соломона.

— Ну, если только в следующей жизни, — ответил бизнесмен. — Вырезали его вместе с семьей. И наследников не оставили. Да ты, наверно, слышал, Тодорковский его фамилия. Таковую бойню устроили!..

Крюков насторожился. Возможно, Карабинович сообщит что-то новенькое по этому странному делу, в котором он, Крюков, увязал все больше и больше.

— Слышал краем уха, — внешне безразлично отозвался он. — А ты как думаешь, зачем было бойню устраивать? Искали что-то? Золото, брильянты?

Карабинович посмотрел на сыщика снисходительно.

— Бабки искали. В смысле — финансовые счета. Он же все, что в России имел, распродал, налегке сбежать собирался. А я, дурак, подсуетился и кое-что купил. И теперь на меня наезжают.

Крюков налил в рюмку водки, выпил по-русски, одним махом, но закусил спаржей, как древнеримский патриций на пиру у Лукулла.

— Кто?

— Не знаю. Они действуют через подставных типов вроде тех, кого ты недавно здесь повязал.

— И чего они от тебя хотят?

— Чтобы я отдал им «Эльдорадо».

Крюков догадался, что пройдошистый делегач хочет использовать его для решения своих проблем с перекрой кой рынка развлечений. С другой стороны, дело было чистое, поскольку Карабинович честно заплатил за свою пирамиду, где его, скорее всего, и похоронят. Славное будет название: пирамида Карабиновича... Но только здесь, и пока он жив, можно получить интересующую его, Крюкова, информацию:

Ты разве не говорил, что мечтаешь от него избавиться? — прикинулся он ничего не соображающим простачком.

Карабинович просто закипел от такой бестолковости сыщика.

— Но не задаром же! Ты не представляешь, какое это золотое дно. «Эльдорадо» — не просто название, это золотая жила!

Крюков взял с тарелки веточку укропа, поднес ее к носу и понюхал: она пахла летом, дачным участком и честным трудом на собственном огороде. Впрочем, сам сыщик не был огородным человеком, как и Карабинович, но на другой лад. Он сунул веточку в рот и принялся жевать с задумчивым видом.

— Неужели оно приносит такой большой доход?

Карабинович усмехнулся, наклонился к уху сыщика и заговорщицки зашептал.

— Доход колоссальный, но не это главное. Знаешь, почему нынче стоит отмыть черный нал? От исходной суммы едва треть остается! А через «Эльдорадо» можно отмыть львиную долю всего черного нала, который крутится на просторах нашей любимой родины. И это сейчас, перед выборами!

Пока бизнесмен и Крюков мирно беседовали за рюмкой водки, пьянка перешла в ту фазу, когда ее участники забывают, зачем пришли и продолжают полет в автономном режиме, сосредоточившись исключительно на себе и своих ощущениях. Как в чеховских пьесах, каждый говорил о своем, совершенно не сообразуясь с настроением ближнего своего. Над столом стоял пьяный гул, перемежаемый мелодичным звоном металла и хрусталя.

Крюкову стало скучно: надраться он мог и дома в обществе интересного человека, то есть самого себя! Дело было сделано, Карабинович фактически вступил в права владения, и Крюков решил, что пора сваливать.

Но внезапно его намерения изменились. На противоположном конце зала сыщик заметил ослепительно красивую молодую блондинку, которая определенно направлялась к их столу. Карабинович хлопнул сыщика по плечу и указал на нее.

— А вот и хозяйка здешних мест, мадемуазель Эльвина. Она управляла рестораном, баром и прочим здешним общепитом. Теперь она в моей команде. Кстати, полуофициальная, так сказать, пассия господина Тодорковского, мир его праху.

Крюков внимательно пригляделся к блондинке, отдаленно напоминавшей Мерилин Монро. Похоже, у покойного Тодорковского был отменный вкус. Сыщик с лукавой улыбкой посмотрел на бизнесмена.

— А теперь ты приобрел ее в комплекте с заведением, в нагрузку? И как грузит?

Карабинович замахал руками от возмущения и встал в позу оскорбленной невинности.

— Как ты можешь? Да я!.. Да у меня... моральные принципы!

Крюков рассмеялся и похлопал бизнесмена по щеке.

— Знаю я твой принцип, баловник: «Лучше нет влагалища, чем очко товарища».

Карабинович, который в зависимости от настроения переходил из одной сексуальной фракции в другую, надулся и заявил:

— А это никого не касается. За свои деньги я сам могу выбирать себе задницу по вкусу!

— Если не секрет, господа, чью задницу вы с таким жаром обсуждаете? Надеюсь, не мою? — раздался мелодичный женский голос: оказалось, что обворожительная блондинка уже стоит у них за спиной. — Может быть, предложите даме стул?

Карабинович вскочил, засуетился, но, надо признать, все сделал ловко и оперативно: и даме к ручке приложился, и стул отодвинул, и Крюкова представил как лучшего на Москве специалиста по переговорам.

Блондинка наградила сыщика очаровательной улыбкой.

— Зовите меня просто Эльвиной, — предложила она, по-деловому протягивая ему ладонь для рукопожатия.

Крюков встал, взял руку дамы кончиками пальцев, перевел ее в плоскость поцелуя и сделал вид, что касается губами. Одновременно он втянул ноздрями воздух над ее кожей, но восхитительный запах богатства и порока не произвел на сыщика должного впечатления. Он уже закусил удила, и в данный момент его интересовали совсем другие подробности совсем другого дела.

— Скажите, Эльвина, могу я вам задать несколько вопросов относительно смерти вашего босса? — бестактно спросил Крюков, помогая Эльвире занять место за столом.

Та строго сдвинула брови. Меньше всего ей хотелось сегодня вспоминать ужасные обстоятельства гибели банкира.

— А разве вы занимаетесь этим делом? — вызывающе спросила бизнесвумен, пригубив поданный Карабиновичем бокал шампанского.

— Нет, — честно признался Крюков. — Но если до вас доберется следователь прокуратуры Кибальчич, который официально им занимается, вам же будет хуже. Он изощренный садист, и к тому же еще более изощренный зануда. Причем неизвестно, что страшнее.

— Это шантаж, — рассмеялась Эльвина. — Я просто вынуждена подчиниться. Но сейчас мне некогда. Давайте встретимся, ну, скажем, завтра. Вот моя визитка. — Она протянула сыщику прямоугольный кусочек картона.

Эвелина кивнула на прощание и поторопилась уйти, увидев приближающую к столу веселую криминальную компанию. Это были покровские авторитеты — Бубон, Купер, Федя и Черкес. Первые трое, усаживаясь за стол, довольно нейтрально поздоровались с опером и более благожелательно с Карабиновичем, Крюков знал их, как облупленных, а Федю даже сжал. Но и тот не держал зла на сыщика. Черкес же с ненавистью взглянул на капитана и постарался сесть подальше от него...

Компания гармонично влилась в общество за столом, занявшись тем же, что и все присутствующие. А Крюков задумался над причинами столь неприязненного к нему отношения Черекеса. Насколько он помнил, их пути не пересекались. Правда, Черкес был другом Федя, возможно, это и было причиной его раздражения. Или он знает о Крюкове что-то, чего не знает о себе он сам?

В любом случае, капитан не собирался ждать, пока Черкес допьется до нужной кондиции и примется выяснять отношения. Он поднялся и ушел из ресторана по-английски, как Ленин с елки в Сокольниках. Сыщику предстоял сегодня еще один банкет, а в последнее время он чувствовал, что гораздо сильнее устает от праздников, чем от работы. Вероятно, годы брали свое...

На банкет, устроенный по случаю назначения полковника Щеглова на должность начальника, Крюков немного опоздал. Щеглов не стал снимать зал в ресторане. Он просто распорядился сдвинуть столы в комнате оперов его родного второго отдела. Несмотря на то, что столы были застелены простои газетой, накрыты они были с царским размахом, словно Щеглов собирался выставлять свою кандидатуру на выборах мэра Москвы.

Виновник торжества принимал поздравления. Увидев Крюкова, он замахал вилкой, приглашая скорее занять место за столом. К лицу его словно прилипло выражение доброты и радушия. Вот только глаза жили отдельно от этой маски рубахи-парня. Сейчас, глядя на сыщика, они словно выбирали — в какое место лучше ему выстрелить. Такие глаза, холодные и нелюбопытные, бывают у больших белых акул.

Тэтэ со счастливой улыбкой хлопотал у стола, открывая новые бутылки. Видимо, нашел себе нового хозяина. Здесь было тесно, едва ли не весь наличный состав управления слетелся на дармовщину. Любит, любит халяву русский человек... Это — святое! Крюков протиснулся на свободный стул рядом с ветераном сыска Альбертычем. Перед ним на столе лежал казенный «Полароид»: старик приготовился запечатлеть на пленку церемонию инаугурации. Однако он был совсем не весел, и, как ни странно, чем-то недоволен.

— А почему Кису не вижу? — спросил Крюков. — Где он, неужели успел набраться?

— В народном хозяйстве, — хмуро пробурчал Альбертыч. — Час назад заявление написал, Щеглов подмахнул.

Их разговор был заглушен криками поздравлений, последовавшими за очередным тостом. Через минуту послышался звон вилки о стакан: это Тарасов попытался перехватить инициативу и взять слово.

— А сейчас внимание на маленький сувенир, сработанный руками наших тульских мастеров!

Он извлек откуда-то из-под стола серебристый футляр. Крюков почему-то сразу вспомнил кейс с набором мясницких инструментов. Но в футляре оказались не ножи. Там, наполовину утопленный в черную бархатную поверхность, отливал серебром большой роскошный пистолет. Курок и спусковой крючок его сияли золотом. Щечки рукоятки были выполнены из желтоватой, как пояснил всезнающий Тарасов, мамонтовой кости.

«Пернач», — сразу же определил Крюков. Новая разработка, пришедшая на смену легендарному «Стечкину». Пистолет, стреляющий при необходимости не только одиночными выстрелами, но и очередями.

Щеглов не скрывал почти детского восторга. Он вынул пистолет из футляра и помаhal им над головой.

— Спасибо, дорогие друзья! — проговорил он.

Альбертыч щелкал фотоаппаратом, как заведенный. Следующий тост провозгласил толстый и важный начальник Отдела охраны и сопровождения полковник Лабухов. Он пожелал Щеглову так же успешно продолжать свой

служебный рост вплоть до министерского кабинета. Присутствующие зааплодировали и дружно поддержали пророчество. В сущности, к Щеглову в управлении относились хорошо. Сотрудники других отделов завидовали его подчиненным. Он любил строить из себя либерального барина. Своих людей, как де Тревиль, командир мушкетеров Луи XIII, в обиду не давал, за ошибки взыскивал строго. Но мог и войти в положение...

Услышав пожелания поскорее стать министром, Щеглов вскочил с места и замахал руками.

— Эй, прекратите! Я вам что, уже надоел? побыстрее избавиться от меня мечтаете? Нет, ребята, карабкаться выше мне ни к чему. Во всем надо меру знать, я же не карьерист. Закон Глеба Щеглова гласит: каждый человек должен знать пределы своей компетентности. Не жди, когда тебя задвинут. Сумей вовремя остановиться. И в министры я не хочу. Да и не потяну.

Но народ не соглашался и гнул свое.

— Потянете, Глеб Иванович! Еще как потянете!

Водки было — хоть залейся. Пили часто и помногу. Кто-то включил компьютер, и комната наполнилась звуками музыки. Молодежь задергалась в современных ритмах. Старики понимающе усмехались, но присоединяться к поколению пехт не торопились.

Крюкова это веселье уже стало утомлять. Когда он в очередной раз повернулся, чтобы сказать Альбертычу, что уходит, того на месте не оказалось. Вместо него рядом с ним сидела мисс Швабра. Она бросила на него один из самых своих обворожительных, отработанных до перфекции взглядов.

— Потанцуем? — предложила экс-уборщица.

Крюков с печальной улыбкой отрицательно покрутил головой.

— Не получится. Последний раз я танцевал на похоронах Андропова, — сказал он довольно нелюбезно. — С тех пор многое изменилось, особенно в области танцев. Вряд ли вы танцуете вальс, барышня.

Барышня обиженно надула губки. Но попыток войти с капитаном контакт не оставила. Проще всего это было сделать традиционным путем — с помощью зеленого змия.

— Тогда, может быть, выпьем? — предложила она.

Когда вопрос ставится вот так, без выкрутасов и со знанием дела, отказать кому бы то ни было просто невозможно. Крюков налил водки ей и себе, они чокнулись и выпили. Секретарь-уборщица проглотила свою порцию, как младенец манную кашку, и даже не поморщилась.

— А как тебя зовут? — спросила она вдруг неожиданно низким голосом, наклонившись к нему так близко, что он почувствовал запах ее пота сквозь парфюм и водочный перегар...

— Крюков, — сообщил Крюков интимным шепотом.

— Нет, по имени. Меня, например, зовут Лариса, — так же шепотом произнесла она.

— А меня нет, — еще интимнее прошептал сыщик и перешел на нормальный голос. — Хочешь еще что-то спросить?

Но Лариса была не так проста, какой хотела казаться.

— Да. На улице темно и страшно. Ты не проводишь меня? После этой кошмарной истории с Тодорковским я боюсь оставаться одна.

«Определенно, барышня знает, чего хочет! — подумал Крюков. — Техноло-

гия отработана».

Но отказывать даме было не в его правилах.

— Хоть на край света, — с готовностью пионера отозвался он. — А тебе далеко?

— Тут рядом. Это же ваша, как это называется, кооперативная квартира.

— Может, конспиративная?

— Может, и конспиративная, — согласилась смышленная уборщица. — Меня Глеб туда в первый же день отвел. И ключи дал.

— Зачем? — не понял Крюков.

А про себя отмстил: «Для нее начальник уже просто Глеб. Быстро, однако, девочка растет».

— Как зачем? — удивилась секретарша-уборщица. — Если квартира конспиративная, так что же, там и пол подметать не надо? Ну так идем? Я забыла там пыль протереть.

«Интересно, какой дурак будет устраивать конспиративную квартиру рядом с управлением? — спросил он сам себя. — Как говаривала Азиса из сказки, становится все страннее и страннее».

Они оделись и вышли на улицу. Идти пришлось недолго. Свернули за угол в переулок, тут и находился нужный подъезд. Крюкову и в голову не приходило, что конспиративную квартиру можно организовать буквально по соседству с рабочим местом. Конспирации, конечно, никакой, зато на дорогу тратиться не надо.

Хотя, насчет конспирации... Это смотря от кого конспирироваться. Если от преступников, то конечно. А если от правоохранительных органов, то место рядом с управлением министерства внутренних дел — самое подходящее.

Они поднялись на четвертый этаж старого московского дома. В подъезде пахло сыростью и плесенью. Лифт, разумеется, не работал. Наконец Лариса подвела Крюкова к невзрачной, ничем не примечательной на вид двери. Только когда она открылась, Крюков оценил ее по достоинству. Настоящая броня. Вместе с сейфовыми замками и отделкой дверка тянула, как минимум, тысяч на пять долларов.

Внутри квартира просто подавляла своей роскошью. У Крюкова, как у всякого добросовестного оперативника, тоже имелась пара конспиративных квартир, где не стыдно было бы и Березовского принять. Но не до такой же степени!

Тут она на него и напала. Такой молодой, бесстыжей и жадной мартышки сыщику давно не приходилось иметь. Собственно, кто кого имеет, определить было трудно. Они рухнули на коврик прямо в прихожей. Крюков пытался возражать, но Лариса ласково прошептала ему в ухо.

— Я тут сегодня пылесосила!

И он сдался. Точнее отдался на волю свирепого тайфуна с простым женским именем Лариса. Совокупление закончилось бурным оргазмом. После этого они помогли друг другу стянуть остатки одежды и перебрались в не менее роскошную, чех прихожая, ванную.

Оказаться в джакузи и не потрахаться — все равно, что побывать в театре и не воспользоваться буфетом. Было неудобно, зато романтично. Правда, всем другим вариантам романтического секса Крюков предпочитал бильярд. Масивный, устойчивый, как рояль. И по сукну не скользишь. Через трение к по-

зам, так сказать. Не то, что вышеупомянутый рояль со скользкой, полированной поверхностью!

Крюков не удивился, обнаружив после бурной помывки на вешалке в ванной махровый халат, а на столике возле широкой голубой кровати бутылки джина и тоника. Это несколько взбудрило его, как и то, что Лариса, наконец, немного выдохлась и сбавила сексуальные обороты. Так что третий эпизод — в банальной постели — даже доставил ему определенное удовольствие.

После этого Лариса начисто отрубилась. Видимо, она относилась к тому редкому типу женщин, у которых после оргазма наступает реакция торможения, выражающаяся в желании спать. Хотя на самом деле это типично мужское поведение.

Сыщик от нечего делать походил по квартире, подивился ее убранству. Он долго размышлял над причинами столь массивной сексуальной атаки со стороны интересующей его особы. С чего бы такая прыть? Влюбилась? Ерунда. Клофелином не воспользовалась. СПИДом или триппером тоже заразить не пыталась. Страсть страстью, а про резиновые изделия не забыла.

Даже то, что Крюков нашел в ее сумочке включенный и поставленный на запись диктофон, тоже еще ни о чем не говорило. Не надеялась же она, что сыщик в процессе эякуляции начнет непроизвольно выбалтывать интересующую ее информацию, как радистка Кэт во время родов. А главное, что ее могло интересовать, и на кого она работала? Пока не ясно.

Крюков внимательно рассмотрел полотна известных художников на стенах, благодаря многочисленности которых конспиративная квартира производила впечатление картинной галереи. Русский авангард начала века, конструктивисты и Малевич. Все в подлинниках...

Одна из дверей квартиры привлекла его внимание. Она была снабжена снаружи мощным засовом. В двери обычный неоптический глазок. Крюков заглянул внутрь. Перед ним была камера. Довольно комфортабельная, с металлической койкой, краном и унитазом, правда, без окна. Свет в комнате-камере зажигался снаружи.

Размышляя об увиденном, он добрался до туалета. И здесь замер в нерешительности. Всякое бывало в его жизни, но оправляться в золотой унитаз сыщику еще не приходилось. Даже как-то неудобно показалось без привычки.

Конечно, унитаз был не золотым, а только позолоченным. Да и проба — не выше 583♦й, что соответствует 14-ти каратам. Он определил на глаз, не на зуб же его пробовать. И все же это поражало воображение. Ай да Щеглов! Вот это амбиции! Есть с золота могут себе позволить лишь немногие, но вот гадить на золото — удел избранных!

Крюков вернулся в комнату, лег на постель рядом со сладко посапывающей экс-уборщицей. Она так и осталась лежать на голубой простыне в чем мать родила, и капитан невольно залюбовался этим молодым, ладно скроенным телом, которое даже жалко было накрывать одеялом. Делать нечего, придется, а то простудится... Крюков, стараясь не разбудить ее, устроился рядом и закрыл глаза. «Пожалуй, пора уходить из большого секса» — подумал он с грустью. — Молодежь наступает на пятки».

Так он и задремал под впечатлением увиденного. Весь остаток ночи ему снилось, что он в армии, и старшина с лицом Щеглова заставляет его драить золотым песком беломраморный сортир в казарме.

Утром Крюков проснулся в той же позе, в которой заснул, но рядом никого не было. И этому обстоятельству он страшно обрадовался. Боялся, что ненасытная секс-машина потребует продолжения соревнований. Но Лариса ушла, оставив на столе записку: «Это было великолепно!!! Будешь уходить, захлопни дверь».

«Да, оригинальная нынче уборщица пошла — широкого профиля. И швея и жнея, и на дуде играет, как Бутман», — подумал сыщик.

Он не без внутреннего напряжения заставил-таки себя воспользоваться золотым унитазом, принял душ, затем оделся и поплелся в управление. Благо идти было недалеко...

В конторе было пустынно, как в праздник. Только гулкое эхо сопровождало сыщика, неторопливо шагавшего по коридору. На всякий случай он заглянул в кабинет полковника Галкина. Тот был на месте и вроде бы даже обрадовался явлению капитана, что само по себе выглядело, как аномалия. Обычно Крюков ассоциировался у него с неприятностями.

— А, Крюков? Заходите. Кофе будете? Есть прекрасная эфиопская «арабика». А могу предложить «марагоджип» из Гватемалы. Что предпочитаете? — Сергей Израилевич любил потчевать сотрудников кофе собственной заварки.

— Предпочитаю Африку, — ответил Крюков и поинтересовался. — А где народ?

К удивлению сыщика, полковник, всегда болевший за дело и буквально живший проблемами управления, с безразличным видом махнул рукой.

— Кто где... Одни «в городе» или «на объекте», другие «на встрече с агентами». Приходят в себя после вчерашнего. Знаете, я боюсь, что популизм нашего нового начальника добром не кончится. Поверьте старому еврею, от либерализма до фашизма один шаг, даже меньше. Помяните мое слово. Мне-то все равно на пенсию... Да, так вам с сахаром? — спросил он, манипулируя с туркой. В качестве источника энергии он использовал спиртовку.

Обычно спирт из нее испарялся раньше времени самым сверхъестественным образом, но сегодня был странный день, не такой, как все...

Только полковник Галкин умел так божественно заваривать кофе. Но Крюков не успел в полной мере им насладиться: «Валькирии» Вагнера, забитые им в мобильник собственной рукой, вернули его к земным проблемам.

Звонила Эльвина. Она просила сыщика приехать к ней не позже, чем через час.

* * *

Крюков ехал на встречу, не торопясь. Проливной дождь барабанил по крыше «рябухи», стекал струями по ветровому стеклу, изо всех сил мешая дворникам выполнять свою работу. Погода навевала грустные мысли. Вот так же, как эти дворники, всю свою сознательную жизнь он борется с криминальной грязью, а ее не становится меньше!

В последнее время он почему-то стал паршиво себя чувствовать. Не в смысле здоровья, оно пока было сносным, а в смысле морального состояния. Его стали доставать перманентные неурядицы в королевстве Датском, то бишь царстве Московском. Раньше он не задавался вопросами о смысле жизни и цели своего существования, но теперь все чаще стал об этом подумывать.

Ведь каждый человек после сороковника становится на свой лад филосо-

фом. Создает свою классификацию вещей и событий, и расстраивается, когда его никто не понимает, потому что у каждого правда своя, для личного пользования только и пригодная.

И в самом деле, зачем он живет? Домов не строит, сыновей-дочерей не растит. Деревьев не сажает. Служит, одним словом. Но кому? Государству? Это даже смешно.

Последним человеком, который у нас искренне служил государству, был Хрущев. Да и то, потому что был этаким Иванушкой-дурачком на троне. Не видел разницы между народом и рабоче-крестьянским госаппаратом. Все последующие деятели выше узкопонятых интересов своей партии и ведомств не поднимались.

А сейчас правительство превратилось в стаю примитивных лоббистов. Поделили бизнесменов на отары, и пасут и стригут каждый свою. К ним присоединились те, кто отстаивает узкие интересы отдельных партий, а то и просто стремится набить собственный карман.

Обществу он тоже не служит. Нельзя служить тому, чего нет! Нет у нас гражданского общества, не было и, скорее всего, не будет. Когда-то дружные колонны демонстрантов, которые текли по Красной площади в русле, обозначенном милицейскими цепочками, выкрикивали речевки под управлением дикторов радио и телевидения, а ими в свою очередь управляли невидимые чиновники-кукловоды. Но, по крайней мере, существовало равенство в нищете или иллюзия такого равенства.

А сейчас публика и подавно расслоилась. Одни в царской ложе устроились, другие в партере, третьи с галерки жалуются, что им плохо видно, а четвертым вообще билетов не досталось.

Насчет закона лучше вообще помолчать. Законы в России никогда не выполнялись, если это не было в интересах власть имущих. А может быть, плюнуть на совесть и начать заколачивать деньги, пользуясь служебным пистолетом, милицейским удостоверением и собственной головой? Так, кстати, сегодня многие поступают.

Зачем ему эта непрерывная гонка с препятствиями и перестрелками, в ходе которых он много раз мог отправиться в морг или напрямик на кладбище? А в перспективе маячит только нищенская пенсия: у нас ведь люди — как инструменты, их используют и выбрасывают на помойку.

Или он просто превратился в человекоподобный аналог собаки-ищейки, которой лишь бы след взять? А дальше — рефлексы и привычки работают.

Ну что ему, в самом-то деле, понадобилось в деле Тодорковского? Никого из убитых он не знал, да и знать не хотел. Мстить за Волкова тоже не собирался. Друзьями они не были, просто некоторое время работали вместе. Даже за деньгами Тодорковского он не охотился, потому что в покое их все равно не оставят. А соискателей и без него — хоть отбавляй.

Скорее всего, ему просто нравится играть в такого ма-а-аленького шерифа, Робин Гуда из ментуры! Вот что доставляет ему удовольствие! И там, где другие с помощью оружия и властных полномочий стараются напакостить ближнему и отравить ему и без того безрадостную жизнь, он, Крюков, старается помочь. И при этом, конечно, себя не забывает. Что делать, жить-то надо. Даже д'Артаньян брал взятки борзыми конями, причем от врага французского народа герцога Бэкингема!

Но он, Крюков, все-таки предпочитает зарабатывать деньги за счет своей компетентности, а не использования служебного положения. Такой вот герой нашего времени. И еще ему очень-очень, как ослику из мультфильма, хочется кого-нибудь спасти. Ну, Эльвину, например. В том, что убийцы Тодорковского ее в покое не оставят, старый и битый опер не сомневался.

* * *

К назначенному сроку Эльвина вышла из ступенчатой пирамиды «Эльдорадо». Ей не хотелось афишировать свои контакты с сыщиком, и она договорилась с ним, что будет ждать его в машине. Пробежав под дождем до стоянки, Эльвина укрылась в салоне своего «лексуса».

В боковое стекло постучали. Неужели Крюков так быстро подъехал? Запоздавшее изнутри и покрытое снаружи струями дождя стекло мешало разглядеть фигуру снаружи.

— Откройте, милиция!

А этот сыщик шутник! Она приоткрыла дверь. Рядом с машиной маячили двое. В своих кожаных плащах и черных шляпах они напоминали киношных гестаповцев.

Один из них протянул красное удостоверение со шитом и мечом на обложке. Представился.

— Мы из группы розыска. Предъявите, пожалуйста, документы на машину.

— А в чем дело?

— Ваша машина числится в угоне.

— Этого не может быть, — возмутилась Эльвина. — Я покупала ее в салоне, у официального дистрибьютора.

Но «группа розыска» стояла на своем.

— Не исключено, что это ошибка компьютера. Такое бывает. Давайте пройдем в нашу машину и разберемся.

— Ну, хорошо, — Эльвина недовольно хмыкнула.

Вишневая «девятка», куда ей предложили пройти, стояла неподалеку. Эльвине ужасно не хотелось выходить под дождь. Она замялась.

— Может быть, вы проверите еще раз по своему компьютеру? А я пока здесь посижу.

Но железные пальцы стиснули ее руку выше локтя и потащили из машины.

— Давай, вылезай, сука! Хорош ломаться! Я тебе покажу, как сопротивляться представителям власти!

Второй «представитель», стоявший за спиной первого, вдруг странно всхлипнул и стал оседать на мокрый асфальт. Через секунду Эльвина почувствовала, как разомкнулись пальцы на ее локте. Грубиян закатил глаза и упал к ее ногам. Вместо него перед испуганной девушкой возник Крюков.

— Я не опоздал? — поинтересовался он.

— Нет, кажется в самый раз. Что они хотели?

— Сейчас узнаем. Посиди пока в машине, — попросил сыщик.

Он волоком оттащил потерявших сознание гестаповцев от «лексуса» и наручником приковал щиколотку одного к запястью другого. Поискав под плащами, он обнаружил пистолеты. Это были переточенные под боевой патрон газовые стволы. Кажется, он только вчера держал их в руках.

Под холодным дождем жертвы сыщика вскоре зашевелились. Он нежно, но

сильно похлопал их по щекам.

— Просыпайтесь, орлы! Так какую власть вы представляете?

Один попытался было возмутиться.

— Мы сотрудники частного охранного предприятия, имеем право...

Крюков узнал его и застонал.

— О, нет! Опять вы?

Пошарив в карманах частных охранников, он сразу обнаружил там заявления. «Я, Скулов... нашел пистолет... шел сдавать в милицию», «Я, Ерохин... нашел пистолет...». На сей раз заявления были написаны на новой, чистой бумаге. Было указано сегодняшнее число, месяц и год.

Крюков не смог удержаться от усмешки.

— Вы бы еще у нотариуса заверили.

— А надо?

Крюков презрительно сплюнул в лужу.

— Поздно, граждане бандиты Скулов и Ерохин. Приговор вступил в силу.

Граждане бандиты задергались.

— Какой еще приговор?!

— Приговор моей совести, — охотно пояснил Крюков. — Ваши уголовные рожи за эти два дня меня достали. Исправлять вас поздно, пора убивать. Тем более, что состав вашего преступления налицо. Вот стволы, из которых вы в меня стреляли, а вон свидетельница, которая все это видела. Что не так? Назовите хоть одну причину, почему вас нужно оставить в живых?

— Но это ж беспредел! — искренне возмутился Скулов.

— Голимый беспредел, — поддержал напарника Ерохин.

— В этом мире справедливость всегда была в дефиците, — не стал возражать Крюков. — Отвечаем быстро — чего вы хотели от Карабиновича, от этой бабы, и кто вас выпустил? Считаю до трех и стреляю по ногам. Это для начала. Раз-два-три!

— погоди, начальник! — загундосил разбитым накануне носом Скулов. — А если скажем?

Крюков поднял руку в пионерском салюте.

— Отпущу на все четыре стороны...

— Пургу гонишь, где гарантии, в натуре!

— Легавым буду! Давай, колись живо.

Бандиты переглянулись и зашептались. Сыщик не стал их торопить. Наконец Скулов решился.

— Вчерашнего мужика и эту бабу нам приказано было доставить на одну хату.

Он назвал адрес. Крюков знал это место. Только сегодня он пользовался там золотым урыльником.

— От кого получали распоряжения?

Ерохин также вступил в разговор.

— По фамилии мы его не знаем, кореш с ним был, Глебом он его называл. Мужик такой веселый, с бородкой. Улыбается все время, а глаза, как у акулы.

Скулов закивал, подтверждая правдивость слов напарника. Крюков подумал, что надо было бы допросить их поодиночке, но второй пары наручников у него не было.

— Ну что, начальник, отпустишь? — без особой, впрочем, надежды спросил

Ерохин.

Крюков достал ключ и отстегнул наручник. Впрочем, пистолет он держал наготове. На благодарность спасенных он не рассчитывал.

— Ладно, валите. Думаю, расстаемся ненадолго. Но учтите, в следующий раз так не повезет.

Ерохин встал и помог подняться товарищу.

— Поглядим, начальник, кому в следующий раз повезет. Шутка.

И оба зашлепали по лужам к своей «девятке». Крюков провожал взглядом их машину, пока она не скрылась за пеленой дождя. Потом он подошел к «лек-сусу» Эльвины и уселся рядом с ней на пассажирском сиденье.

— Зачем ты их отпустил? — спросила она.

— А что с ними делать? Не убивать же, в самом деле. Задерживать нет смысла, их снова освободят. Я даже знаю того, кто это сделает. Но от этого не легче. Зачем ты меня вызвала? Боялась, что тебя убьют? — задавая вопросы, Крюков внимательно вглядывался в лицо бизнесвумен.

— Нет. Я боялась, что меня похитят. Но не думала, что это будет так, внаглую, среди бела дня. Они правда из милиции?

— Нет, но милиции тебе тоже стоит опасаться.

Эльвина закрыла лицо руками. И заплакала. Слезы потекли меж пальцев и по лицу, как маленькие бриллиантики.

— Что же мне теперь делать? И кого я могу не опасаться?

— Меня, — улыбнулся Крюков. — Постараюсь тебе помочь, но ты должна быть со мной предельно откровенной. Договорились? Тогда пошли в мою машину.

Он вышел первым и, засунув руки в карманы, наблюдал, как Эльвина закрывает двери своей эксклюзивной тачки.

Машину Эльвины они оставили на стоянке перед комплексом. Крюков решил, что безопаснее будет отвезти ее домой на «рябухе». Хотя и с меньшим комфортом. Эльвина не возражала. По дороге он несколько раз проверялся, но ни «девятки» Скулова и Ерохина, ни других машин у себя на хвосте не заметил.

Эльвина жила в новом доме-небоскребе элитной постройки. Квартирка у нее оказалась по нынешним меркам небольшой — каких-нибудь сто пятьдесят-двести квадратных метров. Все чистенько, евроремонт, маленький зимний садик. Крюков подошел к огромному, во всю стену, окну. Внизу расстилась вся Москва. Слева от дома высился недостроенный корпус-близнец. Крюков машинально прикинул, что в хорошую оптику оттуда квартира Эльвины должна выглядеть, как на ладони...

В недостроенном корпусе, этажом выше того, где стоял у окна сыщик, на раскладном стуле удобно устроился человек в спецовке охранника. На рукаве его черного комбинезона желтел шит, пересеченный мечом. В руках у охранника был бинокль, через который он внимательно следил за происходящим в квартире Эльвины.

Время от времени наблюдатель отхлебывал из термоса горячий кофе, щедро сдобренный коньяком и негромко напевал себе под нос: «Ко мне, друзья! Чистильщик я! И молодым и старым нужен мой веселый труд!»

Глава третья Чистильщик

Эта ночь далась Крюкову нелегко, поскольку все силы он потратил в предыдущую. Если бы знал, сэкономил бы. Но так всегда бывает — или шиш, или через край.

Собственно, с потенцией проблем не было, и бизнесвумен Эльвина осталась довольна не менее уборщицы Ларисы. Но наутро Крюков едва смог подняться с постели. Мускулы болели, как после восхождения на Эверест, кости поскрипывали, суставы похрустывали. Должно быть, так же чувствовал себя Геракл после совершения своего тринадцатого подвига, а он был помоложе.

— Ты не заболел? — с тревогой спросила хозяйка.

— Ерунда, старые раны, — отмахнулся Крюков.

По привычке он первым делом обошел квартиру и, пока Эвелина плескалась в ванной, произвел тщательный визуальный осмотр. Его внимание привлек мощным компьютер в маленькой комнате.

— В игры играешь или для мебели держишь? — полюбопытствовал он, когда хозяйка вернулась в гостиную.

— Это не мой. Здесь мой брат жил, пока не купил себе квартиру. И новый компьютер, еще более навороченный, чем этот. Он, между прочим, крутой хакер.

За завтраком Крюков решил проверить одну свою догадку. На банкете по поводу вступления Щеглова в должность Альбертыч непрерывно щелкал своим «поляроидом». Несколько снимков Крюков сунул себе в карман. Сейчас сыщик протянул их Эльвине.

— Посмотри внимательно, — попросил он. — Ты никого здесь не узнаешь?

Она внимательно всмотрелась в лица на фото. На снимке Ларисы задержалась.

— Где-то я ее видела. Но где? Нет, сейчас не вспомню. — И вдруг вскрикнула. — Вот! Этого человека я знаю!

Крюков не удивился. Она держала фотографию полковника Щеглова.

— Где ты с ним встречалась?

— Не я. Он несколько раз встречался с Тодорковским, и тот его страшно боялся. Это он убил?..

Крюков озадаченно поскреб щеку пальцем.

— Не знаю. Но не исключаю. Тебе надо на время уехать. Или нанять охрану.

Эльвина вопросительно взглянула на сыщика.

— А ты не мог бы этим заняться?

Крюков отрицательно покачал головой.

— Это исключено. Чтобы помочь тебе, я должен иметь оперативный простор, а не быть прикован к охраняемому объекту. И с этим ничего не поделаешь. Может быть, подыщешь для охраны ребят в «Эльдорадо»? У меня есть на примете одно частное охранное предприятие, но вряд ли ты захочешь иметь дело с его сотрудниками. Двое из них пытались вчера тебя похитить. И я не уверен, что могу положиться на остальных. Кроме, пожалуй, одного.

Сыщик сел к телефону и стал набирать номер Игоря Киселева.

* * *

По пятницам один из лидеров Покровской группировки Бубон ходил с друзьями в баню. Традиция эта стала чем-то вроде священного обряда, и нарушать ее он не собирался.

«Баня продлевает жизнь, — любил повторять Бубон. — В который день парисься, в тот день не стареешь!»

Он заблуждался лишь в одном. Умереть можно и молодым. Пуля киллера, выпущенная с крыши соседнего здания, вошла ему в висок, когда он вышел из бани и направлялся к своему «гелендвагену». Старенькая винтовка «СВД» была найдена позже на крыше с тщательно стертыми отпечатками пальцев. Рядом с винтовкой лежала новенькая обувная щетка — визитная карточка Чистильщика.

Другой авторитет покровских — Купер — в это время обедал в собственном ресторанчике. Его удивило, что горячее ему подает незнакомый официант, а не бывший одноклассник Митя. Купер подобрал его, спившегося, буквально на помойке, вылечил от пьянства и вывел в люди. Только Мите и доверял авторитет обслуживать свою персону.

Купер не знал, что старый школьный друг сейчас лежит дома с острейшим алкогольным отравлением. Причиной этому была состоявшаяся накануне случайная встреча официанта. С кем? Митя так и умер, не вспомнив. То ли в армии вместе служили, то ли в детском саду на одном горшке сидели? Но парень оказался мировой, уболтал на одну рюмку, а дальше само пошло...

Всего этого Куперу не суждено было узнать. Незнакомый официант подкатил к его столику тележку с блюдами, выхватил из-под салфетки укороченный «калашник» и изрешетил авторитета и его охрану, сидевшую за соседним столиком. После чего воспользовался поднявшейся паникой и незаметно исчез из ресторана. Рядом с залитыми кровью и напитками из разбитых бутылок телами остались лежать автомат и маленькая обувная щетка.

Третий из руководителей группировки, Федя, узнав о гибели соратников, срочно дал сигнал общего сбора. Он очень торопился, но все же пару раз его «лендкрузеру» пришлось остановиться на красный свет светофора.

Во время второй остановки с джипом авторитета неожиданно поравнялся мотоциклист, положил что-то на крышу машины и тут же, дав газу, умчался по тротуару. Взрыв восьмисот граммов тротила вспорол крышу и буквально разложил на атомы сидевших в салоне людей.

Собирая останки людей и обломки металла, эксперты нашли под машиной обувную щетку с опаленной щетиной.

Таким образом, к концу дня из числа авторитетов Покровской криминальной группировки в живых остался один Черкес. У многих этот факт вызвал ряд серьезных вопросов. А правая рука погибшего Бубона, его бригадир по кличке Дьякон, прямо заявил, что авторитетов завалил не кто иной, как Черкес. Дьякона поддержали многие, но были и те, кто с ним не согласился. Покровская группировка оказалась на грани раскола и криминальной войны.

* * *

После недолгого затишья коридоры управления спецслужбы вновь наполнились гулом и суетой. Начальник управления полковник Щеглов проводил с личным составом производственное совещание на тему: «Все на борьбу с Чистильщиком!» На совещании присутствовали представители министерства,

мэрии и прокуратуры.

Было сделано много громких заявлений. Принятое постановление можно было предвидеть еще до начала совещания. Личному составу управления, как и прочих подразделений московской краснознаменной милиции, предписывалось перейти на усиленный режим, то есть на двенадцатичасовой рабочий день. Выходных такой график не предусматривал. Кроме того, оперативному составу строго-настрого было приказано активизировать работу с агентурой.

Выйдя с совещания, Крюков справедливо рассудил, что самой заинтересованной, а потому и самой информированной стороной в последних событиях является покровская братва. Он позвонил Карабиновичу и попросил его договориться с Черкесом о встрече. Через полчаса тот отзвонился. Черкес дал добро на стрелку с ментом.

Место встречи — стоянка комплекса «Эльдорадо».

Крюков подъехал к пирамиде Карабиновича секунда в секунду. Он знал порядки, принятые у братвы. Кто приезжает на стрелку раньше времени — тот себя не уважает, кто опаздывает — не уважает партнеров, что считается серьезным «косяком». И тут же рядом с ним затормозил джип покровских братьев.

— Пересаживайся к нам, — сказал водитель.

— А разве Черкес не приехал? — на самом деле сыщик и не предполагал, что тот способен на такую глупость.

— Черкес жить хочет, — пояснил водитель. — Он ждет тебя в падежном месте. Так ты едешь?

Крюков перебрался на заднее сиденье джипа. По бокам от него уселись двое крепких быков. Водитель обернулся и протянул сыщику плотную вязаную шапку.

— Надень и натяни на глаза. Иначе никуда не поедем.

Крюков пожал плечами и исполнил условие. В конце концов, так было спокойнее. Случись какая неожиданность, ему не хотелось быть заподозренным в покушении на жизнь Черкеса. Они и без того были не в лучших отношениях.

Ехали долго. Водитель так часто поворачивал, что Крюков без труда догадался — место назначения не так уж и далеко. Не исключено было, что Черкес скрывается все в том же комплексе увеселительных заведений «Эльдорадо».

Наконец они приехали. Крюкова осторожно вывели из машины и, не снимая мешка, повели под руки по каким-то запутанным коридорам, потом все вместе спустились куда-то на лифте. Здесь с него сняли шапку-мешок и забрали пистолет. Он находился в довольно большой комнате без окон. В кресле за накрытым столом сидел Черкес.

— Присаживайся, — бросил он недружелюбно.

Крюков осмотрелся по сторонам и расположился напротив него на диване.

— Чего хотел? — задал вопрос авторитет.

— Думаю, того же, чего и ты. Подвесить хомут Чистильщику, — ответил сыщик.

Авторитет встал и прошелся по комнате. Брат в союзники мента ему хотелось меньше всего. С другой стороны, в его ситуации выбирать не приходилось. Наверняка на него открылся сезон охоты. Жаждают вороны его крови.

— А почему ко мне пришел? Думаешь, с моей подачи Федю с Бубоном и Ку-

пером замочили? — решил уточнить он.

— Нет, я так не думаю. Иначе не пришел бы к тебе. А вот тот, кто этот по-рожняк погнал, наверняка в курсе дела.

— Тогда это к Дьякону.

Крюков покачал головой.

— Нет, я считаю, что и он не при делах. Кто-то тут за ширмой рулит.

Черкес вернулся к столу, потянулся к бутылке и налил водки себе и Крюко-ву.

— Помянем пацанов... — он поднес стакан ко рту, но пить не торопился. Ка-залось, он ждет реакции капитана: станет ли тот пить за упокой братков, кол-лег которых сам же нередко отправлял на тот свет.

Но Крюков с невозмутимым видом взял стакан. Для него это был тост, а не поминовение. Бандит должен лежать в могиле, а вор — сидеть в тюрьме, в этом он был уверен на все сто!

— Земля им пухом. — Он выпил, зажевал маслинкой.

Черкес тоже выпил, не закусывая, поставил стакан на стол. Казалось, он ко-леблется, стоит ли иметь дело с этим ментом. Потом все-таки решился:

— Того, кто рулит Чистильщиком, ищи у своих, среди мусоров, — сказал он уверенно.

Крюков внутренне подобрался. Как сказал Гамлет в аналогичной ситуации: «Как... Дядя?.. О мои прозренья!..» Но он ничем не выдал своих чувств. — Поче-му так думаешь? — спросил он равнодушным тоном.

Черкес посмотрел на него, как на недоумка. Нет, все-таки этот Крюков во-все не так крут, как ему рассказывали. Кроме мордобития, никаких чудес — вот как это называется. А к умственности непригоден.

— Я не слепой, не глухой и не дурак. Кроме мусоров никто бы на нас нае-хать не рискнул. Так что если начнешь копать, береги свою шкуру. Хоть меня и прессуют, но я бы с тобой местами не махнулся. — Взгляд его потеплел: он представил окровавленный труп Крюкова посреди мостовой... Его бы это со-всем не расстроило. — Давай за удачу! — Он с лицемерной улыбкой налил волки в стаканы, чокнулся с капитаном и выпил первым...

«Хотя Удача дама ветренная и непредсказуемая, выпить за нее не грех, а то еще отвернется...», — думал Крюков прислушиваясь, как алкоголь опускается вниз по пищеводу...

* * *

Крюкова с такими же предосторожностями привезли на место, откуда пе-ред этим забрали. Он пересел в «рябуху» и прикинул план дальнейших дей-ствий. Следующим этапом его расследования было посещение частного охрान-ного предприятия «Щит и меч».

Шабанов находился на работе. Когда капитан вошел в кабинет, тот с озабо-ченным видом сидел за компьютером и набирал какой-то текст на клавиату-ре. Увидев Крюкова, он обрадовался и пригласил его присесть рядом. Они об-менялись рукопожатиями.

— А я думал, что теперь тебя не скоро увижу. Тут от тебя человек пришел. Сказал, что ты передумал, большим начальником стал, — ехидно произнес Щеглов, но капитан игнорировал его тон.

Он знал, как Глеб переживает свое «изгнание из ада», то бишь управления внутренних сношений, как они в шутку называли свою контору.

— Киса? У меня для него работа имеется, — перевел стрелку Крюков. — Где он сейчас?

— Оформляется. Сам понимаешь, формальности. Так ты из-за него приехал?

— Нет, я к тебе. Звякни мне, когда он оформится. Я по другому делу. Давай-ка прогуляемся... — Он подмигнул приятелю, заложил палец за ухо и по двигал им вперед-назад, скосив глаз на стены.

Шабанов понял, что его друг опасается прослушки. Он встал из-за стола.

— Я вообще-то собирался пообедать. Тут рядом одна забегаловка имеется. Идем?

Крюков с энтузиазмом поддержал его начинание. Пищеварение было занятием, на которое у него хронически не хватало времени. Как побил говорить капитан, в его тревоугодьях конь не валялся...

Они вышли с территории предприятия и под мелким морозящим дождем неторопливо направились вдоль улицы.

— Ты ведь перед увольнением делом Чистильщика занимался? — спросил сыщик. — Расскажи все, что знаешь. Меня интересуют не доказательства, а твои догадки. Даже самые фантастические. В прошлый раз ты говорил, что Чистильщик работает на передел собственности. А на кого именно? И где его лучше искать?

Шабанов посмотрел на друга с сочувствием.

— Ищи у себя в конторе. Он где-то рядом и чуть выше. Но будь осторожен. Меня просто уволили, но я — генерал, ты так легко не отделаешься. Как минимум посадят, а могут и убить. Тут на кону очень большие ставки.

Они подошли к небольшой китайской закуской оформленной в традиционном для такого заведения стиле в виде деревянной пагоды. Вышибала на входе — здоровенный парень с лицом древнерусского молодца, — одет был синий френч а-ля товарищ Мао со стоячим воротничком и того же цвета широкие брюки. Он провел сыщиков в зал и вернулся на свой пост у порога. Народу в заведении было немного.

— И здесь обедает отставной генерал? Докатился, — пошутил Крюков.

— Считай, что это для конспирации, — возразил Шабанов.

Друзья взяли китайских пельменей и китайского же пива. Устроившись у окна, они продолжили разговор.

— Слушай, Жень, а как ты думаешь, этот Чистильщик — он кто по жизни? — спросил Крюков, обмакивая пельмешек в смесь соевого соуса, уксуса и сметаны.

Шабанов задумался. Он отхлебнул пива и посмотрел в окно. Потом перевел взгляд на Крюкова.

— Кто-кто? Наш ветеран. С Афгана или Чечни. С крышей у него, думаю, не все в порядке. Но самую малость. Знаешь, в чем его фишка? Он на месте убийства щетку для обуви оставляет. Типа — общество от грязи и скверны очищает. Но это не всегда, а только когда хочет автограф оставить. Он все же не мажор, а киллер, причем профессиональный. По почерку его определить трудно, он универсал. Кого взорвет, кого застрелит. Но школа чувствуется.

Крюков внимательно слушал друга. Наконец, взвесив все за и против, заключил.

— По всему выходит, Женья, что Чистильщик у тебя зарплату получает. А

кто им рулит я, по-моему, уже знаю.

Крюков высказал свои соображения приятелю и, надо сказать, это мало его обрадовало. Предположения Шабанова о том, что его подставили два раза: один, когда вышвырнули по надуманному поводу с работы, и второй — когда трудоустроили в сомнительной репутации охранный предприниматель, нашли подтверждение. Грустно есть пельмени, когда тебе отправляют жизнь оборотни в погонах. Крюков почувствовал изменение настроения приятеля и заказал еще два пива. А потом еще...

Он давно убедился в психотерапевтических свойствах этого напитка. В отличие от водки, которая по сути только углубляет депрессию и плохое настроение и никак не способствует их преодолению, пиво делает человека оптимистом.

Расстались друзья только через два часа, когда Шабанов забыл, зачем они пришли в это китайское заведение...

«Продув цистерны» в туалете закуской, который, в отличие от всего остального, был выдержан в совершенно европейском стиле, Крюков сел в «лягушку» и поехал к Эльвине. Его порадовало то, что она всерьез отнеслась к его совету озаботиться собственной безопасностью: он с большим трудом пробился сквозь ряды ее охраны. Только после ее милостивого соизволения, переданной по телефону, сыщика пропустили в резиденцию бизнесвумен.

— Что-нибудь выпьешь? — спросила она, когда сыщик развалился в мягком кресле у нее в кабинете.

— Кофе, тройной, без сахара. Ты говорила, что у тебя есть брат-хакер?

Эльвина подтвердила это.

— А нельзя его попросить влезть в компьютер к Щеглову и немножко там покопаться?

— Думаю, можно. Тем более, что вопрос касается моей жизни. И смерти...

Эльвина тут же связалась с братом. Он согласился встретиться с сыщиком немедленно и пригласил его к себе. Эльвина поехала с Крюковым...

Брата Эльвины звали Владом, и внешне он нисколько не напоминал сестру. Крюкову он понравился своей сообразительностью. Разговор носил конкретный характер Влад сразу понял, что необходимой для проникновения в компьютер Щеглова информацией ни сыщик, ни Эльвина не обладают, и попросил их просто изложить основные исходные данные. Время от времени он делал пометки в блокноте. Когда Крюков закончил свой рассказ, он сказал.

— Постараюсь отследить связи вашего ламера. Если что будет, позвоню или отмылю Эльвине на почту.

Крюков увез Эльвину к ней домой и до вечера просидел у нее. Наконец раздался телефонный звонок. Звонил Влад.

— Если сможешь, приезжай срочно, — сказал он. — Я взломал защиту вашего Щеглова, это было проще пареной репы. Мне удалось сесть ему на мобильник. Как, это мой маленький секрет. Я даже снял пару эсэмэсок. Короче, ваш Щеглов общается с киллером. Связь с киллером он держит через какого-то Тарасова. Чистильщик это или кто другой, не знаю. Никаких кличек он не упоминал. Но задание дал недвусмысленное. Приезжай, это не по телефону Я даже по электронной почте не рискну это отправлять. Жду.

Крюков подхватил куртку и бросился к выходу.

— Ты куда? — всполошилась Эльвина.
— Влад звонил. Есть информация. Я еду к нему. — Я с тобой!
— Даже не думай. Никому не открывай. Жди моего звонка.
И он захлопнул дверь перед ее носом.

До дома Влада Крюков добрался минут за тридцать. Войдя в подъезд, он обратил внимание на красно-бурый отпечаток рубчатой подошвы на полу возле лифта. Это его насторожило.

«Спокойно, — сказал себе сыщик. — В этом подъезде шестьдесят квартир. Кто-то из жильцов мог разбить себе нос или пролить портвейн».

Но интуиция подсказывала сыщику, что случилось непоправимое. Красно-бурый отпечаток подошвы он увидел и в кабине лифта. Выйдя из него на тринадцатом этаже, Крюков снова наткнулся на след. С той лишь разницей, что здесь он был ярче и отчетливее.

Кровавый след, а теперь сыщик нисколько не сомневался в его происхождении, вел от двери квартиры Влада. Сама дверь оказалась не заперта. Крюков извлек пистолет из кобуры и с соблюдением всех эмвэдэшных мер безопасности вошел в квартиру.

Брат Эльвины сидел в кресле, неестественно откинув голову назад. На полу уже образовалась изрядная лужа крови, капавшей из пробитого пулей черепа. В нее и наступил убийца. На столе перед хакером лежал опрокинутый на бок монитор. Одна его рука безвольно свесилась к полу, вторая прижимала к столу мышку с оборванным хвостиком-проводом. Самого компьютера нигде не было видно.

Крюков сразу понял, почему... У киллера не было времени уничтожить находившуюся в нем информацию или извлечь жесткий диск. Он забрал весь системный блок и при этом не заметил, что уносит на подошвах кровь своей жертвы.

Крюкову не надо было щупать пульс Влада, чтобы определить, что он мертв. Сыщик выругался. Неожиданно в углу комнаты он заметил брошенный убийцей или убийцами пистолет. Это был все тот же хорошо знакомый ему газовый «Макаров», переделанный для стрельбы боевыми патронами.

Выходило, что, подарив Скулову и Ерохину жизнь, он совершил ошибку и обрек на смерть невинных людей. И первым из них оказался Влад, брат Эльвины. Крюков не представлял, как расскажет ей о его смерти.

Надо было срочно уходить. В любую минуту могла появиться вызванная соседями милиция.

Ведь они должны были слышать выстрел! Стараясь не шуметь, сыщик осторожно вышел из квартиры и закрыл за собой дверь.

Садясь в оставленную у подъезда «рябуху, он не заметил, что из припаркованного метра в тридцати серенького «Москвича» за ним наблюдает человек с цепким внимательным взглядом профессионала.

— Ко мне друзья, Чистильщик я! — Тихо напевал себе под нос водитель «Москвича».

Когда Крюков тронулся, он, не спеша, запустил двигатель и направился следом за ним...

* * *

Мысленно разложив в уме, как пасьянс, известную на сей момент инфор-

мацию, Крюков решил, что пришла пора побеседовать с подполковником Тарасовым, старым другом Володей, однокашником по Высшей школе, баловнем судьбы, сделавшим головокружительную карьеру. Конечно, не такую крутую, как Женька Шабанов. Но зато, в отличие от уволенного генерала, Тарасов все еще продолжал служить в органах внутренних дел.

Явившись в управление, Крюков прямым ходом направился к его кабинету, на дверях которого все еще висела старая табличка с надписью «Начальник отдела полковник Щеглов».

Крюков без стука ворвался в кабинет и молча набросился на старого приятеля. Он схватил его за лацканы элегантного пиджака, перехлестнул их у него на горле и вдавил подполковника в кресло. Тарасов совершенно растерялся от такого неожиданного и ничем не спровоцированного нападения. Взгляд сыщика не обещал ничего хорошего, из стиснутых губ вырывалось змеиное шипение.

— Володька, сука, почему сообщения для Чистильщика приходят тебе? Ты же меня знаешь, я дурак, я ведь и убить могу! Потом сам каятса стану, да поздно будет. Хочешь, чтобы тебя клонировали как овечку Долли, посмертно? Говори, кому продался, Иуда?

Лицо Тарасова сначала покраснело, потом начало приобретать синеватый оттенок. Он вцепился в пальцы Крюкова, безуспешно пытаясь отодрать их от своего горла.

— Отпусти!.. — прохрипел он.

Крюков ослабил хватку и дал Тарасову сделать глоток воздуха.

— Колись, гнида, — почти ласково произнес опер.

— Хорошо, — Тарасов обессилено растекся по своему креслу. — Я тебе все скажу. Только ты — никому ни слова, что от меня узнал...

Крюков посмотрел на него, как с сожалением и без сочувствия. Вот так мы и теряем лучших друзей! Он отпустил Тарасова, взял стул и сел напротив него.

— Что. Тебе, может, водички дать? Какое, на хрен, «ни слова»? Ты свое отпрыгал!

Тарасов тер руками шею, приходя в себя. Как ни странно, что он ничуть не обиделся на Крюкова.

— Ты не понял, чудила, — сказал он. — Дело не во мне, а в тебе. Если ты начнешь копать под Чистильщика, с тобой моментально разберутся.

Крюков не считал нужным скрывать презрения к однокашнику: а ведь сколько гектолитров сакэ вместе выпили!..

— Кто? Братва, что ли?

— Нет. Наше руководство. Чистильщик работает на верхние слои атмосферы. Со мной ты можешь легко разделаться. Они сами же меня и сдадут. Но туда, — Тарасов показал глазами на потолок, — туда тебя и близко не подпустят.

Крюков в сердцах стукнул себя по колену.

— А ты? Сядешь и будешь молчать? Срок за них тянуть будешь?

— Жить и в тюрьме можно, — возразил Тарасов. — А если я скажу лишнее, меня уберут, причем легко. Так что твое расследование закончится на мне. Ты хочешь, чтобы я встал и сказал: «Чистильщик — это я»? Нет проблем.

Крюков вскочил со стула, сел на стол рядом с Тарасовым и наклонился над ним, пристально вглядываясь в глаза.

— Кто такой Чистильщик?

Тарасов помолчал некоторое время. Крюкова он знал, как облупленного. Уж если тот чего решил, то выпьет обязательно!

— Ты все правильно размотал, — сказал наконец Тарасов. — Чистильщик получает информацию через меня. Это мой армейский друг, Толик Гарамнов. Мы с ним в учебке сошлись. Я-то там просто так кантовался, от дедовщины прятался. А он, я тебе скажу, диверсант от бога. Снайпер, подрывник — на все руки. После армии мы с ним долго не встречались. А когда Щегол дал мне задание подобрать снайпера для специальной работы, я про него сразу подумал. Оказалось, он в армию вернулся. Воевал в Чечне. После контузии у него крыша поехала, его и уволили. На гражданке он, ясное дело, запил. Когда я ему работу предложил, он тут же согласился.

— Людей убивать? — уточнил Крюков.

Он встал и прошелся несколько раз по кабинету, собираясь с мыслями...

— А он больше ничего и не умеет, — пояснил Тарасов, следя за его передвижениями. — К тому же злой он очень. На всех злой за несправедливость.

Крюков снова подошел к столу и оперся на него руками. Под его взглядом Тарасов почувствовал себя неуютно.

— На себя бы лучше злился. Тоже мне, жертва социального аборта! Говори, где этого героя искать? Не ссы, я тебя сдавать не собираюсь. И он не сдаст. Я таких, как твой Толик, в плен не беру.

Тарасов молчал так долю, что Крюков не выдержал и подошел к нему вплотную с многообещающим видом.

— У меня с ним связь по мобильнику, — скороговоркой произнес Тарасов, — только он у него обычно отключен. Он звонит, когда сам хочет. Правда, есть постоянное время для связи.

— Когда?

— Завтра в семь тридцать утра.

Крюков потрепал Тарасова по щеке. Вид у него был пришибленный, как у побитого щенка. «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста...» — опять вспомнил капитан текст «Гамлета». Вот ведь напасть, один раз прочитал, и крутится, крутится в голове, как навязчивая мелодия!

— Значит завтра на связь выйдем вместе, — сказал Крюков. — Я хочу подложить твоему жаворонку одного жирного червячка. И давай сохраним нашу встречу в тайне. Не советую тебе сдавать меня своим друзьям.

С этими словами Крюков, не прощаясь, вышел из кабинета.

На улице уже стемнело, зажглись фонари на мачтах городского освещения. Крюков подошел к «рябухе», но прежде, чем сесть в машину, тщательно осмотрел ее, в том числе снизу. Зеркальце для этой цели он всегда носил с собой. Вроде все чисто. В салоне тоже никаких следов вражеского нашествия. Крюков сел за руль, но прежде чем отъехать, перезвонил Шабанову и поинтересовался, как идут дела... Несмотря на позднее время, экс-генерал был еще на рабочем месте.

— Я сделал, как ты просил, — сказал он. — Твоего Киселева приставил к этой Эвелине.

— Эльвине, — поправил Крюков. — Спасибо, старик. И еще, если не трудно, проверь по базе, не значится ли в ваших списках честный труженик Гарамнов Анатолий, отчества не знаю. Если да, то никому не говори, а сразу звони мне...

Шабанов положил трубку и поморщился. Не нравилось ему легкое шуршание, которое иногда слышалось в телефонной трубке. Надо будет еще раз проверить кабинет и телефоны на предмет подслушивающих и подсматривающих закладок.

Он подвинул к себе клавиатуру, и очень быстро, как пианист-виртуоз, пробежался по ней пальцами. На экране монитора возник список личного состава охранного предприятия. Список был длинный — фирма имела много филиалов, в том числе и по России.

Шабанов вошел в поисковую систему, вбил имя и фамилию, названные Крюковым. Через секунду данные на Анатолия Гарамнова высветились на экране дисплея. Шабанов взял телефон и начал было набирать номер Крюкова, но остановился на предпоследней кнопке. Он положил трубку и нажал кнопку селектора.

— Вызовите ко мне Гарамнова Анатолия, — велел он секретарше. — Пусть зайдет немедленно.

И снова уставился в экран монитора... Да, тут есть над чем задуматься! Спустя пять-десять минут из переговорного устройства донесся голос секретарши.

— Евгений Геннадиевич, к вам Гарамнов.

— Пусть войдет, — распорядился Шабанов.

Ему показалось, что в приемной упало что-то тяжелое, и в ту же секунду дверь резко распахнулась... В дверном проеме возник человек с направленным в его сторону пистолетом в руке. Профессионалу нетрудно было просчитать траекторию полета пули: кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая! И Шабанов понял, что на сей раз у него нет шансов отвертеться от смерти. Почти нет! Он постарался незаметно для вошедшего выдвинуть ящик стола и с облегчением почувствовал под рукой сталь револьвера. Теперь надо отвлечь внимание киллера.

— Вы Гарамнов? — спросил он, и медленно взвел курок, но тот предательски щелкнул, подтолкнув незваного гостя к решительным действиям.

— Я — Чистильщик, — вежливо представился вошедший, трижды нажимая спусковой крючок.

Послышались три негромких хлопка. Шабанов вскрикнул и стал валиться на пол, под стол. Уже теряя сознание, он потянул спуск, однако прицельного выстрела не получилось, пуля ушла в потолок, от ricoшетила от него и проделала в окне аккуратную маленькую дырочку.

Убийца собирался сделать контрольный выстрел в голову, но ему мешал письменный стол. Он загораживал упавшую жертву. Киллер шагнул, чтобы обойти преграду, когда из коридора донесся тяжелый топот и крики. Путь назад был отрезан! Тогда он бросил пистолет в угол, шагнул к окну, ударом ноги выбил его и выпрыгнул с высоты второго этажа.

Прибравшие сотрудники обнаружили тело мертвой секретарши, тяжело раненного начальника и газовую модификацию пистолета Макарова — 6П42 ИЖ♦79 калибра 9 мм, переделанный для стрельбы боевыми патронами с навинченным цилиндром глушителя...

Об этом происшествии Крюков узнал только спустя час из оперативной сводки. Причина покушения на друга была ему ясна как божий день.

* * *

От безрадостных размышлений Крюкова оторвал вызов нового начальни-

ка управления. Щеглов встретил сыщика как лучшего друга.

— Ты что не заходишь? — сказал он с упреком. — Присаживайся. Тебе чего налить?

Крюков последовал приглашению и сел на один из стульев за Т-образным столом, занимавшим большую часть кабинета начальника.

— Спасибо, чаю если можно, — попросил Крюков.

— Шутишь? — Щеглов заразительно расхохотался: юморок в сотрудниках он ценил и поощрял, к сожалению, не деньгами, а лишь благорасположением.

— Нет, — Крюков сделал вид, что смущен. — Прохожу курс лечения. От триппера.

Щеглов с пониманием ухмыльнулся.

— Ясно. Хочешь, своего лепилу порекомендую? Он такие вопросы с одного укола решает.

— В следующий раз обязательно обращайся. Зачем звал?

Щеглов плеснул себе коньяку в чайную чашку, опустил ложечку.

— Это для конспирации, — пошутил он. — Так вот, то дело, с убийством троих подонков, закрыто.

— Спасибо, отец родной, — Крюков мысленно поаплодировал.

«Хорошо начал начальничек, своевременно напомнил о своем благодеянии. Только со мной это не пройдет...» — подумал капитан и вопросительно взглянул на шефа. В смысле — чего звал-то, не за этим же? Тот заговорщицки подмигнул.

— Дело у меня к тебе, Крюк. Ты ведь с Карабиновичем знаком?

Крюков кивнул. Начальник отхлебнул коньяка и продолжил.

— Тебе надо с ним встретиться. Должок получить и перетереть насчет дальнейших отношений.

Крюков удивился, но виду не показал. Значит, у Щеглова какие-то дела с Карабиновичем? Однако! Мир тесен.

— Он же вроде из несговорчивых, — позволил себе вопрос Крюков. — Неужели согласился?

— Ему сделали предложение, от которого он не смог отказаться.

Крюков скептически улыбнулся. Карабиновича он знал, как старый кадровик свой контингент. И в сталинское утверждение, что незаменимых людей не бывает, он давно не верил. Вот замени кем-нибудь Карабиновича — и все пойдет по-другому, а не так, как с ним. Может — хуже, может — лучше, кто знает?

— Ничего не получится, я его знаю, — уверенно сказал Крюков, — если его прижать, он пойдет до конца. В ФСБ, в прокуратуру. Идти к нему сейчас — значит совать голову в петлю. Давай я лучше убью кого-нибудь, а ты раскроешь это дело. Дешевле будет.

Щеглов, не ожидавший отказа, сделал недовольное лицо. Он помолчал, изучающе глядя на капитана. Но приказывать в этой ситуации по каким-то соображениям не захотел.

— Спасибо, пока не требуется, — сказал он раздраженно. — У тебя будет возможность пожертвовать собой ради высоких идеалов. А насчет Карабиновича, если передумаешь, скажи, — добавил он с многозначительной улыбкой. — Я сегодня допоздна задержусь.

— Буду иметь в виду, — Крюков встал из-за стола и, не прощаясь, направил-

ся к дверям, думая о том, что ссориться с начальством это его фирменный стиль. Горбатого могила исправит! Но дать Щеглову с самого начала их взаимоотношений в новом качестве использовать себя в качестве шестерки ему не хотелось. Ибо потом тот мог потребовать от него множество мелких услуг без всяких обязательств со своей стороны.

Щеглов проводил Крюкова взглядом, не предвещающим ничего хорошего.

* * *

К Карабиновичу Крюков все-таки съездил. Охрана бизнесмена пропустила его в резиденцию Артема неохотно и только после личного разрешения хозяина. И это естественно, так как по-внешнему виду Крюкова было трудно понять, кто он, браток или мент. В наше время бывшие различия все больше стираются.

Офис бизнесмена размещался в солидном трехэтажном особняке, построенном еще в начале прошлого века в псевдоготическом стиле каким-то тогдашним новым русским. Чтобы попасть внутрь, Крюкову пришлось с усилием тянуть на себя за полированную латунную ручку тяжеленную дубовую дверь.

Стены холла были украшены резными панелями мореного дуба; на высоте пяти метров массивные балки, так же покрытые резьбой, образовывали на потолке квадратные кессоны, в центре которых были умешены искусно раскрашенные головки шутов с высунутыми языками. Хоть «Гамлета» снимай!

В глубине холла бросался в глаза великолепный, в рост человека, камин, имитирующий портал католического храма. На стенах были развешаны атрибуты нелегкой рыцарской жизни: мечи, щиты и шлемы. Короче, интерьер давил на психику своими солидностью и богатством.

Капитан поднялся по роскошной лестнице на второй этаж в приемную бизнесмена. Секретарша Карабиновича Света уже ждала Крюкова, которого «хорошо знала с худшей стороны». Когда-то он крутил с ней скоропостижно закончившийся роман. Поэтому он поздоровался с ней, как с родной, а она улыбнулась ему холодно, как бывшему мужу. Да, верно сказано: любовь в жизни мужчины — эпизод, в жизни женщины — история. Крюков с видом нашкодившего кота поспешил проскочить в кабинет бизнесмена.

Там, к своему удивлению, он застал Артема прощающимся за руку с прохиндеем Смотровуком на фоне огромного круглого стола, которому могли бы позавидовать рыцари короля Артура.

Увидев капитана, Смотровук вдруг засмутился-задергался, рванул к выходу и исчез за дверью со скоростью дурного ветра. Крюков задумчиво посмотрел ему вслед.

— Какие у тебя дела с этим козлом? — поинтересовался он у Карабиновича.

— Да так, одно небольшое дельце наклевывается, — бизнесмен повертел в воздухе пальцами, как-будто ввинчивал в него невидимый шуруп.

Артем радушным жестом пригласил Крюкова садиться, указав на одно из старинных кресел с украшенной готической же резьбой высокой спинкой, стоявших у стола. В качестве аперитива капитану было предложено неразбавленное виски в хрустальном стакане. Так сказать, к интерьеру. Крюков сел в кресло осторожно, как будто это был музейный экспонат, и почему-то также осторожно отпил из стакана. По инерции, наверное.

— Ну, товарищ аперитивник, с какой целью пожаловал? — весело спросил Артем, разбавляя виски в своем хрустале водой. Он пододвинул второе кресло

и сел напротив Крюкова.

Капитану пришлось испортить приятелю настроение. Он вкратце изложил ему содержание своей беседы со Щегловым. Карабинович насупился.

— Что посоветуешь? — спросил он с озабоченным видом.

— Дуй в прокуратуру. Есть там один подающий надежды следок по фамилии Кибальчич. Парень туповатый, но хватка у него смертельная. Вцепится — не отпустит. Бульдог, одним словом, — Крюков поставил пустой стакан на стол и попросил приятеля: — И вот что, свяжи-ка меня с Черкесом. Мне с ним тему одну перетереть нужно...

* * *

Черкес согласился встретиться с опером крайне неохотно. Крюкову снова пришлось пережить утомительную процедуру транспортировки по лабиринту городских улиц на заднем сиденье машины с завязанными глазами. Авторитет ждал его в той же комнате, что и в прошлый раз. Похоже, он из нее выходил только по нужде, и то недалеко и ненадолго.

Когда Крюков с эскортом быков вошел в комнату, авторитет в роскошном халате и тапочках на босу ногу стоял у сервированного хрустальными вазами с фруктами стола с гроздью винограда в руке. Время от времени он отщипывал ягоду, подбрасывал ее в воздух и ловко ловил открытым ртом.

Он отправил быков в коридор, велел им не появляться, пока сам не позовет, и устроился исподлобья на Крюкова, который, едва не споткнувшись о кресло рядом с Черкесом, сам сдернул с головы закрывавшую ему глаза черную шапку.

— Слушай, ты меня уже достал своими визитами! — с раздражением произнес криминальный авторитет. — Следующего раза не будет, учти, потому что я тебя элементарно грохну, чтобы не видеть твою ментовскую рожу...

— Дал бы свой номер, я бы с тобой по трубе перебазарил. Мне сюда с портянкой на фейсе кататься тоже не в кайф, на твою морду я могу любоваться в милицейской картотеке, — столь же нелюбезно ответил сыщик.

— Ну и не ездил бы. И без мусорской помощи как-нибудь не пропадем. О себе подумай, а то ведь так можно и здоровье потерять.

— Уж не ты ли мне поможешь?

Крюков вдруг испытал какую-то детскую обиду. Даже сам от себя такого не ожидал. С этим быковатым дебилом носишься как с писаной торбой, жизнь ему спасаешь, а он знай кочевряжится.

— А хотя бы и я.

— Уж больно ты грозен, жевал бы ты... хрен собачий.

Черкес чуть не подскочил на месте. Конфликт явно выходил за рамки ссоры в песочнице.

— Вот что, легаш, даю тебе семь секунд, чтобы сдристнуть отсюда. Время пошло.

— Спасибо за приглашение.

Крюков демонстративно уселся в кресло хозяина, отщипнул виноградину от свисавшей из хрустальной вазы грозди. Он подбросил ягоду и, передразнивая авторитета, так же ловко поймал ее ртом.

— Встань, сука! — заорал Черкес.

— Подраться, что ли, хочешь? — спокойно спросил Крюков, не думая шевелиться. — Ну, ты бычара... А бычара — он и в Африке бычара. Ладно, давай ма-

лехо пометелимся. Я давно никого не избивал, так и квалификацию потерять недолго.

Черкес как был, в халате, ринулся на сыщика, развалившегося в кресле, опрокинув по дороге стол. Осколки хрусталя разлетелись в стороны. Экзотические фрукты покатались по полу, как теннисные мячики. Черкес наступил на что-то вроде манго или авокадо, поскользнулся и по инерции продолжил движение в полете почти параллельно полу.

Опер успел вскочить на ноги и уйти влево. Он встретил несшееся мимо него со скоростью локомотива тело крюком с правой в печень. И тут же добил основанием ладони по затылку. Авторитет рухнул на пол, но с поразительной для его размеров быстротой вскочил и снова ринулся на противника.

Крюков схватил стол, с трудом поднял его и бросил в хозяина. Тот, поймав его в воздухе, грохнул его об пол. А сам принялся молотить руками воздух в опасной близости от опера. Крюков при всей своей хорошей реакции с трудом уворачивался от его пушечных ударов.

Правда, Черкес при каждой атаке проваливался, пыхтел и расходовал много сил. Он уже начал задыхаться. Видно, сказывались длительные пьянки и перерывы в тренировках. Время от времени опер проводил удары в голову, почти всегда достигавшие цели. Лицо авторитета постепенно превращалось в кровавое месиво. Но удар он держал не хуже Тайсона.

Наконец Крюков решил, что достаточно загонял гиганта. Сам он был еще довольно свеж, а Черкес выдохся. Его движения утратили резкость. Только однажды ему удалось настичь Крюкова. Мощный толчок в плечо отбросил сыщика на кресло, и он застыл в нем, как космонавт в ракете при старте в космос... Черкес расценил это как заявку на победу.

Авторитет выставил вперед левую ногу и перенес на нее центр тяжести, чтобы вложить в последний удар с правой всю свою силу и припечатать противника вместе с креслом к полу... Но в тот момент, когда Черкес занес над ним кулак, Крюков перекатился через спинку кресла, встал на ноги и, развернувшись, ударил локтем снизу в мощный подбородок противника.

Нормальному человеку такой удар сломал бы нижнюю челюсть и обеспечил минут десять забытья. Однако Черкес был из породы людей, специально созданных природой для того, чтобы получать и наносить удары. Он лишь на секунду замер, но сыщик получил возможность провести единственный эффективный в такой ситуации удар — коленом в подреберье. Раз, другой, третий...

Колосс растянулся среди разбросанных по полу осколков и остатков деликатесов. Чувство локтя потрясло его, чувство колена сокрушило до основания.

Крюков, тяжело дыша, тыльной стороной ладони стер пот со лба. Он почувствовал, что у него защипало бровь. Провел рукой — пальцы оказались в крови. То ли Черкес задел, то ли сам обо что-то ударился и не заметил. Нет, бить таких здоровяков — удовольствие для извращенца. Крюков себя к таковым не относил.

Из коридора слышались восхищенные восклицания.

— Мент Черкеса задолбал! Крутой пацан!

Оказалось, что в открытую дверь за дуэлью наблюдали быки. Вмешиваться в поединок без команды шефа они не стали: себе дороже. Черкес славился своей вспыльчивостью и непредсказуемостью. Крюков махнул им рукой.

— Эй, вали сюда! Помогите поднять.

Общими усилиями громадную тушу Черкеса уложили на диван. Крюков прошелся по нему пальцами — нажал точки реанимации, приводящие в чувство. Наконец гигант зашевелился и попытался открыть глаза.

— Ну, ты молоток, — сказал он, раздвигая с этой целью пальцами распухшие веки: тон его был куда дружелюбнее, чем при всех предыдущих встречах вместе взятых. — Жалко, что мусор. Но, думаю, это ненадолго. Когда выгонят, приходи к нам.

Пацаны собрали с пола остатки фруктов, обломки мебели и куски хрусталя, приволокли новый стол взамен разбитого. На нем, как на скатерти самобранке, вмиг выросли бутылки и закуски.

— Сейчас шашлык будет, — пообещал подобревший Черкес. — Ладно, говори, зачем приехал.

Но Крюков не спешил перейти к делу.

— Сначала скажи, что ты мне предъявить хотел? Мы же с тобой, вроде, нигде не пересекались. Или за Федю, царствие ему Небесное, решил вписаться?

Черкес налил себе и сыщику по полному стакану водки. Что ему сто граммов спирта на сто с лишним кило живого веса? А Крюкову каково? Но сыщик стойко выпил до дна и аккуратно наколол на вилку соленый, весь в аппетитных сопельках, опенок. Пожевал и принялся не спеша мазать хлеб маслом, а затем черной паюсной икрой.

Черкес закусывать не стал. Он хитро посмотрел на опера.

— Ты правильно Федю вспомнил. Когда ты ему за наркоту хомут подвесил, сколько с ним груза принял? А ведь товар тот денег стоил. С Феде на кичи какой ответ? Так что бабки хозяину товара я возвращал, все до копейки. А бабки были немалые. Вот из-за этого я на тебя зуб и держал. Ладно, проехали.

И налил еще по стакану. Крюков пил и не пьянел. Видимо, сказался выброс в кровь адреналина во время драки с авторитетом. Ему удалось довольно внятно изложить тому свой план. Как ни странно, план его Черкесу понравился.

— Значит, на живца ловить будем? Это дело. И сколько людей нам понадобится?

— Всего трое, — просветил авторитета Крюков. — Чистильщик в качестве добычи, я как охотник и ты в виде живца. Ты выходишь, он стреляет, я его беру.

— А потом? — с неподдельным любопытством спросил Черкес.

— Все, — сказал Крюков. — Что ты не понял?

— Что будет со мной после того, как он выстрелит?

— Не будет никакого выстрела, — заверил авторитета сыщик. — Я убью его раньше, прямо в его же собственной засаде. И суд меня в который раз оправдает.

— Но как ты узнаешь, где именно он устроит засаду?

— Он профессионал, значит, выберет оптимальное место. А такое может быть только одно. Вот если бы мы имели дело с дилетантом, я бы не рискнул подставлять твой лоб под пулю.

— Слушай, а если ты все равно убережешь его раньше, чем он примется в меня шмалять, может, мне вообще не надо туда ехать? — осторожно предложил Черкес.

— Надо. За тобой внимательно наблюдают, Чистильщик наверняка перепроверит информацию.

— Через кого? Кто эта сука?

Крюков повертел в руках пустой стакан.

— Я не уверен, но думаю, что это Дьякон. От смерти ваших авторитетов пока выиграл он. И ты. Но он больше, поскольку его не подозревают.

— Так это Дьякон, сука, всех подставил! — скрипел зубами Черкес. — Хлебом клянусь, достану суку! Горло перерву! Сейчас же!

Крюкову с большим трудом удалось его немного успокоить.

— Остынь. Тебе что важнее — смерть Дьякона или собственная жизнь? Вот и давай решать проблемы по мере поступления. Сначала Чистильщик, потом Дьякон.

Они договорились встретиться на следующий день, чтобы обсудить детали предстоящего дела. На прощанье Черкес махнул своим людям.

— Пусть идет через главный вход, — сказал он с расстановкой, — мешок на голову больше не понадобится. — И подал Крюкову на прощанье руку.

Как и предполагал сыщик, тайное прибежище Черкеса располагалось в подвале комплекса «Эльдорадо». Он распрощался с братками у выхода из пирамиды. И это было проявлением высшей степени доверия со стороны авторитета.

* * *

Рано утром следующего дня Крюков подъехал к дому Тарасова. С трудом отыскав для «рябухи» место в ряду разномастных автомобилей жильцов перестроенной иждивением Лужкова пятиэтажки, он поднялся по лестнице на верхний этаж и разбудил сослуживца длинным садистским звонком в дверь. Примерно через минуту тот выглянул на лестничную клетку. Вид у него был заспанный.

— А мне говорили, что хорошо спят только люди с чистой совестью, — удивился Крюков. — На связь выходить не пора?

— Свари кофе, у тебя это лучше получается, — зевнул Тарасов. — Что я должен ему сообщить?

Крюков направился на кухню и зазвенел там банками, турками и прочими кофейными атрибутами.

— Скажи, что сегодня он будет валить Черкеса. Назови место и время. Варианты засады вы с ним обсуждаете?

— Никогда, — хмуро признался Тарасов. — Вообще-то я ему называю только имя клиента и отправляю по «мылу» портрет. Иногда по причине срочности называю место, где в указанное время будет находиться объект. Ладно, попробуем. Он вообще-то парень осторожный, но мне доверяет.

Крюков колдовал над туркой, которую некоторые профаны ошибочно называют джезвой. Через несколько минут он разлил по чашкам сногшибательно пахнувший кофе. Пили его молча. Тарасов не был расположен к разговору. Его ела совесть: как-никак, а сдавал он своего армейского дружка, хоть и киллера и преступника. Наконец Крюков посмотрел на часы и скомандовал:

— Пора, звони.

Тарасов взял трубку телефона и принялся набирать номер Чистильщика.

* * *

Толик любил свою старую снайперскую винтовку. Как-то на олимпиаде

спецподразделений армий-союзниц по антитеррористическому блоку американские снайперы смеялись над его заслуженной «СВДшкой», называя ее музейным экспонатом. Тогда он перепробовал разные системы: «штайр», «беретту», «эклер и кох», «ЗИГ», «сетме», «галид», «армалайт». Приходилось ему делать работу из накрученных современных «винторезов» и конструкций компоновки «буллпап». Но он предпочитал именно ее, старую и проверенную. Для транспортировки оружия киллер использовал футляр от музыкального инструмента или длинную спортивную сумку.

Итак, Черкеса он решил работать из винтовки. В последнее время тот прятался в убежище, а если выходил, то со всеми предосторожностями и в окружении многочисленной охраны. После обеда авторитет собирался навестить свою любовницу, адрес которой Гарамнов получил утром у Тарасова. Он не любил работать в режиме цейтнота. Но сейчас выбора не было. Не известно, когда еще Черкес выползет из своего логова.

Он остановил машину метров за пятьдесят от подъезда двенадцатиэтажной башни, выйдившей окнами на квартиру любовницы Черкеса. Здесь он внимательно осмотрелся. Дом как дом, двор как двор. Пестрели цветными нецензурными надписями стены гаражей-ракушек. Под деревом курили молодые матери с колясками. В песочнице под грибком писал карапуз лет сорока с гаком. Двое его друзей на детской спортплощадке увлеченно занимались спортом — били друг другу пьяные морды.

Гарамнов подошел к «писающему мальчику». Тот наряду с основным занятием извлекал ногтем указательного пальца из трехдневной щетины на щеке неприятный звук, отдаленно напоминающий шелест туалетной бумаги. Типичный забулдыга, каких в таком изобилии, наряду с Платонами и Невтонами домашней выделки, рождает русская земля.

— Эй, мужик, ты здешний? — вежливо спросил гость двора.

— Мужики на промке план дают, — отозвался тот с чувством собственного достоинства. — Чего надо?

Киллер извлек из кармана припасенную бутылку водки.

— Вмажем?

— Вмажем, если нальешь. А что взамен?

Гарамнов посмотрел на окна дома.

— Ты из этого подъезда кого-нибудь знаешь?

— Я сам из этого подъезда, — гордо сообщил небритый. — Меня тут все знают. А звать меня Ильичом. Слыхал песню? На-а-аш да-а-арагой И-и-ильи-и-ич! Говори, что надо?

— Да как тебе сказать?

Ильич окинул складную фигуру незнакомца в длинном пальто, задержал взгляд на большой спортивно-челночной сумке в его руке.

— Так и говори. Баба, небось, выгнала? Жить негде? Ладно, пошли. Только у меня закуси нет, и не рассчитывай.

— Пошли-пошли, — подтолкнул его в спину убийца. — У меня тут все найдется, и закусь. А окна у тебя на какую сторону выходят? Люблю, знаешь, по вечерам на закат смотреть.

— На обе, — буркнул гостеприимный хозяин.

Они поднялись на четвертый этаж. Ильич принялся возиться с замком. На-

конец справился и распахнул дверь.

— Заходи.

В это время внизу послышались сигналы подъехавшей кавалькады машин. Это мог быть только Черкес. Медлить было нельзя. Гарамнов толкнул алкаша в спину с такой силой, что тот пушечным ядром влетел в коридор. Киллер быстро вошел следом и закрыл за собой входную дверь.

Служение муз не терпит суеты, особенно музыки Убийства, и Гарамнов не любил спешки в своем деле, но иногда его охватывал охотничий азарт. В такие моменты он ощущал, что у него все получается, и чувствовал вдохновение, близкое к оргазму.

Вот и сейчас он словно видел себя со стороны: как четкими, отработанными движениями извлекает из сумки и собирает винтовку. Как занимает позицию на окне. Как видит объект, ловит его в оптику прицела. Как, затаив дыхание, медленно выбирает свободный ход спускового крючка и... нажимает. Выстрел. Тяжелая пуля со стальным сердечником входит в голову...

Но сначала следовало устранить небольшую помеху — хорошего мужика по имени Ильич. Прихлопнуть его, походя, как муху или таракана, просто потому, что он оказался не в то время не в том месте.

Одной рукой Толя Гарамнов опускал на пол сумку с разобранной винтовкой, а другой уже выхватывал из-под пальто газовый «макар» с переточенным под боевой патрон стволом и навинченным на него глушителем.

В таких случаях он стрелял навскидку, не целясь, и никогда не промахивался. В самый последний момент он вдруг с удивлением увидел, что алкаш каким-то непостижимым образом увернулся и уходит с линии стрельбы в неудобную правую сторону. В долю секунды он оказался за холодильником в кухне, и оттуда же прямо в киллера уставились стволы обреза охотничьей двустволки. Дуплет жаканом с дистанции в два метра раскрошил его плечо за долю секунды до того, как пули его пистолета взрыли пол крошечной кухни.

Ильич с любопытством высунулся из-за холодильника, подул в стволы обреза и пробормотал как бы сам себе.

— «Комет» и микробов убивает наповал.

Киллер неподвижно лежал, заливая кровью пол коридора. Ильич достал трубку мобильника и потыкал грязным пальцем в кнопки.

— Але, это Черкес? Крюков на проводе. Ты уже на месте? Я тоже. Ну, тогда постарайся максимально удовлетворить свою подругу. Все остальное я уже сделал. Как наш крестник? Сейчас вызову «скорую», но, боюсь, он не дотянет. Впрочем, шанс я ему дать обязан.

После этого сыщик и в самом деле позвонил в «Скорую помощь», потом набрал номер милиции. Как ни странно, но когда приехали медики, Толя Гарамнов был еще жив.

* * *

Возле дома собралась целая толпа зевак, привлеченная видом снующих туда и сюда с озабоченным видом сотрудников МВД и прокуратуры. У подъезда стояло не менее десятка машин с включенными мигалками. Но здесь были не только правоохранители. Когда Крюков вышел из подъезда, его окружили журналисты.

— Правда, что вы убили Чистильщика?

— Скажите, Чистильщик действительно был действующим сотрудником

ФСБ?

— Признайтесь, что программа «Белая стрела» все еще действует!

Сыщик с большим трудом отбилсЯ от журналистов и направился в управление. Здесь его встречали как героя. Полковник Галкин с приходом к власти Щеглова махнул на все рукой. Он совершенно перестал пить валерьянку и перешел на коньяк. Сейчас в честь Крюкова он распорядился устроить в отделе маленький междусобойчик.

В одно мгновение на запах спиртного слетелись оперуполномоченные всех мастей. Крюков устал принимать поздравления и тосты. Даже Щеглов, заглянув на минуту, одобрительно похлопал его по плечу, подмигнул и показал кулак с поднятым кверху большим пальцем. «Что это значит? — задумался Крюков. — Этим жестом в Древнем Риме даровали жизни побежденным гладиаторам!». Вид у Щеглова при этом был слаще меда.

И вдруг, неожиданно для себя, среди улыбок и приветствий Крюков вдруг споткнулся о злой, колючий взгляд. При этом он даже поперхнулся водкой. На него с болью и ненавистью смотрели глаза однокашника Володи Тарасова.

— Почему ты не убил его? — прошипел он, наклонившись к самому уху сыщика. — Что же ты наделал? Теперь всем нам хана.

И вышел из кабинета. В разгар веселья Сергей Абрамович Галкин вдруг отозвал Крюкова в сторону.

— Вам звонили из прокуратуры. Просили зайти к следователю Кибальчичу и, если можно, сегодня.

Ехать никуда не хотелось, но, поразмыслив, Крюков решил прокатиться и побыстрее закончить все формальности. К тому же приятно пожинать лавры героя, победителя неуловимого Чистильщика. Банкета, медали или денежной премии от прокуратуры сыщик, конечно, не ждал. Но все-таки, может быть, фотоаппаратом наградят? Или хотя бы велосипедом...

Возле кабинета Кибальчича переминались с ноги на ногу двое милиционеров.

— Кибальчиш что, занят? — спросил у них Крюков.

Те в ответ лишь пожали плечами. Сыщик вошел в кабинет. Увидев его, следователь обрадовался. По всему, было видно — ждал с нетерпением.

— Проходите, — сказал он. — Мы вас давно ждем.

— Кто это мы?

Только теперь Крюков заметил притаившегося на стуле в углу кабинета бизнесмена Сморчука. Уж не его ли привели сюда под конвоем, который сейчас околачивался в коридоре?

— Да вот, я и товарищ Сморчук. Он тут на вас, гражданин Крюков, заявление принес. Вы занимались вымогательством и злоупотребляли должностными полномочиями. Оборотень вы.

— Тогда уж старший оборотень, — поправил его Крюков с полнейшим самообладанием.

Ничто не ново под луною, сколько подобных обвинений ему пришлось выслушать в своей богатой событиями жизни? Бог весть! И что?

И ничего! Правда, этот Кибальчич ведет себя, как прокуратор Иудеи. Интересно, что у него там в загашнике?

Глава четвертая

Хата

Крюков придвинул ногой стул и сел с видом оскорбленной невинности. Вернее, презумпции невинности.

— А теперь, если можно, поподробнее. И учтите, практика доказывает, что ко мне грязь не пристает...

Следователь Кибальчич прошелся взад-вперед по кабинету. Выглядел он странно: мрачно и интригуяще одновременно. Словно эстрадный фокусник-иллюзионист, выступающий на торжественном концерте, посвященном похоронам генерального секретаря партии.

— В общем-то, сначала вас хотели обвинить в получении взятки, но тут с доказательной базой слабовато, судебной перспективы я не вижу. Так что основная статья — злоупотребление должностными полномочиями — двести восемьдесят пятая, часть третья. Чисто бандитская.

— Даже так? Часть третья? А четвертой там не было? — осведомился Крюков.

Кибальчич его иронии не принял и стал еще суровее прежнего... С таким видом Иван Грозный говорил своим боярам: «А посему во всем ваша разумеется собачья измена!».

— Да, часть третья — злоупотребление должностными полномочиями, — произнес следак тоном государственного обвинителя. — Деяния, повлекшие тяжкие последствия. Карается сроком заключения до десяти лет.

— И какие же это последствия, нельзя ли узнать? — Крюков положил ногу на ногу и принялся внимательно разглядывать носок кроссовки, как будто это занятие было гораздо интереснее того, что мог ему предложить следователь прокуратуры.

— Узнаете в свое время, когда вам будет официально предъявлено обвинение, — сказал, как отрубил, Кибальчич. — Но это еще не все. Кроме того, вы обвиняетесь в вымогательстве по статье сто шестьдесят третьей, части третьей, пункт «б» — в крупном размере. Это — от семи до пятнадцати лет.

— Теперь, надеюсь все? — пренебрежительно ухмыльнулся сыщик.

— Не дождетесь! — Кибальчич сделал каменное лицо и стал похож на высеченную из гранита статую Фемиды. — Добавьте сюда нарушение неприкосновенности жилища с использованием служебного положения — статья его тридцать девятая.

— До трех лет, — подсказал Крюков услужливо.

— И, наконец, нападение на речное транспортное средство в целях завладения чужим имуществом с применением оружия — статья двести двадцать седьмая часть вторая. Пиратство!

Тут Крюков возмутился. Нет, это ни в какие ворота не лезет! Лавры Степана Разина ему предлагают примерить! Может, и персидскую принцессу тоже он утопил?

— Смотровик, скотина, что ты несешь? — возмущенно крикнул оскорбленный до глубины души, нет, даже глубже, до самой печенки, капитан. — Каким таким речным средством я у тебя завладел?

Вместо него ответил, расплывшись в садистской улыбке, сам Кибальчич.

— Он здесь не при чем. Это обвинение — мой вам подарок. Пойдет «парашютом». Забыли, как участвовали в реалити-шоу «За зеркалом» в городе Приокске? Лодку в яхтклубе угоняли? Угоняли! Не отпирайтесь. Так что даже если вам удастся надавить на господина Смотровчука и заставить его отказаться от выдвинутых против вас обвинений, этот жернов на шее останется и утянет вас на дно. Пиратство — это не шутка. От восьми до двенадцати! Так что я выписал постановление о взятии вас под стражу. Сдайте оружие и распишитесь. Конвой уже ждет.

Крюков двумя пальцами достал пистолет из-под мышки, положил на стол, потом с тем же брезгливым видом извлек удостоверение. Бизнесмен Смотровчук чувствовал себя крайне неловко. Когда Крюкова уводили, он успел тихо, чтобы не слышал следователь, проговорить.

— Ты не думай, я это не по злобе. Тут ведь ничего личного, давай останемся друзьями. Смотровчук добро помнит. Ты же меня от налоговой тогда отмазал! За это я тебе передачи носить буду. И посылки буду отправлять.

— Не стоит, — улыбнулся ему в ответ сыщик. — Они тебе еще самому пригодятся...

Далее пошло все как обычно. Крюкову и раньше доводилось видеть дверь тюремной камеры не только снаружи. Сыщика сразу направили в КПЗ, по-нынешнему — в ИВС. Кибальчич очень боялся, что в отделении милиции найдутся сочувствующие Крюкову сообщники, которые помогут ему бежать... Опасения совершенно напрасные, ибо для большинства сотрудников правоохранительных органов нет большего наслаждения, чем с хрустом обглодать косточки сбившегося с пути коллеги.

В суете у сыщика забыли отобрать мобильник, и он сразу же позвонил своему старому товарищу, адвокату Коле Велищеву по прозвищу Венищев. Если бы в Москве была улица, где жили одни адвокаты, а на их домах имелись бы надписи типа: «Лучший адвокат на российском телевидении», «Лучший адвокат Москвы и Московской области», «Победитель конкурса на самого умного адвоката» и т. д., на Колином доме висела бы табличка «Лучший адвокат на этой улице».

Но Коля оказался далеко. В настоящее время он вырывал из крепких объятий сибирской Фемиды очередного олигарха уездного масштаба. Тамошней прокуратуре срочно понадобилось закрыть серию изнасилований малолеток и заодно прибрать к рукам принадлежавший обвиняемому заводик по производству титана. Но Коля пообещал сыщику, что, как только вернется, сразу же займется его делом.

Крюков оказался единственным постояльцем двухместной камеры. Все как у людей — сырые стены, вода в кран и унитаз подается только по просьбам трудящихся. Просьбы рассматриваются в трехмесячный срок.

Крюков брезгливо сбросил на пол вонючий матрас и такую же прогнившую подушку и улегся на шконку. В дверь тут же забарабанили.

— Встать, не положено лежать в дневное время!

Крюков дождался, пока ретивый вертухай войдет в камеру Поигрывая дубинкой, тот приблизился к шконке.

— Ну, ты что, тупой, не понял?

Крюков посмотрел на него отстранено и с безразличием.

— Слышь, сержант, не хаами. Ты разговариваешь с капитаном управления спецслужбы министерства. Представь себе на секунду, что меня не осудят или выпустят под подписку. Ведь мне тебя тогда даже искать не придется. Сам прибежишь. Тебе это надо?

Сержант немного поругался себе под нос и с отяжкой врезал по стене дубинкой. Посыпалась отсыревшая штукатурка.

— Ладно, лежи, капитан. Только если шум за дверь услышишь, вставай по быстрому, а то и мне и тебе влетит. — И вышел из камеры.

Хороший, в сущности, человек, только вот служба у него собачья. А ведь собака может за тебя жизнь отдать, а может тебе же и горло перегрызть. Смотря как она к тебе относится.

С лежанки ему стали видны буквы на ржавой трубе. Он пригляделся и прочитал надпись: «Хочешь покурить, загляни под лежак. Димон». Крюков заглянул в указанное место и обнаружил там три спички, обрывок коробка с серой и большой, в полсигареты, бычок. Как соль, спички и тушенка в охотничьей избушке, оставленные для того, кто, возможно, придет туда замерзшим и умирающим от голода.

Крюков не курил, но такая забота незнакомого человека показалась ему особенно трогательной. Он снял кроссовки, достал имевшиеся в наличии деньги, выделил пару сотенных купюр, скрутил в трубочки и заныкал схроне. Остальные купюры спрятал под стельки. Они были заранее аккуратно надрезаны. Иногда, по оперативной необходимости, Крюкову случалось прятать там удостоверение или другие документы...

Продержав сыщика в камере пару дней, его отправили в СИЗО. После утомительных процедур — медосмотра с непременно раздвиганием ягодич, откатывания пальцев и прочего, сыщика отправили на сборку. Ему не понравилось, что пришлось сдавать кровь на анализ. Он сильно сомневался в стерильности иглы, а уж бацилл и микробов тут было — как в Большой медицинской энциклопедии.

На сборке сыщик держался особняком, наблюдал за тем, как ведут себя арестанты. Он мог отличить первоходов от тех, кто попал сюда по второму и более разу. Определить это можно было по поведению. Большинство первоходов выглядели подавленно, но некоторые, наоборот, растопыривали пальцы веером и пытались напустить на себя вид крутых пацанов. Крюков знал, что таких в тюрьме быстро обламывают. И шансов оказаться в «обиженке» у крутых и распальцованных было куда больше, чем у их притихших и ушедших в себя товарищей.

Наконец, уже поздно вечером, пришли и за ним. Когда после перехода по коридорам и лестницам коридорный приоткрыл дверь камеры, опер понял, что его сажают на «общак» — в общую камеру. Скорее всего, такая ошибка была частью плана по его обработке. Кричать и требовать, чтобы его отправили на милицейский «спец» не имело смысла — только внимание заключенных привлечешь. А выломиться из камеры при необходимости он по любому сумеет.

На всякий случай он наклонился к вертухаю и тихо сказал.

— Ты знаешь, что я мент и должен на спецу сидеть?

В ответ тот пробурчал что-то типа: «Ничего я не знаю». Но Крюкова и это устраивало. Он произнес уже чуть громче, чтобы слышал и конвой.

— Так вот, имей в виду, если меня попробуют опустить, я вскрою вены или голову об шконку разобью. В твое дежурство.

И с трудом протиснулся вместе со скрученным матрасом в щель приоткрытой двери.

Камера, рассчитанная на двадцать человек, вмещала, как минимум, пятьдесят. В воздухе висел смрад — не продохнуть. Между шконками сушилось белье. На нового сидельца внимание обратили немногие. Кто смотрел телевизор, кто играл в нарды или в шашки. Многие спали — кто на шконках, кто под ними. Остальные ждали своей очереди.

Крюков произнес традиционное приветствие.

— Мир этому дому.

И оглядел помещение. За вора в камере, судя по всему, был щегольски одетый молодой грузин. Он полулежал на нижней шконке возле «решки». Судя по блуждающему взгляду и блаженной улыбке на лице, он явно находился в состоянии наркотического «прихода». Но нового арестанта заметил.

— Э, ты кто по жизни будешь, э? — спросил он, впрочем, вполне доброжелательно.

Крюков задумался. Сказать, что мент — завалят наглушняк. Ответил.

— Пацан я. В кругу не общался, работу делал сам.

— А приняли по какой статье? Если не хочешь, можешь не говорить.

— За вымогательство и пиратство. Вот, прими на общее, — сыщик скинул кроссовку и вынул из-под стельки несколько сторублевых купюр.

Что ж, вымогательство — статья почетная, пацанская. А уж пиратство!.. На Крюкова посмотрели с большим уважением. Пиратов до него в камере не видели. Вор отстранено покивал головой.

— Дело. Ты пока, не в падлу, у тормозов присядь. Сам видишь, на хате со спальными местами напряг. Утром разберемся.

Крюков уселся возле двери на скрученный матрас, привалился спиной к двери и задремал. Проснулся он от того, что кто-то легонько похлопал его по плечу. Сыщик открыл глаза. Рука, лежавшая у него на плече, была покрыта синим узором татуировки.

— Здоров, мусор. Не признал? — тихо спросил тощий, дочерна загорелый под северным солнцем и ветрами арестант.

Крюков всмотрелся в его лицо. Узнал. Были у него в прошлом с этим парнем точки пересечения. Не повезло.

В таких случаях сыщик обычно старался ударить первым. Но не успел.

— От братвы тебе благодарность, — сообщил блатной. — За Чистильщика. Доброе дело ты сделал, жалко, не убил. Много этот козел правильных пацанов положил. Эх, вот кабы этот Чистильщик на нашу хату заехал! На больничке он.

Крюков не удивился такой осведомленности. Он давно знал, что тюремный телеграф работает лучше государственного. Собеседник между тем продолжал.

— Слух ходит, что это за Чистильщика тебя твои же мусора сюда закрыли. Но братва за тебя мазу потянула. Здесь, на хате тебя не тронут. Вор у нас, хоть и апельсин, и на игле сидит, но беспредела не допустит. Так что своих бойся. Сегодня дежурная по изолятору — Эльза Кох. Зверь баба. Может дать команду, чтобы тебя на пресс в кандей спустили.

Не успел он это сказать, как в дверном замке загремел ключ вертухая.

— Крюков с вещами на выход!

— Что я говорил? Ну держись, мусорок! — шепотом напутствовал его товарищ по заключению. — Теперь запрессуют.

Дверь камеры открывалась едва на четверть, ограниченная цепью. Крюков снова с трудом протиснулся в образовавшуюся щель.

— Вперед!

Конвойный повел его по бесконечно длинному коридору — продолу. Время от времени приходилось задерживаться перед закрытыми решетчатыми дверями. Наконец они остановились перед дверью с табличкой «Комната ДПН-СИ». Здесь и размещался дежурный помощник начальника следственного изолятора. Сегодня на этом посту находилась грозная Эльза Кох, похожая на боксера-тяжеловеса дама примерно одного с Крюковым возраста. Наиболее выдающейся частью ее фасада была большая грудь, напоминавшая две Фудзи-ямы, поставленные на попу. Она восседала за письменным столом, поставленным как раз напротив двери и строго глядела вошедших.

— Свободен, — бросила она конвоиру, и тот вышел за дверь.

Крюков нимало не смущаясь нагло прошел к столу, отодвинул стул для посетителей и сел.

— Задолбали вы своими тюремными порядками, — вздохнул он.

— Крюк, скотина, ты бы хоть поздоровался для начала. Я тебе как-никак жизнь спасла, — упрекнула его Эльза.

Она достала из шкафа бутылку коньяка и два граненых стакана.

В миру Эльзу Кох звали Зинка Кошкина, с ней Крюков не один год проработал в спецухе. До этого Зинка служила в «Матроске» контролером. Позже снова вернулась к прежней работе, но уже на более солидную должность.

Они выпили за встречу — тьфу-тьфу упаси бог от таких встреч! — и закусили одной шоколадкой на двоих.

— Зря беспокоилась, — сказал опер. — Меня урки как родного приняли. Я, по их понятиям, правильный мусор. Кроме того, я же Чистильщика захомутил. Братва меня предупредила, чтобы я своих боялся. Кстати, не знаешь, кто дал команду меня в общую камеру посадить?

Зинка фыркнула.

— Кто ж тебе признается? Но не я, это точно. Еще налить?

— Спрашиваешь!

Они выпили еще и принялись вспоминать перипетии совместной службы.

— Не тянет обратно на оперативную работу? — спросил сыщик.

— Было бы что в твоей оперативной, — отмахнулась Зинка. — Как шавка носишься по городу, язык на плечо. А тут сидишь спокойно, а бабок не сравнить.

— На людских слезах строишь личное благополучие? — полусерьезно упрекнул подругу сыщик.

Зинка посмотрела на него, как на недоумка.

— А ты слышал, чтобы кто-то наварил на добрых делах? Я таких что-то не встречала. Даже по телевизору не видела. Ты знаешь, что крестник твой, Чистильщик, здесь на больничке чалится? Ты его, в натуре, без руки оставил. Лучше бы уж убил.

Крюков чуть не застонал от расстройства.

— Я в последнее время только это и слышу! И, как мне объяснили, мои неприятности связаны именно с этим придурком, который стреляет гораздо лучше, чем думает.

Они выпили еще и принялись, как водится, трепаться о наболевшем. Зинка рассказывала о том, какие у них трудности с кадрами.

— На такую зарплату ни один дурак не пойдет. Набирают кого попало. На днях нового контролера взяли — ему не на проходе стоять, а в камере сидеть. Из милиции уволили в связи с возбуждением уголовного дела. Отмазался, работал в частном охранном. И оттуда выперли, так он к нам. И что ты думаешь? Взяли!

Крюков почесал кончик носа. Так он делал, когда напряженно о чем-то думал.

— Почему же ни с того, ни с сего? — протянул он. — Просто так, говорят, и прыщ не вскочит. Не помнишь, в каком ЧОПе он работал? Не в «Щите и мече»?

— Точно. Фильм такой был старый.

— А фамилия? Не Скулов? Или, может быть, Ерохин?

Но Зинка разочаровала его.

— Много хочешь. Я что, всех упомню?

Выпив еще по маленькой и закусив «пористым», Крюков собрался идти в камеру.

— Постой, тебя на какой «спец» сажать? — остановила его Зинка.

— А их что, много?

— Теперь обэповцы и собственная безопасность отдельно от других ментов сидят, — пояснила Зинка.

Крюков покачал головой.

— Да где же тут на всех тюрем напасешься? Слушай, а к олигарху какому-нибудь на подселение нельзя? Я бы за сервис доплатил.

— Перебьешься. Их всех в Лефортово перевели.

И вызвала конвой. Крюкова проводили в другое крыло и отвели в камеру. Здесь были совсем другие условия. Дышалось, конечно, не как в сосновой роще, но значительно легче, чем на переполненном «общаке». Из шести коек свободны были две. Крюков раскатал матрас и моментально заснул.

Наутро его разбудил чудовищный рев радиоприемника.

— Это везде, где в одну смену спят, так радио орет, — пояснил сыщику невысокий плотный мужик лет сорока и представился. — Оборотень по особо важным делам Дронов Виктор Петрович.

— Пират Крюков, — отозвался Крюков. — Очень приятно.

Тут подошли и остальные. Лысый толстяк-взяточник Степаныч из Шеремтьевской таможни, амбал-собровец Леня, убивший при задержании насильника, который как на грех оказался сыном депутата Госдумы, и участковый капитан Санько. Этот по пьяни во время семейного скандала застрелил из служебного пистолета жену соседа. Стрелял он, вообще-то, в свою собственную жену, но промахнулся.

Теперь чудом оставшаяся в живых лучшая половина участкового таскала передачи своему несостоявшемуся убийце. У вдовца-соседа с его покойницей-женой тоже не прекращались скандалы. Детей у них не было, так что он, в общем, не переживал. Переживал Санько. Он дни и ночи напролет представ-

лял себе как его жена веселится с его соседом. И частые щедрые передачи в его глазах служили подтверждением их нечистой совести.

«Откупаются, гады, — твердил он. — Вернусь, убью обоих».

«Не убьешь, опять промажешь», — подначивали его товарищи по застенку и уплетали посланные капитаншей Санько продукты.

Последний, четвертый обитатель камеры, белобрысый оболтус довольно юного возраста, не спешил представиться.

— А это что за сопливое чудо? — спросил Крюков.

— Это наша Евлампия, для друзей просто Лампа, — пояснил оборотень Дронов. — Насильник малолеток. А то что же это за камера без «обиженки»?

Оказалось, что Лампа служил срочную во внутренних войсках и в самоволке, будучи пьяным, изнасиловал школьницу. В камере он считался «обиженным». На задницу его, правда, никто не посягал: не тот контингент подобрался, все как один — секс-большевики, но всю черную работу выполнял именно он. Спал он, как и полагается, под крайней шконкой, возле отхожего места. Ел отдельно от остальных.

Для Крюкова потянулись дни заключения. На допросы его не вызывали, адвокат Коля все не возвращался. Крюков даже стал беспокоиться за его жизнь. Вон, в газетах пишут — в Сибири мафия — ой-ей-ей!

Доставали две вещи — скука и радио. Скрытый в стене репродуктор орал так, что голова раскалывалась. Из книг в камере имелись две, и обе — Мураками. Оказалось, что их двое. Рю и Хрю. Или что-то в этом роде. Их оставил какой-то шибко продвинутый узник. На развороте первой книги каллиграфическим почерком было выведено: «Эй, не будьте дураками! Не читайте Мураками».

Крюкову приходилось читать японцев: Масутацу Ояму, «Хагакурэ бусидо», Акутагаву и даже педика-культуриста Юкио Мисиму, сделавшего себе харакири. Но оба Мураками его просто доконали. Он решил побереечь голову и предпочел заняться шахматной игрой в воображении. Но дальше четвертого хода черных дело у него не шло. Поэтому сыщик даже обрадовался, когда день на четвертый его заключения в СИЗО произошло ЧП. Заключенных покамерно выгоняли на продол, строили, обыскивали, а тем временем устраивали шмон в камере.

Среди контролеров Крюков заметил того, кто водил его на встречу к Зинке. Когда вертухай оказался рядом, сыщик спросил его.

— По какому случаю такой шухер?

Контролер помедлил, думая, стоит ли отвечать, потом решил.

— Чистильщик ушел. А с ним контролер новый с подола. Зину Кошкину, суки, убили.

— Зинку?! А как фамилия этого контролера?

— Ерохин.

Крюков заскрипел зубами и так изо всех сил ударил сжатой в кулак правой рукой в свою открытую левую ладонь, что все, и шмонаемые и шмонающие, обернулись на звук удара, эхом отразившийся от сводов коридора.

«Вот идиот! — упрекал он себя. — Ну разве можно было пускать такое на самотек?».

Единственным оправданием ему служило то, что опасность со стороны новенького контролера он усматривал для себя лично. Ошибся маленько. Раз-

мечтался, приболел манией величия.

«Станут они из-за меня, дурака, в тюрьгу своего человека пристраивать. Да меня любой отморозок за две пачки чая на пику посадит. А то и за одну!» — запоздало костерил себя Крюков...

Вернувшись после шмона в камеру, Крюков нигде не обнаружил книжек Мураками. Вероятно, их уволок кто-то из вертухаев. Тоже, наверно, продвинутый.

«Что ж, пусть читает, — подумал Крюков. — Хуже чем есть ему уже не будет».

Буквально на следующий день объявился живой и здоровый адвокат Коля. Колю хлебом не корми, дай развалить какое-нибудь уголовное дело. И чем крепче оно сколочено, тем ему интереснее. А уж там, где следователь схалтурил, и говорить было не о чем.

Однажды Коля, знакомясь с показаниями свидетеля, заметил, что интервалы между словами слишком велики, чтобы этим не воспользоваться. Подделывать почерки и подбирать цвет пасты в авторучке он был непревзойденный мастер. И везде, где главный свидетель что-то «видел», «заметил», «узнал», стало «не видел», «не заметил», «не узнал».

Но это был забавный казус, не более. Доставалось от Коли и опытным прокурорским зубрам, мастерам обвинения. Что же было говорить о наивном провинциальном следопыте Кибальчише?

Дело Крюкова, наспех сшитое, выстроенное на показаниях одного единственного подозрительного типа Смотровука, он развалил в полчаса. Умозрительные конструкции следователя рассыпались, как карточные домики.

Как ни странно, сложнее всего оказалось отбиться от обвинения в пиратстве. В итоге суд постановил: учитывая суть предъявленных обвинений и личность обвиняемого избрать мерой пресечения подписку о невыезде.

Еще через полчаса Крюков получил обратно свое служебное удостоверение. Пистолета ему, впрочем, не вернули. Сыщика это насторожило. Он заехал домой, смыл тюремный запах, переоделся и направился в управление. Здесь он зашел в дежурку и попросил свой ствол.

— Есть приказ начальника управления пистолет тебе не выдавать, — огорошил его дежурный.

— Михалыч, дай на секунду, никто и не узнает. У меня там в стволе значка, — пояснил опер.

Дежурный хотел было возразить, но не нашел аргументов. Лезть в ствол самому ему не хотелось. А вдруг там ничего не окажется? Подумают — он взял. Отпечатки-то его останутся.

Крюков взял пистолет, покопался в стволе, потом тщательно протер весь пистолет и вернул.

— Порядок, спасибо. Обрати внимание, сдаю стерильно чистым. Слушай, так наши вчера выиграли или проиграли? У нас в камере телевизор сломался.

Дежурный не глядя сунул пистолет, протянутый сыщиком, в оружейный сейф и принялся комментировать прошедший накануне футбольный матч.

Не дослушав его, Крюков вдруг заторопился.

— Извини, мне пора. Дел накопилось, пока на киче отдыхал. — И он отправился к себе в кабинет.

Глава четвертая

Тарасов

Крюков пробежался по кабинетам. У него имелось несколько вопросов к руководству. Но ни начальника управления, ни его замов и начальников отделов не обнаружил.

— А где начальство? — поинтересовался он у дежурного Михалыча.

— В министерство всех вызвали. На предмет борьбы с оборотнями. Раньше, чем к концу рабочего дня не вернутся.

Крюков решил не тратить времени и двинулся в развлекательный комплекс «Эльдорадо». «Рябуха» завелась с полоборота, капитан присоединился к потоку машин и включил радио. Популярных в народе радиопрограмм он терпеть не мог, поскольку считал их рассчитанными на дебилов. Кроме того, его раздражал развязно-вульгарный тон ведущих... Чтобы не скучать, он убавил звук и предпочел пообщаться с умным человеком, то есть сам с собой.

Зверский наезд на Ложкиных, дикая охота киллера Чистильщика, фактически превратившегося в опасного маньяка, целый ряд не менее чудовищных преступлений представлялись сыщику запутанным клубком ниток. На одном их конце четко обозначился дергавший за них полковник Щеглов. Стоял ли кто за ним? Определенно стоял, но Крюков все больше приходил к убеждению, что Щеглов играет сейчас только на себя. Причем, играет азартно, на грани фола.

И ставка его в этой игре — собственная полковничья голова против наследства Ложкина. Чужие головы он, понятное дело, в расчет не берет, они для него — разменная монета. В том числе и голова его ближайшего помощника Володи Тарасова. Этим следовало воспользоваться, поскольку у самого Володи могло быть на сей счет собственное мнение.

Другой ключевой фигурой в игре, судя по всему, была Эльвина. После убийства доверенной секретарши Ложкина она оставалась единственным человеком, располагавшим информацией о номерах и кодах его банковских счетов. В любом случае Щеглов не успокоится, пока не доберется до нее. А ловить ее будут бешеные псы из агентства «Щит и меч».

И не последнюю роль в этой ловле будет играть Чистильщик. Какое-то время он еще останется вне игры, пока не заживет его рана. Но, учитывая достижения современной медицины, финансовые возможности его хозяина и шизоидный фанатизм самого киллера, его возвращения в строй можно было ждать в самом скором времени.

Крюков был рад, что успел приставить к Эльвине Киселева. Киса не дурак, сам в капкан не полезет и ее не пустит. Вот только успел ли Шабанов дать ему точные инструкции и определить вероятного противника? Кстати, состояние самого Шабанова тоже внушало опасения.

И уж меньше всего Крюков ожидал от Щеглова, что тот оставит его самого в покое. Попытка засадить его «по нахалке» не удалась. Следующий удар наверняка будет более продуманным и сокрушительным. Нужно было просчитать и опередить его...

Прежде всего, Крюков решил нанести визит Артему Карабиновичу. Он позвонил ему и сообщил, что едет к нему для серьезного разговора...

Повелитель империи «Эльдорадо» принял сыщика в своем готическом кабинете, больше похожем на музей истории средних веков. За время отсутствия Крюкова интерьер его пополнился: в углу сыщик заметил фигуру рыцаря в доспехах. Он стоял в полный рост, положив обе руки в железных перчатках на гарду обнаженного меча, острый конец которого упирался в постамент между длинными узкими носками его металлических сапог. За открытым забралом рыцаря сыщик с удивлением заметил глазок телекамеры. Значит ли это, что Карабинович всерьез занялся укреплением обороны?

Тут же, в кабинете, в одном из кресел приютился смуглый красавчик-мачо. Он неприязненно уставился на гостя. Однако сам Карабинович очень обрадовался приезду Крюкова.

— А я слышал, что тебя в тюрьме замочили, — сказал он, с энтузиазмом потирая руки.

— Слухи о моей смерти оказались сильно преувеличенными, — усмехнулся опер.

— Это надо отметить, — Карабинович кивнул молодому человеку на бар с горячительными напитками. — Эрос, будь любезен, сделай что-нибудь для нас с капитаном. — Он посмотрел на недоумевающего Крюкова и пояснил: — Эрос — мой новый управляющий рестораном.

— А где Эльвина? — удивился сыщик. — Собственно, я здесь из-за нее.

Эрос между тем с недовольной улыбкой разливал коньяк в пузатые бокалы.

— Ну, как тебе сказать? — замялся бизнесмен. — В общем, она здесь больше не работает.

Крюков взял свой бокал. Стекло было очень теплым, чуть ли не горячим.

— Ты на нем сидел, что ли? — усмехнулся он управляющему, сделал глоток. — Так что же произошло, Артем? Ты уволил девчонку? Вышвырнул на улицу любовницу своего погибшего друга и взял вместо нее этого амиго?

Крюков указал взглядом на знойного мачо... Карабинович поперхнулся коньяком и принялся старательно отряхиваться.

— Ты понимаешь, после смерти Ложкина у нее совершенно испортился характер, — проблеял бизнесмен. — Ей все время мерещилось, что ее преследуют какие-то гангстеры. Короче, с ней стало невозможно работать.

— А с ним можно? — Крюков подарил Эросу самую фальшивую из всех своих улыбок.

В ответ тот по-волчьи оскалил молодые крепкие зубы, над которыми, судя по всему, не один день работал очень, очень дорогой дантист. Но промолчал, хотя и демонстрировал всем своим видом, что присутствие капитана не доставляет ему удовольствия.

— Ну, ты понимаешь... — Карабинович с трудом подбирал выражения побтекаемой, — в тех кругах, где ты вращаешься, такие вопросы, конечно, не кажутся актуальными...

Крюков одним глотком допил коньяк и поставил бокал на огромный круглый стол.

— Ошибаешься. В том кругу, где я вращался последнюю неделю, именно этот вопрос беспокоил меня больше всего. Я бы с удовольствием поменялся с тобой местами. Короче, Артем, я тебя прошу по старой памяти. Верни Эльвину на рабочее место. Не имей ты такой привычки — решать свои сексуальные

проблемы за счет акционеров.

Карабинович всплеснул пухлыми ручками.

— Нет, вы только полюбуйтесь на этого натурала! И он еще заявляет, что мы, геи, решаем сексуальные проблемы за чужой счет! А ты-то сейчас чем занимаешься? Не тем же самым? Да я, собственно, ее и не выгонял. Она сама решила уйти. На время. Тут какие-то типы ее и в самом деле искали. Рожи — не дай бог во сне увидеть.

Крюков насторожился.

— Менты?

— Нет, — бизнесмен наморщил лоб, вспоминая. — Они были из частного агентства. Название еще такое бестолковое... Как кино... «Семнадцать мгновений весны»? Нет, «Щит и меч»!

— Телефон ее знаешь? — Крюков взял бизнесмена за кончик галстука и слегка потянул, затягивая петлю на его шее.

— Сохрани бог! — испугался тот. — Я ей так и сказал, чего не знаешь, о том не проболтаешься. — И переменял тон. — А за совет спасибо. Был я в прокуратуре. Следователь этот, Кибальчиш, очень серьезный молодой человек. Сразу заинтересовался моим делом и обещал помочь. Он «Альфу» обещал прислать. Теперь пусть попробуют на меня наехать!

Крюков заботливо поправил галстук на шее бизнесмена, со скептической улыбкой похлопал по плечу, подмигнул, к его неудовольствию, знойному Эросу и направился к двери. По дороге Крюков сделал ручкой камере в шлеме железного рыцаря...

* * *

Визит к Шабанову начался с приятной для Крюкова новости. Экс-генерала перевели из реанимации в отдельную палату. В приватной беседе с лечащим врачом сыщик выяснил, что и отдельная палата, и курс лечения Шабанова оплачены. Крюков сгонял за фруктами и засунул в пакет две бутылки коньяка — одну больному, другую врачу. Не забыл набрать конфет для медсестер, хотя подозревал, что и они предпочитают спирт или коньяк.

Женя был еще слаб, по смог вкратце рассказать другу о покушении.

— Значит, в тебя стрелял Гарамнов? — спросил Крюков.

Шабанов страдальчески поморщился и приподнялся на подушке.

— А хрен его знает, наверно он. Я же его в лицо не знаю. Секретарша его так назвала. Но ее теперь не спросишь. По-моему, я его видел, когда на убийство Ложкиных выезжал. Он еще такую песню напевал, из старого фильма: «Ко мне друзья, чистильщик я...»

— А что он там мог делать? — удивился сыщик.

— Понятия не имею, — признался Шабанов. — Там тогда много посторонних крутилось. Мог среди соседей затесаться.

Тут Крюков заметил, что лоб Шабанова покрывается каплями пота, и решил, что пора уходить.

— Ладно, отдохай, набирайся сил. Я на днях заскочу.

От больницы он направился прямо в отдел. Его по-прежнему мучил вопрос — где искать Эльвину?

* * *

В управлении по-прежнему было тихо. Высокое руководство, видимо, все еще находилось в министерстве на процедуре, известной как тонизирующая

клизма. Но полковник Галкин был у себя. Крюков заглянул к нему за советом.

Начальник слушал его молча, стараясь не глядеть на него с сочувствием, словно он был тяжелобольным или сильно изуродованным.

— Знаете, — сказал он. — На вашем месте я бы немного отдохнул в каком-нибудь тихом месте подальше отсюда. Отпуск в этом году вы еще не отгуляли.

— И в прошлом тоже, — вставил сыщик.

— Тем более. Идите и гуляйте. Жду вашего рапорта.

Крюков мигом накатав рапорт и положил перед начальником. Из его кабинета он направился к себе. Опера его отдела то ли были в разгоне, то ли просто болтались по городу. Крюков уселся за свой давно осиротевший стол, на котором пылились папки с девственно чистыми бланками протоколов.

— У вас спичек не будет?

В дверях комнаты оперсостава стояла секретарь-уборщица Лариса.

— А мы разве на «вы»? — удивился Крюков. — Или ночь в постели — еще не повод для фамильярности?

Он осторожно, чтобы не попасть в поставленную экспертом новую ловушку, пошарил в ящике стола, нашел зажигалку и протянул Ларисе.

— Держи, травись на здоровье.

Она закурила и уселась на стол перед сыщиком.

— Не надоело придуриваться? — спросила она. — Думаешь, я не знаю, что ты диктофон в моей сумке нашел?

Крюкову не оставалось ничего иного, как изобразить на лице дурацкую улыбку клоуна, — это, пожалуй, лучшее, что может сделать человек, вдруг почувствовавший себя полным идиотом.

— А я-то подумал, что ты в меня влюбилась, — разочарованно протянул он. — Ладно, проехали, не тормози.

— Вот-вот, не тормози, проехали, как говорит один мой знакомый, — отрезала Лариса. — И, подозреваю, он подцепил это выражение у тебя. Короче, я — журналистка и мне нужна твоя помощь.

— Неужели интервью? — ахнул сыщик. — Ладно, пиши. Родился я от небогатых родителей, но род мой древен... Мой предок... э-э-э... Крюкша... мышцей бранной святому Невскому служил...

— Хватит болтать. Мне нужно знать все о связях полковника Щеглова и киллера по кличке Чистильщик.

Крюков не упал со стула только потому, что вовремя вцепился в край стола. Вот это называется журналистская хватка! Сразу просекла, где паршивая овца зарыта, как сказал бы незабвенный генерал Альпенгольд.

— А из нижнего белья тебя ничего не интересует? — вежливо поинтересовался сыщик.

Ну не на хрен же ее, в самом деле, посылать! Закон о СМИ не позволяет. Только этого ему и не хватало — журналистки-пронеры. И статьи на первой полосе газеты с его портретом. А может, это вообще туфта и никакая она не журналистка? Просто Щеглов хочет знать, что именно ему известно. Что ж, способ простенький, но верный. И Крюков четко и внятно произнес.

— Ни-че-го! Мне ничего не известно про связи полковника Щеглова ни с какими киллерами.

Теперь настала очередь уборщицы перемениться в лице. Возмущение сме-

нилось подозрительностью, а та, в свою очередь, перешла в догадку.

— Понимаю! — зашипела она. — Ты не можешь говорить, потому что здесь все прослушивается! А я, дура, расшифровалась!

— Может, еще обойдется, — как мог, успокоил барышню Крюков. — Они же не все подряд слушают.

Положение становилось не то что безвыходным, но неприятным. И тут на редкость вовремя в комнату ввалился старый опер Альбертыч.

— Кадритесь, молодежь? — осведомился он. — Я не помешаю?

— Не мешаешь, мы уже кончили, — разочаровал его сыщик. — Пойдем теперь с тобой пообщаемся.

Он мило улыбнулся опешившей журналистке и вывел Альбертыча на улицу. Девушка растерянно смотрела им вслед.

— Ты Кису давно видел? — спросил Крюков.

— Видел давно, а разговаривал вчера. Я ему на мобильник звонил.

— Номер? — Крюков достал записную книжку.

Альбертыч извлек из кармана замусоленный блокнот и прочитал сыщику номер Киселевского телефона. После этого Крюков ухватился за листок в блокноте и вырвал его.

— Ты чего? — не понял Альбертыч.

Крюков порвал листок с номером на мелкие клочки и пустил их по ветру.

— Забудь, — сказал он. — И ни при каких обстоятельствах не упоминай об этом ни при Щеглове, ни при ком-нибудь еще. Иначе Кису завалят. И не спрашивай кто.

— Поздно! — Альбертыч хлопнул себя по лбу изо всех сил.

— Ты полегче, — предупредил его Крюков, — так и мозги выбьешь.

Альбертыч замотал головой вправо-влево, как медведь в зоопарке.

— Да нет там никаких мозгов. Ой, дурак я!

— Что ты сделал?

— Дал телефон Кисы.

— Щеглову?

— Нет, Тарасову. И что теперь будет?

Крюков нахмурился.

— Может и обойдется. Поехали!

Вопреки обыкновению, «рябуха» заводиться не хотела, и ему пришлось прибегнуть к старому приему: закоротить проводку отверткой. Киселеву он позвонил уже с дороги...

* * *

Полковник Щеголев сидел в кабинете начальника частного охранного предприятия «Щит и меч». Всем своим видом он выражал нетерпение.

Когда в кабинет ворвался Тарасов, полковник даже побледнел от напряжения.

— Ну что?

— Шеф, сообщение перехватили. Нам повезло, они не в Москве. Здесь мы бы их не вычислили. Мобильный Киселева засекли в Новогорском районе.

Щеголев аж подскочил в кресле.

— Что там у них имеется? Поднять немедленно все связи обоих! Друзья, родственники, коллеги по работе!

Тарасов вытянулся, как первогодок перед старшиной.

— Уже сделано. В этом районе у тетки нашей фигурантки по отцу имеется дача. Есть высокая вероятность, что они находятся именно там. Я велел готовить группу захвата.

Щеглов вылез из-за стола.

— Хорошо. Я сам поеду с ребятами. Останешься здесь за меня. В случае чего будешь координировать наши действия. Как думаешь, что сейчас делает твой дружок Крюков?

Тарасов скорчил многозначительную гримасу.

— Летит прямо в наши сети. Скорее всего, он окажется в интересующем нас месте чуть раньше нас. Но, возможно, что немного задержится.

Щеглов направился к дверям.

— У меня для товарища капитана приготовлен ма-а-аленький сюрприз. Лет на восемь-десять. На этот раз он у меня так просто не выкрутится. Ну, удачной охоты всем нам!

* * *

Игорь Киселев вышел на веранду загородного дома, откуда открывалась потрясающая панорама: самая что ни на есть русская земля с ее низкими, поросшими лесом, холмами и петляющей между ними рекой. Следом за ним появилась и Эльвина.

— Кто-нибудь знает про этот дом? — спросил Киселев.

В каждой руке Эльвина держала по бокалу коктейля.

— Это дом моей тети. Последний раз я была тут лет десять назад. Никому в голову не придет искать нас здесь. А что?

Игорь забрал у нее один из бокалов и принялся тянуть напиток через соломинку.

— Коньячный? Давно не пробовал, — и без всякого перехода продолжил. — Не нравятся мне вон те машины. Микроавтобус и два джипа. Сначала ехали по трассе, а теперь встали и ждут чего-то, словно дорогу уточняют.

В этот момент в кармане куртки Игоря зазвонил мобильный телефон. Он поднес трубку к уху.

— Алло, Крюк, ты? Спасибо, что халтурку подбросил. Работенка не пыльная, и не скажу, что дурная.

Эльвина помахала рукой. Игорь кивнул.

— Клиентка тебе привет передает. Я слышал, у тебя были проблемы...

Но Крюков не дал ему договорить.

— Мы с Альбертычем едем к вам. Назови адрес, где вы находитесь.

— Не волнуйся, про это место никто не знает, — успокоил его Игорь и продиктован адрес дачи.

— Боюсь, что уже знают. У вас там ничего подозрительного не наблюдается?

Киселев напряженно прищурился. Машины, на которые он обратил внимание, постояв, двинулись по проселку в направлении их дома. Крюков понял смысл его паузы.

— Если что-то не нравится, немедленно уходите! Вас засекли! Не тяни, свяжемся позднее.

Связь прервалась. Игорь торопливо сунул трубку в карман и обернулся к Эльвине.

— Уходим!

Та опешила.

— Как?! Прямо сейчас? А мои вещи?

— Придется оставить врагу. Бери только деньги и документы. Лучше подумай, как отсюда можно незаметно скрыться. Есть какая-нибудь тропинка?

— Есть, через лес. По ней можно проехать на велосипеде. Но велосипед только один.

Киселев засунул за пояс пистолет Макарова и взял в руки помповый дробовик.

— С тебя и одного хватит. Или ты привыкла ездить на двух сразу? Я остаюсь. Придется их немного задержать.

— Но тебя же могут убить! — попыталась возразить Эльвина.

Игорь в ответ пренебрежительно усмехнулся.

— Я не собираюсь изображать героического защитника Брестской крепости и отстреливаться до последнего патрона. Постреляю немного и уйду в лес. Им нужна ты. Когда они поймут, что тебя здесь нет, то и сами уберутся. А там, глядишь, и Крюк с Альбертычем подтянутся. Они уже в пути. Двигай.

Эльвина прекратила спорить. Каждая секунда сейчас была на вес золота. Она проверила деньги и документы в карманах куртки, выкатила через заднюю калитку велосипед, оседлала его и двинулась по тропинке в сторону близкого леса.

Киселев провожал ее взглядом, заталкивая картечные патроны в подствольный магазин помповика. Передернул затвор, отправив первый патрон в патронник, и добавил на его место еще один. Снял с предохранителя пистолет.

Машины приближались. Они еще раз остановились возле крайнего дома поселка. Видимо, уточняли адрес. На боку микроавтобуса виднелась эмблема — щит и меч. Теперь отставной опер не сомневался, что его новые коллеги прибыли сюда за его клиенткой.

Он снова перевел взгляд на лес. Эльвина катила быстро и уже достигла его кромки. Пора было подумать о собственной безопасности и выбрать надежную огневую позицию.

* * *

«Рябуха» буквально пожирала километры трассы и литры бензина. Крюков давил на газ. Альбертыч проверял оружие. Ради такого случая Крюков прихватил с собой кое-что из своего арсенала. Он никогда не упускал случая пополнить свою коллекцию каким-нибудь любопытным образчиком современного или музейного оружия. Хранилась коллекция в надежном месте, в подвале гаража, снятого на имя одного известного депутата.

В качестве огневой поддержки собственного авторитета сыщик выбрал ручной пулемет Калашникова калибра семь-шестьдесят два с барабанным магазином. Для Альбертыча он взял пистолет-пулемет «Аграм», оружие самозащиты хорватских фермеров. После стрельбы это чудо оружейной мысли конца двадцатого века предполагалось выбросить, как и пару китайских ТТ, прихваченных на всякий случай.

Но главный аргумент предстоящего спора лежал сейчас на заднем сиденье. Это была груба одноразового противотанкового гранатомета, широко известного в народе под названием «Муха».

Они были еще в самом начале пути, когда до Крюкова дозвонился его злей-

ший друг Володя Тарасов. Судя по голосу, он был сильно взволнован.

— Старик, Щеглов сам поехал за твоей девчонкой. Они выпасли Кису по его телефону. Я уверен, что он убьет Игорька. Кроме того, это касается тебя. Щеглов забрал твой табельный ствол из сейфа дежурного и собирается подкинуть его на место преступления. На тебя уже составлена заявка в федеральный розыск.

Крюков ответил кратко.

— Понял, спасибо. Считай, я твой должник.

И повернулся к Альбертычу, который слышал весь разговор по громкой связи.

— Ну, что скажешь? Опять затынешь свою песню: «Со Щеглом не пропадешь»?

Потрясенный Альбертыч крикнул, грозно потрясая автоматом.

— Да я его, козла, за Кису пополам разорву!

— Разорвешь, обязательно разорвешь, если встретишь больным, пьяным и связанным. Это не вопрос. Ты мне лучше скажи, с чего это Володя Тарасов вдруг так передо мной прогибается? Неужели и его гражданин Щеглов достал по самые помидоры? Или Тарасов, как крыса, бежит с тонущего корабля?

Альбертыч не ответил, он целиком погрузился в изучение атласа автомобильных дорог Подмосковья. Дальше они ехали молча. Наконец штурман в очередной раз сунул нос в карту и замахал рукой.

— Вот здесь сворачиваем!

Крюков притормозил и съехал на грунтовку. Альбертыч завозился со своим автоматом. Крюков больше всего сейчас боялся не противника, а того, что Альбертыч от волнения начнет стрелять прямо в машине. К счастью обошлось. Стрелять он не стал, но потянулся к мобильнику, который Крюков бросил между сиденьями.

— Надо позвонить ему, предупредить, что мы близко.

Крюков придержал его руку.

— А если он сейчас в засаде сидит? А ты ему звонишь! Спалить хочешь? Хорошо, если у него сигнал с вибратором имеется, а лучше бы он его совсем отключил.

Сыщик заглушил мотор и прислушался. Из-за перелеска доносились частые одиночные выстрелы и целые очереди.

— Да и поздно уже. Сейчас лучше его не отвлекать, а поторопиться.

Он снова запустил двигатель и дал газу.

* * *

Два джипа и микроавтобус, украшенные по борту эмблемами фирмы со шитом и мечом, лихо затормозили прямо перед воротами дома Эльвиной тетки. Сама Эльвина на этот момент успела совершенно скрыться за деревьями, а Киселев занял удобную позицию за кирпичным сараем.

Из микроавтобуса, как горох, посыпались бойцы — было их с полдюжины — в камуфляже с «Калашниковыми» наперевес. Откуда на вооружении сотрудников частного охранного предприятия взялись боевые автоматы, можно было только догадываться.

Из джипов выбрались типы иного склада. То есть габаритами они не уступали камуфляжникам, а даже превосходили их. Но одеты, в отличие от коллег, они были в черные пальто, черные костюмы и белые рубашки. В руках у

них были новенькие вороненые короткоствольные «кипарисы». Люди в черном замкнули кольцо вокруг джипов и принялись обшаривать взглядами близлежащие кусты. При данном раскладе это были игроки защиты, а не нападения.

Последним из машины вылез полковник Щеглов. Он махнул рукой, и камуфляжники ринулись в дом. Послышался треск выбиваемой двери и звон бьющихся окон. Бойцы довольно грамотно проникли в дом, что подтверждало их специальную подготовку. Потерь при штурме они не понесли. Через несколько минут старшин группы вновь показался на крыльце.

— Пусто, внутри никого нет! — крикнул он.

Щеглов выругался.

— Сдристнули пташки! И где их теперь искать? — видимо, его осенило, поскольку выражение озабоченности на его лице сменила радостная улыбка. — А ну, все заткнитесь! — рявкнул полковник.

Наступила относительная тишина.

— Слушать внимательно! — распорядился Щеглов и достал трубку мобильного телефона.

Случилось то, чего боялся Крюков. Щеглов набрал ставший ему известным номер мобильного Киселева. Через пару секунд со стороны хозяйственного блока послышались звуки зуммера. Щеглов ткнул пальцем в направлении сарая.

— Они там! Рассыпаться и вперед!

Камуфляжное воинство мгновенно рассредоточилось. Бойцы заняли позиции и открыли по сараю плотный огонь. Киса дал в ответ картечный залп и короткими перебежками устремился к заросшему бурьяном пустырю позади дома.

— Отсекай! Отсекай его огнем, уйдет!

На бегу Киса выстрелил в направлении машин. Картечь просвистела над головами Щеглова и его охраны, а одна из картечин с жутким визгом прободила крышу командирского джипа.

Щеглов присел от неожиданности.

— Да эти его медь! Так ведь и в глаз попасть можно! Эй, а баба где? Он что, один.

— Один! — подтвердил старший камуфляжной команды. — Больше никого не видно. Может, спряталась?

— Ага, у тебя в заднице! — Щеглов в ярости пнул колесо джипа. — Ладно, мне тут делать нечего. Козе понятно, что баба свалила. А этот придурок, — полковник кивнул в сторону кустов, где скрылся Киса, — интересуется меня только как коврик в зале трофеев. Привезете мне его шкуру. Как убьете его, сразу возвращайтесь на базу. Дом сожгите. Вот еще что. Если все же случайно встретите молодую блондинку, тащите ко мне. И упаси вас бог задеть ее хоть пальцем. Она нужна мне живой и абсолютно здоровой.

— А если у нее гонорея? — осмелился пошутить один из бойцов, бритоголовый, с блестящим загорелым черепом.

Но Щеглов так глянул на ослушника, что у того враз отнялся язык. Полковник уселся в джип, люди в черном погрузились следом, и обе машины рванулись с места, оставляя за собой густой шлейф пыли.

— Я не въехал, дом-то зачем сжигать? — снова подал голос бритоголовый

остряк.

— А затем, одни, чтобы этой сучке жизнь медом не казалась! Хватит с нее на сегодня положительных эмоций! — объяснил старшин группы и скомандовал.

Рассыпаться цепью! Бегом марш! Стрелять во все, что дышит!

И группа облаченных в камуфляжную форму людей с автоматами бросилась охватывать место предполагаемой огневой точки противника. Загремели выстрелы.

* * *

Крюков загнал машину в ближайший перелесок. И вовремя. Поднимая клубы пыли, не заметив их, по грунтовке в сторону шоссе промчались два черных джипа с эмблемами охранного агентства «Щит и меч».

— Наверняка Щегол покатыл, — сплюнул в траву Альбертыч. — Эх, садануть бы по нему «Мухой».

— Была бы одна машина, без проблем. А тут две. Не успеешь уйти, как из второй машины тебя расстреляют. А издалека промазать можно. К тому же мы не знаем, может, они в одной из этих тачек Эльвину везут.

— Или Кису, — предположил Альбертыч.

— Нет, Киса отстреливается. Бери зброю и рысью за мной!

Крюков забросил на одно плечо пулемет, на другое тубус «Мухи» и бегом направился к отдаленному дому, откуда, не переставая, доносилась канонада перестрелки.

Но не успели они сделать несколько шагов, как стрельба внезапно превратилась Опера ускорили бег. Через небольшой заросший овражек они сумели подобраться к месту боя. Перестрелка и в самом деле закончилась.

— Ложись!

Крюков рухнул в кусты и потянул за собой Альбертыча. Прямо перед ними, шагах в двадцати, стоял микроавтобус, украшенный той же эмблемой, что и укатившие раньше джипы — мечом и щитом с аббревиатурой «ЧОП».

— Гляди, автобус, — зашептал Альбертыч. — И лейбак на нем такой же — «Щит и меч»? К тому же он один. Давай хоть по нему из «Мухи» шарахнем!

Крюков посмотрел на товарища с нескрываемым сочувствием.

— За что люблю тебя, Альбертыч, так это за светлую твою голову, за ничем не замутненный разум. Тебя бы в бронзе отлить и написать: «Памятник горю от ума».

— Это шутка? — обиделся тот.

— Отгадай с трех раз. А если Киса уже в автобусе? Или ты ему много бабок должен? Тогда нет базара, бери трубу и шарахай.

Альбертыч насупился.

— Что предлагаешь?

Крюков сунул ему в руки бинокль.

— На, держи прибор. Наблюдай.

Альбертыч торопливо принял к окулярам. Не успел он толком настроить резкость по глазам, как негромко воскликнул.

— Гадом буду. Кису тащат!

Крюков напрягся.

— Где? Дай сюда! Дай, говорю! Это вообще-то мой бинокль!

— А я первым увидел!

— А кто тебя вообще сюда привез?!

Наконец после недолгой перепалки Крюков вырвал бинокль у товарища и впился взглядом в группу людей, одетых в камуфляж. Их было шестеро. Один шел впереди. Другой, бритоголовый, спотыкался на каждом шагу и качался, как пьяный. Видимо был ранен. Остальные четверо несли тело. Это был Киса. По тому, как его тащили, было видно, что он мертв. Живых так не носят.

— Убили суки, — Крюков снова протянул бинокль Альбертычу.

Тот взглянул и вцепился побелевшими пальцами в автомат.

— Что делать будем?

Крюков пожал плечами.

— Ты хотел шарахнуть? Валяй, теперь самое время. А то сейчас погрузятся и уедут.

Альбертыч схватил трубу гранатомета.

— Покажи, как с ней обращаться.

Крюков присвистнул.

— Ну уж фигушки. Ладно, давай так — ты их из «аграма» лупи, только не высывайся. Главное — отвлечь их и создать напряг.

— По колесам бить? — уточнил Альбертыч?

— Зачем? Целься по кабине. Они и так останутся. И помни: если что, нас они живыми брать не будут. Как и Кису. Готов?

— Всегда готов!

— Тогда по коням!

Крюков снова прилип к окулярам бинокля. Камуфляжные бойцы садились в микроавтобус. Ему хорошо были видны их лица. Кто-то смеялся, кто-то выглядел усталым. Обычные русские парни, — как и многие другие, идут с работы. Кто-то построил дом, посадил сад, картошки накопал. А эти убили своего товарища, такого же парня. И виноват он был только в том, что делал свою работу. Защищал человека.

Кто во всем этом виноват? Родина, которая научила их в двадцать лет профессионально убивать себе подобных? Или они такими уродились Генофонд нации, семьдесят лет безбожного правления и все такое? А тогда революцию в девятьсот семнадцатом кто делал? Марсиане? Чем тогдашние матросы от этих бойцов отличались? Такая вот страна духовная, такой народ-богоносец, мать их... И он, Крюков, ничем не лучше. Плоть от плоти пионерии и комсомола. А значит, и взять с него нечего.

Несколькими отработанными движениями Крюков привел гранатомет в боевое положение.

Микроавтобус тронулся и тут же из кустов впереди него выкатился Альбертыч. Он резанул очередь по водителю и пассажирам. Машина остановилась. Пассажиры не успели опомниться, как Крюков поднялся во весь рост, тщательно прицелился и выстрелил. Взрыва он не видел, так как тут же бросился на землю. Альбертыч последовал его примеру. И тут же над их головами зазвистели осколки. Обоих только чудом не задело.

Крюков приподнялся, вскинул пулемет и выпустил в превратившийся в огненный шар микроавтобус несколько очередей. Из огня и дыма выкатился человек. Мелькнула его бритая голова. Одежда на нем горела. Орал он страшно.

«Первая помощь по-партизански, как учил батяка Ковпак», — вспомнил Крюков и срезал бегущего одной очередью.

Дождавшись, пока пыль немного осядет, Крюков поднялся. Хотелось выпить, но ему предстояло еще много работы. Сыщик достал из нагрудного кармана и тоскую фляжку коньяка, которую всегда брал с собой на операции для обработки душевны ран, и протянул напарнику. Юго колотило. Не привык еще людей убивать. Впрочем, Крюков тоже. Даже таких. Но остановить их было необходимо!

Пошли, — бросил он. — Здесь нам больше нечего делать.

Альбертыч стоял некоторое время в оцепенении. Наконец очнулся.

— А Киса? Так и бросим его?

Крюкова разобрала злость.

— Нет. Сядем и будем ждать, когда нам подвесят хомут. Тогда не теряй времени, сядь и напиши чистосердечное признание. Ну так что, остаешься? А то у меня еще дел уйма.

Альбертыч, ворча под нос, поплелся за Крюковым.

* * *

Подполковник Тарасов еле дождался возвращения своего начальника и тут же заторопился.

— Мне сегодня пораньше домой надо, — заявил он.

Щеглов не стал возражать, он ждал возвращения группы захвата. Тарасов собрался и торопливо покинул здание охранною предприятия. Его четырехглазый триста двадцатый «мерседес» ожидал хозяина в переулке.

Стемнело. Подполковник уселся в салон, включил зажигание и закурил в ожидании, пока прогреется движок. Не успел он сделать и двух затяжек, как в переулок влетела темная машина, ослепила его дальним светом фар и замерла в полуметре от бампера его «мерседеса».

Не успел Тарасов прийти в себя от неожиданности, как передняя пассажирская дверь распахнулась и на сиденье рядом с ним плюхнулся человек. Ослепившая подполковника машина сдала назад и исчезла так же стремительно, как и появилась.

— Хорошо, что я тебя застал, — сказал незнакомец голосом Крюкова. — Боюсь, что ты уедешь без меня. Щеглов уже вернулся?

Тарасов какое-то время сидел неподвижно. И вдруг его прорвало:

— Что за идиотские приколы?! — заорал он.

— Куда уж прикольнее, — усмехнулся Крюков. — Сначала убили Волкова, теперь Кису. Кого следующим — меня?

Тарасов замотал головой.

— Я же сам тебя предупредил! У Щегла сорвало крышу. Он играет по-крупному, хочет заполучить счета Ложкина и свалить. И он ни перед чем не остановится. Но я здесь не при чем.

— Для этого ему и нужна Эльвина?

— Разумеется. Ее подозревают в том, что она в курсе банковских счетов Ложкина. Собственно, не подозревают. Уверены.

— Кто подозревает?

— Все. И Щеглов не исключение. Сейчас он поставил под ружье «Отдел безопасности» агентства. Ребята там — сплошные отморозки. Кстати, они сейчас должны подъехать.

Крюков озадаченно почесал кончик носа.

— Не знаю как тебе и сказать... В общем, они не приедут. Шесть вакансий.

Да, многовато, знаешь ли. На вашем подшефном частном охранном предприятии большая текучка. Ты сам-то понимаешь, что ходишь по краю пропасти?

Тарасов бессильно откинулся в своем водительском кресле.

— Поздно пить боржом, когда почки отвалились. Ладно, слушай. Твоя Эльвина сейчас у своей подруги. Ее там недавно наружка засекала.

Крюков очень удивился.

— Выходит, Щеглов за казенный счет решает свои шкурные проблемы? И как же он оформил наблюдение за Эльвиной?

— Совершенно официально, как связь Ложкина. Ее пасут довольно плотно. На тебя, кстати, сторожок тоже уже выставлен. Твой служебный пистолет находится сейчас у криминалистов в качестве орудия убийства Киселева.

Крюков заскучал.

— Значит, если я прямо сейчас поеду к ней, то меня сразу засекут? А я в федеральном розыске. Туфта полная, но при крайнем случае всегда можно закрыть меня на денек-другой.

Тарасов понизил голос.

— Если прямо сейчас поедешь, то засекут. Но через час наблюдение снимут. Щеглов планирует к этому времени подогнать туда своих орлов из «Щита и меча». Но ты, кажется, сильно сократил их количество.

Крюков поглядел на часы.

— Хорошо, время у меня есть. Теперь о главном. Ты узнал что-нибудь о Чистильщике?

Тарасов набычился.

— Нет. После побега он как в воду канул. Ну, теперь я могу ехать?

— Катись, — Крюков вылез из салона «мерседеса».

Тарасов наклонился, чтобы закрыть за ним дверь. Махнул рукой.

— Ладно. Крюк, удачи тебе. Мы с тобой все-таки были друзьями. Когда-то.

Крюков на мгновение задержался и усмехнулся невесело.

— Как с Волковым и Кисой? Хочу дать тебе совет, Володя. Будь осторожен. С точки зрения Щегла ты слишком много знаешь.

И исчез в темноте.

* * *

Тарасов ехал домой. Из головы не выходили слова Крюкова. Собственно, Америки тот ему не открыл. Щеглову он и сам не доверял. Но мысль о неизбежной развязке отгонял подальше и заталкивал в самый дальний уголок сознания. А ведь она, эта развязка, могла совершиться со дня на день, а может быть, и с часу на час.

Жил он в небольшом двухэтажном особнячке в поселке любителей свежего воздуха. Поселок охранялся все теми же бойцами из «Щита и меча», но подъехав к дому и выйдя из машины, Тарасов понял, что у него гость Или гости. И он их не звал.

Подполковник извлек из кобуры свой «Макаров», потом подумал, убрал его и достал из-под сиденья «беретту». Взвел затвор. И только после этого стал отпирать дверь.

Со второго этажа за действиями подполковника следили внимательные глаза. Человек, одетый в темную куртку и черные брюки контролировал передвижения хозяина, держа его на мушке короткоствольного автомата, снабженного глушителем. Держал оружие он одной рукой, другая висела на пере-

взяи.

Тарасов открыл дверь и вошел в дом. Он потянулся было к выключателю, но тут обнаружил на собственном животе красный отблеск лазерного целеуказателя. Из темноты лестницы, ведущей на второй этаж, донесся тихий голос.

— Не надо зажигать свет!

Тарасов длинно и бессвязно выругался.

— Толик, еханный бабай, откуда?! Почему ты все еще здесь? Я ведь приказал тебе исчезнуть!

Киллер и однополчанин подполковника Тарасова Толик Гарамнов, а это был он, ответил нагловатым смехом.

Со мной еще не рассчитались. Забыл? А потом, разве ты здесь главный? И постарше тебя начальники имеются.

Не зажигая света, Тарасов стянул с себя куртку и прошел в холл.

— Толя, ты дурак, если веришь Щеглу. Он тебя как кусок туалетной бумаги использует и выбросит. Он тебя сейчас для того и придержал, чтобы в нужный момент подставить, неужели ты не понял?

Гарамнов тоже спустился в холл. Он прекрасно ориентировался в темноте. По крайней мере, она не помешала ему налить в стакан виски из хозяйских запасов.

— Нет, Володя, — произнес он, сделав большой глоток. — Это ты не понял. Я ведь убийца по жизни. И я буду убивать всех, за кого мне заплатят. Сегодня мне платит Щеглов. А еще я буду убивать тех, кто будет мешать мне убивать. И так будет, пока буду дышать. Поэтому не становись на моем пути, иначе я забуду про нашу фронтовую дружбу. А мне бы этого не хотелось. Я у тебя немного поживу. Не возражаешь?

Тарасов почувствовал страшную усталость. Он тяжело опустился на диван.

— Живи хоть всю жизнь, лишь бы недолго. А Щеглов знает, где ты?

— Он меня сюда и направил.

— Тогда это действительно недолго, — вздохнул подполковник и вытянулся во весь рост на заскрипевшем диване.

Ему ужасно хотелось спать, но спать ему не дали. Позвонил Щеглов.

«Легок на помине», — подумал Тарасов.

— Ты где? — спросил шеф.

— Дома. Гостя развлекаю.

— Срочно приезжай, ты мне нужен. Группа не вернулась.

— Уже еду! — Тарасов с ненавистью сунул опостылевший мобильник в карман.

Он вышел во двор и сел в машину. Больше всего ему сейчас хотелось напиться до бесчувствия и забыться тяжелым сном дней этак на пять.

* * *

Подъехав к дому Эльвиной подруги, Крюков первым делом внимательно осмотрелся. Казенную наружку на штатных бледно-голубеньких «Жигулях» с выдвинутой на полметра антенной он определил практически сразу. Это означало, что объект наблюдения — Эльвина — все еще находится в квартире. Оставалось только немного подождать.

Альбертыч бессовестно храпел на заднем сиденье «рябухи». Крюкову стало завидно, и он растолкал напарника.

— Подъем!

— А? Что случилось?

— Когда случится, поздно будет. Ты так храпишь, будто здесь слона душат. А мы как-никак в засаде. Слушай внимательно, что надо делать.

И начал излагать свой план действий. Тарасов не солгал. В точно указанное им время голубенькие «Жигули» тронулись с места и укатили. Путь был свободен. Но и тянуть было нельзя. Вот-вот должны были подъехать люди Щеглова. Ведь не всех же Крюков с Альбертычем завалили на проселке в микроавтобусе.

Не теряя времени, Крюков направился к нужному подъезду. Номер кода на входной двери был услужливо нацарапан прямо на замке. Крюков поднялся на нужный этаж и позвонил. Дверь — не металлическая, замок можно ногтем отпереть — открыла сама Эльвина. Ни хрена себе, конспираторы! Он хотел отчитать ее, но пожалел. Вид у нее был изрядно напуганный. Синяки под глазами и все такое.

— Где Игорь? — первым делом спросила она. — Что с ним?

— Нету больше Игоря, — Крюков вошел в квартиру. — И дом твой сожгли.

Про дом Эльвина вроде и не услышала. Она закрыла лицо руками.

— Он спас мне жизнь.

— Знаю, — сказал, как отрубил, Крюков. — У нас нет времени. Собирайся, надо срочно уходить.

— Как? Опять? — в ее голосе послышалось возмущение.

— Да. опять. И побыстрее, иначе кому-то опять придется умереть.

— Прости, я сейчас.

Она вышла в соседнюю комнату. Крюков задумался, прикидывая способы ухода. Старый добрый метод — перебраться через чердак в соседний подъезд — отпадал. Сейчас все чердачные двери запираются на замок.

Дверь на застекленный балкон была открыта. Крюков выглянул наружу. Увиденное его заинтересовало.

— У твоей подруги с соседями общий балкон и никакой перемычки? — поинтересовался сыщик.

— Да, — подтвердила Эльвина. — У них тут как коммуна хиппи. Ходят друг к другу когда вздумается. Балконы застеклены, получилось что-то вроде коммунального коридора.

— Живут же люди! — искренне позавидовал Крюков. — Дом открытых дверей! Пошли к ним в гости.

— Зачем? — удивилась Эльвина.

Крюков ткнул пальцем вниз. Там, как раз прямо перед подъездом, затормозил черный джип. Двоих вышедших из него Крюков сразу узнал в ярком свете фонаря. Это были его старые знакомые — Скулов и Ерохин.

Эльвина поняла его без лишних слов. Они прошли через балкон, затем пересекли соседнюю квартиру, не потревожив сна ее хозяев, и вышли. Альбертыч ждал их в «рябухе» с включенным двигателем. Они сели в машину и, не спеша, тронулись. Через секунду «рябуха» влилась в поток оживленной ночной трассы.

На Тарасова сыщик уже не сердился. Крюков понял, что тот запутался по самое дальше некуда и теперь просто пытался спасти свою жизнь. Но и им самим до спасения было еще очень далеко.

* * *

Тарасов вошел в кабинет шефа с недовольным лицом. Тот понял это по-своему.

— Устал? Ничего, скоро отдохнем. Хочешь — на Карибах, хочешь — на Канарах. А есть еще такой остров — Маврикий называется. Вот туда мы и махнем! Но пока надо еще немного поработать. С Карабиновичем полный ажур. Дожали паука. Откатывает нам бабки по полной программе плюс доля с казино. Скоро мы его вообще вышвырнем. Уберем из бизнеса. И не только из бизнеса. А сейчас надо с ним встретиться и получить первый транш. У нас проблемы, людей в обрез. Придется тебе самому прокатиться...

Карабинович назначил местом встречи скверик перед своим пирамидальным комплексом. Подъехав к нему Тарасов, вопреки всем правилам дорожного движения, свернул прямо в пешеходную зону под деревья, заглушил двигатель и настроился на долгое ожидание.

Отсветы ярких огней «Эльдорадо» играли на полированном капоте его «мерседеса». Высокие вращающиеся двери казино почти не прекращали движения, пропуская набитых деньгами игроков туда и выпуская проигравшихся с выпотрошенными кошельками обратно. Технология честного отъема денег действовала безотказно.

Однако ждать подполковнику почти не пришлось. Бизнесмен появился в дверях своего бесоугодного заведения секунда в секунду в назначенное время. В правой руке он нес объемистый кейс. Карабинович трусцой пересек проезжую часть и углубился в кустарники сквера. Тарасов вышел из машины ему навстречу.

Карабинович с мрачным выражением лица подошел к «мерсу», положил на капот свой кейс и раскрыл. Внутри находились пачки долларов в банковской упаковке.

— Будете пересчитывать? — спросил бизнесмен.

Тарасов наугад достал одну пачку. Считать он не собирался, просто взглянул — не «кукла» ли? Деньги оказались настоящими. Во всяком случае, они не были нарезанной бумагой.

Тарасов закрыл кейс, открыл дверцу машины, бросил его на заднее сиденье. В то же мгновение за своей спиной он услышал топот тяжелых спецназовских ботинок. Он почувствовал, как ему заломили руки за спину и безжалостно ткнули лицом в придорожную грязь. Судя по механическим отработанным движениям и железной хватке, это был терминатор или как-то другой робот аналогичной серии.

Потом эти руки, а может, и манипуляторы, легко его подняли, поставили на ноги и снова больно ткнули лицом, на сей раз в полированную поверхность капота его машины. Когда гул затих, у него было несколько секунд времени, чтобы прислушаться к шорохам остывающего двигателя «мерседеса».

— Гражданин Тарасов, — послышался из темноты до тошноты знакомый голос следователя прокуратуры Кибальчича. — Вы задержаны по обвинению в вымогательстве и злоупотреблении должностными полномочиями.

* * *

Наконец Крюкову удалось вернуться в свою берлогу. Но перед тем, как заснуть сном праведника, он собирался сделать пару телефонных звонков. Сна-

чала он позвонил дежурному в управление. Тот сразу снял трубку.

— Слушает дежурный по управлению майор Еклмановский! — по обыкновению невнятно представился он.

Вообще-то фамилия у дежурного была Колмановский, а звали его Евгением Михайловичем, но был майор прикольщиком, и никогда не отказывал себе в удовольствии пошутить.

— Здорово, Михалыч, это Крюков, — ответил сыщик, — у меня, говорят, проблемы появились?

Дежурный зачем-то понизил голос до шепота.

— Если бы у тебя одного проблемы! У меня тоже. Пистолет твой пропал. Вроде — в мое дежурство. А ведь я же прекрасно помню, как ты мне его дал, а я его в сейф убрал. И вот на тебе! Ну не пьяный же я тогда был!

Крюков перешел на доверительный тон.

— Ты, Михалыч, не бери в голову. Это недоразумение. Ствол мой на месте, но сейчас никому об этом не говори. Делай вид, что тебя это потрясло. Можешь под такое дело в госпиталь лечь, отдохнуть месячишко. У тебя что, болячек мало? Вот и воспользуйся моментом, подлечись. А отвечать за это кому-то другому придется. Ты меня знаешь, я врать не люблю.

«А приходится», — мысленно добавил сыщик и попрощался с «невинно пострадавшим».

После этого он набрал номер криминалиста на все руки Селимова.

— Селим? Пришельца не узнал? Как жизнь?

Эксперт начал разговор крайне строго: с запугивания.

— Ты знаешь, что на тебя объявили федеральную облаву?

Крюков притворился чрезвычайно обеспокоенным.

— Догадываюсь, и это не дает мне покоя. Ни днем, понимаешь, ни ночью. Даже стул у меня из-за этого какой-то нерегулярный стал. Ты, поди, не знаешь, что практически все великие политики, вроде Сталина, Гитлера и Муссолини страдали желудочными делами? А теперь и я! Ты не представляешь, до чего это меня беспокоит.

Его трагический тон насторожил Селимова. Он продолжал вещать уже менее уверенно.

— А знаешь из-за чего? Из-за того, что Игорь Киселев был убит из твоего табельного пистолета. Так написано в запросе.

Сыщик, однако, продолжал валять дурака.

— Ай-я-яй! Что ты говоришь? Продолжай, а то я весь дрожу, трепещу прямо-таки.

— Козел ты, Крюк! — рассердился эксперт. — Но я продолжаю. Этот пистолет сейчас лежит перед моим носом, и из него действительно убили Игоря. Но...

— Ась? Чего замолчал на самом интересном месте?

— Но это вовсе не твой пистолет. Это газовик. Девяти миллиметровый «ИЖ-семьдесят девять — шесть-П-сорок два». Ствол переделан для стрельбы боевым патроном... Что молчишь? Ты это знал?

Крюков выдержал кокетливую паузу.

— Я это предполагал. Или, точнее, допускал. Слушай, Селим, будь другом. Придержи информацию насчет того, что это не мой пистолет. Пусть тот, кто это заказал, еще немного порадует. Сделай человеку приятное.

Теперь настала очередь эксперта взять паузу и задуматься.

— Ты не забыл, что я предпочитаю «Синий лейбл»? — напомнил он.

— Конечно, уже очередь занял. Вот, сей момент в кассу пробиваю, — обнадежил его сыщик. — Значит, договорились?

— Договорились. Да, я тут на всякий случай зарядил твой письменный стол новой ловушкой, чтобы в твое отсутствие все, кому не лень, поменьше шарили. Аппарат серьезный, не то, что тот старый распылитель краски.

Судя по голосу, эксперт был страшно доволен своей работой. Крюков тоже.

Глава пятая В бегах

В одном из номеров люкс-отеля «Эльдорадо» тихо и скромно гуляли двое его постоянных обитателей. Оба аборигена были смуглы и носаты. Все в их номере носило следы утонченной культуры. Одежда в эстетическом беспорядке была разбросана на полу и предметах мебели.

На экране телевизора сплетались и расплетались обнаженные тела обоего пола, из стереодинамиков раздавались профессиональные стоны участников действия: видеодвойка была заряжена на жесткую порнуху.

Большой палисандровый стол, инкрустированный слоновой костью, был завален кондовыми советскими деликатесами типа черной икры в ведерке, осетрины на блюде, французско-азербайджанского коньяка, отечественного шампанского и эвереста из фруктов.

Один из культурно-отдыхающих, джигит, изысканно одетый в носки, шелковые трусы и расстегнутую белую рубашку, из-под которой выбивалась густая черная поросьль, названивал гостиничному администратору.

— Слушай, э! Я час назад девочек заказывал, э! Где они? Сейчас будут? Ждем пять минут, слушай. Потом, э, спустимся вниз, и я буду бить тебя долго и больно, возможно ногами, э! А потом...

Он не договорил, в дверь номера постучали. Потом еще раз, более настойчиво.

— Открой, слушай! Хорош трепаться, открой! — крикнул напарник телефонующего из туалета, где пребывал уже длительное время.

Джигит положил трубку и направился к двери. По дороге он подхватил со стула, на котором висели его брюки и плечевая кобура, вороненый «Вальтер». Пистолет он засунул сзади за резинку трусов, отчего они тут же стали сползать.

— Что надо, э? — гортанно спросил он.

— Кто девочек заказывал? — поинтересовался из-за двери густой, с хрипотцой, бас.

Джигит бросил пистолет на постель, подтянул трусы и засмеялся.

— Мы девочек заказывали, мальчиков не заказывали, э...

Но дверь открыл... Его смех перешел в хрип. Прямо в горло ему вошел длинный и узкий клинок. Убийца вырвал стилет из горла джигита и нанес второй удар точно в сердце. Затем, прежде чем тот рухнул на пол, ударом ноги отбросил тело назад, одновременно освобождая свое оружие для нового удара.

— Ну что там, э? Девочки пришли, э? — раздался голос второго джигита из туалета.

Из-за спины убийцы вышел второй человек. В руке его был зажат пистолет с навинченным на ствол глушителем. Он рванулся было к двери туалета, но напарник придержал его за рукав.

— Подожди, Ероха, пусть воду спустит. Не нюхать же его дерьмо. Вот теперь давай.

Второй убийца рывком распахнул туалетную дверь и вскинул пистолет. Дважды чавкнул глушитель. Послышался звон, резко запахло одеколоном. Вероятно, убитый упал на стеклянную полку с туалетными принадлежностями.

— Готово, Скула, — доложил тот, что помоложе. — Забираем сумки?

— Зачем же сумки? — усмехнулся киллер по кличке Скула. — Забираем этих дуриков. Звони охране, пусть уносят тела. Теперь они — это мы. Протри здесь все и ложись спать. Завтра придется попыхтеть.

* * *

Из незасвеченных убежищ у беглецов оставалась лишь квартира Альбертыча. Туда они и направились. Жил старый опер в пятиэтажной хрущовке на границе Москвы и Московской области. Оказавшись в жалкой квартирке, Эльвина с нескрываемым сочувствием обвела взглядом его жилищные владения. Сделать это было нетрудно прямо из прихожей. Шестиметровая кухня и две небольшие комнатенки. Санузел-дуэт. В смысле совмещенный, где можно петь вдвоем, пока один сидит в позе Роденовского мыслителя, а другой моется.

Обстановка успокаивала. Точнее, отсутствие таковой как красноречивое свидетельство «налоговой невинности» ее обладателя: такой человек никоим образом не мог быть причислен к оборотням в погонах и их многочисленным подвидам. Впрочем, Альбертыч относился к этому вынужденному аскетизму без комплексов. Домой он приходил только спать.

Галантный хозяин предложил Эльвине свою скромную спальню. Сам же вместе с Крюковым расположился в проходной гостиной, постелив себе на полу. Никому из них даже не пришло в голову раздеваться. Легли натошак. После произошедшего накануне без лишних слов и комментариев все просто вырубались, провалились в тяжелое, без сновидения, забытьё...

Утро действительно мудренее вечера. Первой от раскатов могучею храпа Альбертыча проснулась Эльвина. Сначала она никак не могла понять, где находится. Некоторое время она лежала и прислушивалась. В моменты, когда старик делал глубокий вдох, в роли секунданта выступал Крюков — он тихонько похрюкивал во сне в соответствующем ритме. Эльвина вышла в гостиную и растолкала мужчин, прервав их слаженную работу. Крюков и Альбертыч с ворчанием поднялись на ноги.

После вчерашних испытаний страшно хотелось есть. Прежде всего, необходимо было восстановить силы. Поскольку холодильник был пуст, решено было сделать вылазку за продуктами. На дело Крюков отправил Альбертыча.

— А почему я? — возмутился тот.

Но Крюков сразил его железной логикой.

— Эльвину ловят, я вообще в федеральном розыске. Кстати, увидишь где-нибудь мой портрет с надписью «Его разыскивает милиция», захвати мне на память. Только бы они не взяли для этого фотку из моего личного дела, я на ней плохо получился.

Когда хозяин квартиры ушел, гости по очереди умылись и отправились в маленькую кухню держать совет, что делать дальше? Они устроились визави за небольшим, рассчитанном скорее на лилипутов столом, и Крюков пустился в рассуждения.

— Щеглов убил Ложкина и его секретаршу вместе с их родными и близкими только затем, чтобы найти его деньги. Поэтому от тебя он не отстанет и, думаю, ни перед чем не остановится. Короче, житья он тебе не даст, да и мне тоже. Поэтому мы в любом случае должны выйти на банковские счета Ложкина. У него самого их не нашли, у его секретарши тоже. У тебя тоже нет, иначе

ты сейчас была бы далеко отсюда. Я логично рассуждаю?

— Вполне, — охотно согласилась Эльвина и вздохнула. — Красиво рассуждаешь. Я уже представила себя в другом месте. Море, солнце и мулаты в белых штанах. И никаких бандитов.

Крюкову не сиделось на месте. Он обнаружил в кухонном шкафу черствый кусок хлеба, попробовал на зуб. Убедившись, что проще разгрызть кафельную плитку, вернул сухарь на место и продолжал.

— Едем дальше. Ложкин не мог не оставить хоть какой-нибудь записки на этот счет. Разве что у него была феноменальная память.

— Память у него была никакая, — опровергла предположение сыщика Эльвина. — Склероз с маразмом пополам. Он не мог запомнить даже моего домашнего телефона, каждый раз лазил в записную книжку.

— А где эта книжка может быть, если в момент смерти при нем ее не оказалось? — напрягся сыщик.

Эльвина подняла брови, рискуя заработать ранние морщины.

— Знаешь, на работе у него был маленький секретный сейф, — вспомнила она. — Он запросто мог забыть свою записную книжку там. Несколько раз так бывало. Я вполне допускаю, что нынешний хозяин ничего о нем не знает. Надо ехать в «Эльдорадо»!

— Так поехали! — Крюков вскочил и принялся собираться.

— А как же твой друг Альбертыч?

— Мы оставим ему записку, — нашел выход сыщик. — К тому же он все равно должен ехать в управление. Ему надо на работе показаться, да и о нашем деле поразнюхать. Позавтракаем в «Эльдорадо». Вперед, по бабам!

Эльвина взглянула на Крюкова с недоумением.

— Я хотел сказать: «По коням», — поправился сыщик. — Все время путаю, извини.

* * *

Развлекательный ночной комплекс «Эльдорадо» работал не только ночью, но и днем. Ночью здесь развлекали почтеннейшую публику, а днем убирали следы предыдущих развлечений и готовились к грядущим. Ну, и деньги считали...

Хозяин «Эльдорадо» Артем Карабинович, несмотря на ранний час, был на своем боевом посту. В этом-то и состоит отличие буржуа от пролетария. Первый работает на себя двадцать четыре часа в сутки, а второй на него и только восемь. Крюкова с Эльвиной охрана пропустила, не глядя... Они поднялись на лифте в «пентхауз» — так называли сотрудники комплекса кабинет хозяина.

Находился он на самой верхушке пирамиды, в ее верхней и наименьшей по объему ступени, выполненной из металла и стекла. Высота перекрытия над полом составляла где-то метров десять, не меньше. Выше были только облака.

В отличие от особняка Артема, где господствовало средневековье, интерьер «пентхауза» напоминал американские фильмы о далеком будущем: его дизайн можно было бы отнести к двадцать второму или даже двадцать третьему веку. Выдержан он был в серебристо-голубых тонах. Ультрасовременная мебель, расставленная по всему залу в каком-то правильном беспорядке, рассчитанном с помощью компьютера, поражала новаторскими формами. Сделана она была из титана и кожи с применением космических технологий.

На гигантских плоских мониторах, вмонтированных в металлические стены вперемежку с картинами абстракционистов, можно было видеть все, что происходит в залах казино. Одновременно оттуда транслировался звук: типичный для заведения этого рода гул голосов и стук шарика рулетки. За одним из столов уже расставались с деньгами несколько посетителей.

Увидев Крюкова вместе с Эльвиной, бизнесмен немного смутился и сильно обрадовался.

— Все живы? Здоровы? Замечательно! Эльвина, золотко, прекрасно выглядишь. Я рад, что ты нашлась. Ты на меня не обиделась?

— Отстань, толстячок, мы есть хотим, — Эльвина потрепала Карабиновича за теку, отчего того передернуло. Вот если бы это сделал Крюков...

Поняв, что они не завтракали, бизнесмен подвел их к автоматизированному бару с голосовым управлением, размещавшемуся в середине гигантского помещения. Выглядел бар как огромный, метра три высотой, никелированный куб, усыпанный лампочками, отверстиями и дверками непонятного назначения, к которому была подведена длинная цельнометаллическая стойка с транспортиром...

Дав машине распоряжения, Карабинович показал гостям на высокие одноногие табуреты вдоль стойки. В ту же секунду на машине замигали лампочки, она довольно заурчала, и из ее недр выехали тарелки с салатами, сэндвичами и дымящимся кофе в голубых чашках. Транспортир доставил завтрак прямо под нос голодающим. Себе и Крюкову Карабинович заказал армянского бренди и взгромоздился рядом с капитаном на высокий табурет, поджав короткие ножки. В этой позе он был страшно похож на страдающего ожирением попугая.

— Ты знаешь, я разобрался с твоими оборотнями, — самодовольно сообщил он. — Сначала припугнул. Как ты и советовал, натравил на них прокуратуру. Сегодня ночью задержали одного при передаче денег. Тарасов, кажется, его фамилия Крюков тихонько свистнул от изумления и покачал кругообразными движениями бокал с бренди.

— Круто. Бедный Вовик, — сказал он с интонациями Гамлета, держащего в руке череп любимого шута.

— Но потом я решил немного сдать назад, — продолжал Карабинович. — Короче, сегодня с утра пораньше мы перетерли эту тему с неким Щегловым. Потом я связался со следователем. Тарасова сегодня выпустят под залог. Статью ему поменяли. Теперь это не вымогательство, а мошенничество.

— Зря, — сокрушенно покачал головой Крюков. — Теперь с тебя не слезут. И на чем же вы сошлись?

— Я отдал им часть гостиницы, — признался менее уверенным тоном Карабинович. — Они хотят там открыть крутой бордель. Путанок под крышу взять.

— Бред собачий, — не поверил сыщик. — Что-то тут не сходится. Хотя соединить дом встреч с ментурой, безусловно, здравая мысль. Все под контролем, так сказать, и далеко ходить не надо! А кто будет охранять гостиницу? Сейчас ведь это делают твои люди?

— Уже нет. У них ведь свое охранное агентство имеется, — развел руками потерявший гонор бизнесмен.

Крюков потер виски, пытаясь поймать убежавшую мысль. Пойманная мысль показалась ему слишком простой.

— Помнишь, ты говорил, что в казино отмывают черный нал? — спросил он Карабиновича. — А курьеры, которые привозят этот нал, где останавливаются?

Карабинович был ошарашен догадкой.

— В нашей гостинице. То есть уже не в нашей. Слушай, ведь вчера как раз очередные курьеры приехали, сегодня должен произойти обмен. — Он схватился за голову.

Эльвина между тем предавалась чревоугодию, отправляя в рот один за одним маленькие симпатичные сэндвичи с лососиной и лимоном. Видимо, события последних дней выбили ее из колеи и заставили забыть о диете.

Крюков наконец вспомнил, что со вчерашнего дня у него не было во рту маковой росинки, он отставил коньяк и с удовольствием присоединился к даме.

— Думаешь, они еще живы? — спросил он Карабиновича, тщательно пережевывая деликатесы.

Тот с несвойственной ему резвостью соскочил с табурета.

— Что же мы сидим?! — крикнул он, приседая.

— Не спеши, — притормозил его сыщик, — а то я подавлюсь. Если их убили и ограбили, то налетчиков уже и след простыл. Но, я думаю, это для них только наживка. Они захотят поиметь не только привезенные бабки, но и всю кассу твоего казино. Что там за шум в зале? — он повернулся к экрану монитора.

На Карабиновича было жалко смотреть.

— Это мои новые компаньоны. По договоренности я им разрешил поставить в казино несколько игровых автоматов. Наверное, привезли.

— Ты просто изощренный мазохист-самоубийца, — похвалил предпринимателя Крюков. — Ведь мог бы не мучиться, а просто взять и застрелиться. Бах — и все!

В подтверждение его слов в большом зале казино грохнул взрыв и захлопали частые выстрелы. Персонал и немногочисленные посетители в панике заметались между столами. Суэта на мониторах напоминала последние часы Помпеи или «Титаника» в момент погружения. Зрелище не для слабонервных!

Эльвина вскрикнула и опрокинула чашку кофе на стойку.

— Ты в порядке? — испугался за нее Крюков.

— Да, ничего страшного, просто от неожиданности горячим кофе обожглась.

Из динамиков слышались крики, усиленные мощной аппаратурой. Так кричат от боли и испуга.

— Чего вылупился? Звони Черкесу в подвал! — крикнул сыщик непутевому хозяину «Эльдорадо». — Он же тебя крышует!

* * *

Часом раньше к служебному входу в казино «Эльдорадо» подкатила фура с ярким оранжевым тентом. Из кабины вылез сопровождающий и забарабанил кулаком по будке задремавшего было охранника.

— Эй, подымай шлагбаум! Разгружаться будем.

— Что привезли? — недовольно спросил тот.

— А это, братишка, не твоего ума дело, — недружелюбно ответил сопровождающие. Но тут же поправился. — Ладно, по дружбе скажу. Десяток игровых

автоматов подогнали.

Вместе с фурой прибыли и грузчики в синих комбинезонах и оранжевых бейсболках. Было их восемь человек. Охранники казино тщательно обыскали их всех и ушли. Остался один, который и должен был следить за разгрузкой.

Пока трейлер выделял фигуры высшего пилотажа, чтобы пристроиться к крохотному погрузочному дебаркадеру, грузчики и охранник отошли покурить. Присмотревшись, охранник вдруг хлопнул по плечу одного из парней в синей спецовке, который старательно, но безуспешно прятал от него свое лицо.

— Ха, Сидор, здорово! — воскликнул охранник. — Не узнал, что ли? А я слышал, что ты к Дьякону подался.

Кутившие рядом грузчики в бейсболках тут же плотно обступили его, а Сидор изобразил что-то вроде объятия. Охранник вдруг странно задержался и стал опускаться на землю. Из спины его, прямо под лопаткой, торчала рукоятка заточки...

В это же самое время из гостиницы в казино спустились Ерохин и Скулов. Одеты оба были в темные костюмы, снятые с убитых курьеров. В руках они несли большие спортивные сумки с деньгами.

Когда они проходили через полупустой зал казино, грузчики в синих спецовках и оранжевых бейсболках как раз закатывали туда тележки, на которых были установлены большие, размером с холодильник, коробки с игровыми автоматами.

Скулов еле заметно перемигнулся с Сидором, который руководил разгрузкой и установкой автоматов. Курьеры проследовали через дверь с надписью «Только для персонала» в короткий коридор, который вел к кассовому помещению.

Кассовый зал уступал банку разве что размерами. Вдоль стен стояли машинки для счета денег. На длинных широких столах высились стопки денежных пачек. Курьеры обменялись взглядами. Распахнутая в сейфовый зал дверь говорила о том, что они пришли вовремя.

Вообще-то в сейфовом зале не было сейфов. Он сам представлял собой один большой сейф с железобетонными стенами. Арматурная решетка из твердой стали не позволила бы взломать такую стену даже с помощью отбойных молотков.

Через прикрытое пуленепробиваемым стеклом окно кассы было видно, как рабочие привезли последний из игровых автоматов и принялись их распаковывать. Скулов и Ерохин поставили сумки на отведенный им стол. К ним подошла кассирша, чтобы пересчитать принесенные деньги.

Внезапно оглушительный взрыв потряс все помещение. Пол дрогнул, пачки денег посыпались со столов. Охранник, дежуривший в кассовом зале, схватил помповое ружье и бросился к выходу. Он не заметил выставленной Ерохиным в проход ноги, споткнулся об нее и упал. Ружье покатило по полу, и Ерохин тут же подобрал его.

— Спокойно, это ограбление!

Скулов выхватил из-под денег, принесенных в сумке, керамико-пластиковый пистолет «глок», который не смогли засечь металлодетекторы на входе. Правда, патроны таким образом он пронести не смог и пистолет сейчас был не заряжен. Но этого никто не знал. Сотрудники, а точнее, сотрудницы «счет-

ной палаты», с криками попадали на пол, закрывая головы руками и отчетными документами.

В большом зале казино тем временем началось настоящее светопреставление. В доставленных ярких контейнерах вместо игровых автоматов оказались вооруженные люди в камуфляжной форме. Каждый из них имел по два автомата — один для себя, другой для сообщника в синей спецовке. Нашлось там и взрывное устройство, с помощью которого налетчики вскрыли ведущую в коридор кассового зала железную дверь. Оставалась еще одна — внутренняя.

Открой дверь, — приказал Скулов одной из лежащих на полу работниц кассы, угрожая пистолетом.

Та испуганно повиновалась. В кассовый зал тут же ворвались налетчики в спецовках и принялись с необычайной сноровкой сгребать со столов всю наличность в большие сумки.

Тем временем их товарищи в камуфляже рассредоточились по большому залу казино и заняли выгодные позиции. Поднятые по тревоге охранники, вооруженные помповыми ружьями, атаковали их неорганизованно и тут же попадали под перекрестный автоматный огонь. На сверкающем полу казино уже застыло несколько неподвижных тел в черной униформе. Банальный налет приобретал масштабы небольшого сражения.

* * *

По причине утреннего времени посетителей в залах клуба было немного, но персонала оказалось предостаточно. На мониторах то появлялись и исчезали из поля зрения какие-то люди, в том числе и вооруженные помповыми ружьями.

— Это наши? — поинтересовался Крюков у предпринимателя, с трагичным видом уставившегося в экран монитора.

— Конечно, а кто же еще?

— По-моему в этих стенах у тебя больше врагов, чем друзей, — констатировал печальную правду Крюков. — Я бы на твоём месте никому не доверял. А ведь наивным тебя не назовешь. Знаешь, чаще всего в дураках оказываются те, кто сам хочет обдурить ближнего. Но по незнанию нападает на более изворотливого противника. Это и есть твоя главная проблема. Думаю, нам с барышней пора отсюда сваливать.

— А сейф? — некстати влезла Эльвина.

— Какой сейф? — сразу же насторожился Карабинович.

— Тебе это лучше не знать, — покачал головой сыщик.

— Сейф, который находится здесь за картиной... В нём остался мой заграничный паспорт, — соврала Эльвина.

С паспортом получилось неубедительно, Крюков бы ей не поверил. Карабинович, кажется, тоже.

Но в этот момент стальные двери лифта бесшумно раскрылись, из него высыпала большая группа людей. Их правильнее было бы назвать отрядом.

Двое из них были одеты в довольно приличные костюмы, Крюкову оба были хорошо знакомы — Скулов и Ерохин. За ними шли рабочие в спецовках и оранжевых бейсболках. В руках у них были автоматы, а за плечами висели большие сумки. Не иначе — с деньгами.

Колонну замыкали десять человек, одетых в армейский камуфляж, выглядевший крайне нелепо в этом футуристическом интерьере. Как жирафы в

планетарии. Оружие они держали наизготовку и, судя по решительному виду, им не терпелось его применить на деле. Крюков, Карабинович и Эльвира успели укрыться за барной стойкой.

— На сколько игровых автоматов ты подписался? — шепотом спросил Крюков у Карабиновича.

— Ка-кажется на десять, — отозвался тот, украдкой выглядывая из своего укрытия.

— Вот они, познакомься, — Крюков указал ему на десятерых камуфляжников. — Твои болваны их, поди, сами в зал и доставили. В яркой и красивой упаковке. Теперь можешь с ними поиграть, если найдешь партнера с нестандартной ориентацией.

— Сексуальный шовинист! — обозвал его предприниматель.

— Молчите, дон Педро, — отплатил той же монетой опер...

В этот момент незваные гости, рассредоточившись по залу, обнаружили их и пол дулами автоматов заставили выйти из укрытия... Скулов и Ерохин просто светились от счастья: наконец-то их обидчик попал к ним в руки...

Несколько минут назад у налетчиков возникла серьезная проблема. Из поезда комплекса подоспела криминальная гвардия, охранявшая самого Черкеса. Это были опытные, обстрелянные бойцы с богатым военным и бандитским прошлым. И если грабителям относительно легко удалось справиться с плохо подготовленной и захваченной врасплох охраной казино, то теперь им предстояло самим отбивать атаку серьезного противника. Они были вытеснены с первого этажа, путь к отступлению был отрезан. Поэтому нападающие воспользовались лифтом и попали в «пентхауз» Карабиновича...

Двери лифта снова распахнулись, и из него ударили автоматные очереди: это люди Черкеса вышли на похитителей. Возглавлявшие отряд экспроприаторов Скулов и Ерохин вовремя заметили опасность, рванули в стороны, но трое парней в спецовках замешкались и рухнули, сраженные пулями. Остальные инстинктивно рванули к кубу и заняли оборону, используя стойку бара в качестве прикрытия. Крюков успел повалить Эльвину на пол и заставил отползти туда же. Карабинович к ним присоединился.

Выстрелы замолкли — обе стороны взяли таймаут для оценки создавшегося положения.

— Что делать? Прорываться будем? — крикнул Ерохин.

— Берем заложников! — предложил Скулов. — Эй, братва, не стреляйте, у нас Карабинович и мент с бабой!

Ответом были пули. По приказу Скулова трое камуфляжников выдвинулись вперед и открыли огонь по атакующим браткам, используя вместо щитов титановую мебель. Остальные из-за барной стойки огнем прижали нападающих к полу. Те вынуждены были искать укрытия за креслами и диванами. Очереди, которыми непрерывно обменивались обе стороны конфликта, высекали из титановой мебели длинные снопы желтых искр. Но прозрачные стены и потолок были сделаны из непробиваемого пластика, поэтому пули рикошетили, изменяя траекторию полета самым непредсказуемым образом...

Через несколько минут хаотической стрельбы большая часть грабителей была ранена или убита. По команде Скулова накачаный стероидами крепыш

вытащил за ногу из-под стойки верещавшего Карабиновича. Двое других камуфляжников прижали к полу Эльвину и Крюкова. Он даже не сопротивлялся: в этой ситуации излишняя активность могла стоить жизни.

— Где тут запасной выход? — проорал в лицо трясущемуся Карабиновичу Скулов.

— Я покажу, не надо насилия... — заблеял бизнесмен.

Он на четвереньках подобрался к стене куба, встал на колени и нажал невидимую кнопку. Степки куба расступились, открывая вход в довольно объемистый лифт. Первыми в него вошли «грузчики» с сумками денег и раненые камуфляжники с Ерохиным, затем Скулов грубо запихнул туда Карабиновича с Эльвиной.

С Крюковым, однако, этот номер не прошел. Неожиданным ударом в челюсть он помог Скулову войти в лифт, а сам с ловкостью Тарзана вскарабкался на куб, используя в качестве опоры многочисленные отверстия и выступы на его поверхности.

Выйти наружу никто из грабителей не решился. Двери закрылись, и лифт поехал вниз...

В тот же момент покровская братва, воодушевленная матерной бранью Черкеса, решительно пошла на приступ. Но на их выстрелы никто не отвечал. Окружив куб со всех сторон, братки остановились, в недоумении переглядываясь и почесывая затылки. Вид у них был довольно глупый.

Неожиданно сверху раздался голос Крюкова:

— Эй, братва, не стреляй, это я! Они ушли...

* * *

Крюков и Черкес сидели на покрытой вмятинами от пуль стойке посреди разгромленного «пентхауза». В руке каждый держал по бутылке текилы, и время от времени они, морщась, прикладывались к горлышку. Снимали стресс.

— Гад буду, они мне за такой беспредел ответят! — ревел белугой криминальный авторитет покровской братвы. — Кровью умоются! Говном блевать будут!

— Ты врубился, кто это был? — спросил сыщик.

— А хрен ли тут врубаться? Наши это, покровские. Тс, кто от братвы откололись, за Дьяконом пошли и под ментов легли. Мои ребята их бригадира, Сидора, заметили.

— Про каких ментов речь? — не понял Крюков.

— А тех, которые Чистильщика науськали. Они Ложкина замочили, а теперь у Карабина хотят «Эльдорадо» выкрутить. Видно, припекло их, вот и решили одним махом бабки срубить. Так что казино сегодня чистила сводная бригада. Половина бойцов — дьяконовы, половина — от ментов. Такая вот дедукция.

Крюков с уважением посмотрел на авторитета. Он никак не ждал от него такого глубокого анализа.

— Они Карабиновича увели. И Эльвину, — сказал сыщик.

— Тут все до кучи, — махнул рукой авторитет. — Будем стрелу забивать. Это уже не рамсы, а чистый косяк. Пора Дьякону предьяву делать.

* * *

Когда-то Дьякон служил в армии. И первый срок получил, как говорится, без отрыва от службы, на пару с приятелем. Были они молодыми солдатами. Салабонами. И попало их, салабонов, всего двое на взвод. И не то, чтобы взводные «деды» и «черпаки» специально над ними издевались, просто вся грязная работа доставалась им. Как полы мыть или «дедушкам» обмундирование стирать — Вавилин и Дьяконов: «Шагом-арш!». И делать все это приходилось, в основном, ночами. Ну, а если что не так — сразу в морду.

Обалдев от хронического недосыпа, побоев и понуканий, оба, в конце концов, взбунтовались. Вавилин, находясь в карауле, застрелил лейтенанта и двоих дембелей. За что и получил исключительную меру через расстрел, которую президент по доброте своей заменил на пожизненное.

Дьякон сделал прощ. Однажды в столовой он вдребезги разбил литым металлическим половником голову своему главному гонителю, ефрейтору Кишикову.

И все бы обошлось, ну, от силы, годиком дисбата, поскольку с дедовщиной в армии боролись не на шутку. В подобных конфликтах «молодой» автоматически признавался правым, а старослужащий виноватым. Но Кишиков был отличником боевой и политической подготовки, ездил в Москву на слет воинов-передовиков и был отмечен в «Книге лучших людей воинской части № 3000/00- бис». Прокурор обвинил Дьякона в терроризме. Судьи посмеялись, но впяяли Дьякону пять лет зоны усиленного режима.

На зоне Дьякон «раскрутился» на новый срок — убил «чушку» — повара, который крысил у зеков пайку. Лагерный «кум» капитан Щеглов обратил внимание на дерзкого заключенного. После грамотной обработки — сначала штрафной изолятор и пресс, потом усиленный «грев» и «кайф» — ему удалось сделать из Дьякона стукача. Все сильно удивились, когда не вылезавший из ШИЗО «отрицала» Дьякон неожиданно оказался за воротами лагеря по «условно-досрочному освобождению».

На свободе их отношения не прервались. Щеглов вскоре перевелся в Москву и напомнил «крестнику» о своем существовании. Большая и искренняя дружба приносила обоим взаимную пользу.

Дьякону сходили с рук самые дерзкие налеты и убийства, тогда как его возможные конкуренты сыпались на пустяках. Об этом заботился Щеглов. В свою очередь, как только в поле зрения Щеглова оказывалась перспективная должность, он при помощи Дьякона тут же раскрывал какое-нибудь громкое дельце, о чем становилось известно высокому руководству. Так Щеглов очень быстро дорос до начальника отдела, а Дьякон стал правой рукой одного из авторитетов Покровской криминальной группировки Бубона.

Сдав Щеглову на заклатие Бубона, Федю и Купера, Дьякон рассчитывал подняться в самые верхи уголовной иерархии. Но все испортил Черкес, который с самого начала не доверял Дьякону и капал на него Бубону. Бубон тоже не был ни слепым, ни дураком, и начинал подозревать своего ближайшего помощника в «паклях с мусорами». И если бы Чистильщик не убрал авторитета, неизвестно, чем бы вообще все это для Дьякона кончилось.

И все-таки Дьякону удалось внести раскол в сплоченную группировку и возглавить отколовшихся от Черкеса. Дьякон был сильным и дерзким до наглости, но ему не доставало ума и воли, необходимых настоящему вожаку...

Черкес связался с Дьяконом по мобильнику в присутствии Крюкова.

— Але, Дьякон? Тут к тебе тема имеется, перетереть надо. Да, по поводу налета на «Эльдорадо». Ты сам разберешься? С кем? А какие у тебя с ними дела? Кто ты вообще такой? Ты перед братвой еще не ответил. Вот и спрошу. Коротче, сегодня вечером, ровно в семь, в промзоне за Покровским ЖБК. Впереди сам поедешь? Хоп!

Закончив разговор. Черкес обратился к сыщику.

— Слышал? Говорит, что он не при делах, но знает, кто наехал на казино и сам с них спросит. Предлагает встретиться. Трет, что доставит барыгу, девку и бабло в целкости и сохранности. Чтобы не было подозрений, он лично встретит нас на своем «мерине» и будет вести до места стрелки.

— И ты ему веришь? — усомнился сыщик.

— Ясный пень, пургу гонит, — усмехнулся Черкес. — Но встретиться с ним, один хрен, придется. Все одно — надо Дьякона валить. Потом поздно будет.

— А сейчас, думаешь еще не поздно?

— Если доживем, увидим, — без оптимизма ответил Черкес.

* * *

Колонну машин возглавлял «гелендваген» Черкеса. За ним двигалась длинная вереница более или менее накрученных иномарок, все как одна черного цвета. Исключение составляла шедшая в хвосте светло-салатная «Волга» ГАЗ♦24, принадлежавшая оперу Крюкову. Уже стемнело, и все машины шли с включенными фарами.

Они ехали по трассе в сторону покровской промзоны. Уже показались вдали корпуса железобетонного комбината. Колонна свернула с шоссе на асфальтированную дорогу. Здесь ее встретил шестисотый серебристый «мерседес» — любимая игрушка Дьякона, и повел за собой. Перед въездом на бескрайний пустырь, отделявший комбинат от Москвы-реки, колонна оказалась в рукотворном ущелье, образованном гигантскими кучами щебня, насыпанного по обеим сторонам дороги.

«Мерседес» проскочил узкое место и вышел на оперативный простор, а на машины Черкесовой братвы справа и слева обрушился ливень свинца. Крюкову повезло, он двигался замыкающим. Тем не менее, несколько пуль ударили и по его «рябухе». Впрочем, без особого вреда. Бронированный корпус и пуленепробиваемые стекла машины оказались на высоте. Сыщик ударил по тормозам, потом врубил заднюю передачу. Мотор не заглох, и «рябуха», взвизгнув шинами, унесла опера из очага поражения.

Отъехав на относительно безопасное расстояние, сыщик смог оглядеться. Картина ему представилась жуткая. Колонна черных машин медленно продвигалась вперед под огнем противника, но из каждой машины отвечали бешеным огнем. Продырявленный в решето джип самого Черкеса с креном на левый борт, как подбитый дредноут, описывал окружности по пустырю, паля по врагу с обоих бортов.

Люди Дьякона уже не укрывались за щебеночными терриконами, а вели огонь в полный рост. Стреляли они, как в кино, очень картинно, от бедра. Казалось, раздай им винтовки, и они пойдут в штыковую атаку.

Тем временем «мерседес» — провокатор, заманивший колонну братвы в засаду, сделал по пустырю большой круг, объехал кучу щебня и по бездорожью

выкатился на трассу позади театра военных действий. Крюков развернулся и бросился его преследовать. Он рванул прямо по целине, напрямик, при этом ненароком снес неизвестно откуда появившегося перед его капотом ошалевшего от грохота и собственной крутости вражеского пулеметчика.

«Мерседес» уходил ровно, на большой, но не предельной скорости. Его водитель слезки за собой, определенно, не чувствовал. Дьякон, видимо, просто не мог себе представить, что из такой бойни кто-то может вырваться живым, да еще на колесах. Поэтому он не проверялся. Но на всякий случай Крюков вырубил фары и габариты, рискуя влететь в дорожную яму. Он старался держаться строго в кильватере «мерседеса» Дьякона, справедливо полагая, что где один прошел, там и другой проскочит.

Ехать пришлось довольно долго. Учитывая высокую скорость и повышенный расход «рябухой» топлива, сыщик начал уже беспокоиться, хватит ли ему бензина.

Но, как и все на этом свете, гонка с преследованием, наконец, закончилась. «Мерседес» миновал небольшой поселок и подъехал к стоявшему на юру строению. Там и остановился.

Крюков свернул на небольшую улочку, на безопасном расстоянии, метрах в двухстах от преследуемого. Заглушил двигатель и вылез из машины. Держась тени, он направился к одинокому дому.

Неожиданно позади вспыхнул яркий свет фар. К счастью, сыщик успел скрыться в проходе между заборами. Проехав мимо него в нескольких шагах, к одинокому дому подкатил старый светлосерый «Москвич». Фары его погасли, хлопнула дверь. Приехавший вылез из машины. Крюков смог разглядеть только его силуэт. Судя по нему, вновь прибывший был облачен в просторный темный плащ. Под таким плащом удобно носить даже ручной пулемет.

Крюков на всякий случай приготовил к бою свой старый добрый обрез, сделанный из охотничьей двустволки Джеймса Пердея. Сыщик любовно называл свое оружие «перделкой». В ближнем бою «перделка» не знала себе равных по сокрушительной мощи. Выпущенные из ее стволов жаканы могли остановить на полном ходу небольшой грузовичок или мамонта.

Человек в плаще направился к стоявшему возле дома «мерседесу». При этом он еле слышно пел себе под нос, видимо, по привычке, чтобы успокоить нервы: «Ко мне друзья, чистильщик я...».

Крюков вспомнил, что уже слышал эту песню при не самых приятных обстоятельствах.

Дверь «мерседеса» открылась, выпустив водителя. Крюков узнал в нем Дьякона. Хорошо, значит интуиция сыщика его не обманула. Пока быки валят друг дружку, главарь спокойно сваливает с награбленными бабками. Вот только далеко ли уйдет?

Дьякон и человек в плаще встретились и обнялись.

— Барыга и баба здесь, в подвале, — доложил Дьякон.

Судя по тону, главным здесь был не он.

— На хрена они мне? — тихо проворчал его собеседник. — Ты бабки привез?

— Какой базар?! В натуре! Здесь они, в тачке. Делить прямо сейчас будем?

Тон человека в плаще стал еще более недовольным.

— Покажи сперва, что делить.

Они подошли к «мерседесу». Дьякон открыл багажник и без лишних слов стал доставать из него большие спортивные сумки одну за другой. Потом также молча сложил все обратно.

— Ну как, есть что делить? — спросил он с вызовом.

Человек в плаще захлопнул багажник.

О'кей. Делить будем прямо сейчас. Это все мне, — сказал он и положил руку на крышку багажника.

Шутишь? — осклабился Дьякон. — А мне?

— Какие шутки? — человек в плаще поднял руку с пистолетом и три раза выстрелил в удивленного авторитета. — А вот это тебе. Ну, как, в расчете?

Он обошел машину, еле слышно напевая: «И молодым, и старым нужен мой веселый труд!»

В этот момент Крюков, пытаясь изменить положение, чтобы не быть замеченным, задел нотой пустое ведро, и оно глухо звякнуло. Человек в плаще, не целясь, дал на звук короткую очередь. Пули на удивление кучно прошли возле уха сыщика. Он в броске вправо ответил двумя выстрелами.

Киллер выругался и упал, но тут же вскочил, прыгнул на водительское сиденье «мерседеса», врубил полный газ. Крюков услышал, как взревел мотор, машина рванула с места и исчезла в темени, унося и деньги и убийцу. Голос киллера, хоть и приглушенный, показался сыщику знакомым.

Он бегом вернулся к «рябухе». Преследовать было некого. Крюков достал мощный переносной фонарь и тщательно исследовал место рядом с распростертым телом Дьякона. Крови нигде не было. Значит, убийца не был ранен, а возможно споткнулся и упал от неожиданности. Зато здесь сыщика ждал приятный сюрприз. На куче песка поблескивал серебром и золотыми детальками автоматический пистолет «пернач», подаренный недавно полковнику Щеглову по случаю его нового назначения.

Сыщик сунул пистолет за пояс, перезарядил обрез и направился к дому. Он был давно заброшен. Внутри царила могильная тишина. Впрочем, нет, опер услышал доносившиеся словно из-под земли звуки. Что-то вроде мычания... И тут же все смолкло...

Он открыл люк в полу и увидел ведущую вниз металлическую лестницу. Спустившись в подвал, Крюков почувствовал присутствие людей. Он пошарил рукой по стене, нашел выключатель, зажег свет. Перед ним были до смерти перепуганные Карабинович и Эльвина. Они закрывали лицо от света, один — правой, другая — левой рукой, поскольку оба были прикованы к лестнице одними наручниками. Рты у них были заклеены широким скотчем.

— Послушайте, ребята, нельзя же уединяться так надолго, — с упреком сказал Крюков. — Я начинаю ревновать...

* * *

Крюков высадил Карабиновича возле его особняка и повез Эльвину прямо к Альбертычу. Вся дорогу они обсуждали подробности похищения. Зачем налетчики взяли пленных, они и сами не знали. Так получилось. Что с ними делать дальше, тоже плохо представляли. Предложения были разные: потребовать выкуп, Карабиновича убить, а Эльвину трахнуть, или даже наоборот. Последнее, вероятнее всего, было шуткой. Должны же среди братков быть люди с чувством юмора? Хотя, кто их знает, этих бандитов?

«Рябуху» Крюков оставил в проходном дворе между двумя гаражами, неда-

леко от резиденции Альбертыча. Вряд ли здесь ее кто-нибудь найдет...

Квартира Альбертыча встретила их холодной пустотой. Так же пуст и холоден оказался его холодильник. Видимо, это было обычное его состояние: холостякующий хозяин не обременял себя запасами продовольствия. Учитывая несостоявшийся завтрак, процесс воздержания в целом принимал вид лечебного голодания...

Альбертыч позвонил капитану на мобильник уже ночью. Сказал, что по заданию начальства сидит в засаде на Крюкова в его же собственной квартире. Уже как полчаса. И вот решил на всякий случай поискать его в эфире.

— Щеглов тебя ищет, — сообщил он. — Час назад откуда-то примчался, будто крыша съехала. Орет на всех не хуже Альпенгольда. Все управление на уши поставил. Чем это ты его так достал?

— Сказал ему все, что о нем думаю, — объяснил опер, не вдаваясь в подробности. — Ладно, ждем тебя, приходи, как сменишься... — И отключил мобильник, чтобы никто не беспокоил. Или, не дай бог, выследил их по основному коду, вшитому в чип телефона.

Крюков почувствовал необходимость хоть ненадолго расслабиться. Оказалось, что Эльвина ощущала эту необходимость в еще большей степени.

Расслабиться в тесной квартирке можно было разве что единственным, старинным прадедовским способом. В смысле — путем плотского совокупления...

Трудно было сказать, кто из них был инициатором, он или она. Кажется, началось все в душе, куда они направились почему-то вдвоем... Правда, еще до этого Крюков начал срывать с Эльвины лишнюю одежду. А она с него...

Затем процесс омовения из чисто гигиенического превратился в примитивный разврат. Разумеется, не обошлось и без оргазма, и без эякуляции...

Потом сексуальное действие переместилось на диван, который показался им слишком узким. Поэтому Крюков сбросил диванные подушки и матрас на пол и рухнул на них сверху. Эльвина улеглась рядом. Удовлетворив зов плоти и, что уж греха таить, качественно расслабившись, они вытянулись, насколько это позволяли размеры каморки.

— Расскажи, как ты оказалась в этом дерьме, — попросил сыщик.

Эльвина встала, нашла в сумочке сигареты и закурила. Крюков с удовольствием следил взглядом за каждым движением обнаженной подруги. Она вела себя так естественно, будто была в вечернем платье на светском приеме. «До чего же красивый зверь человек! — подумал Крюков. — Особенно женского пола!»

Вернувшись, Эльвина села на матрас рядом с опером, совершенно не стесняясь своей наготы.

— С чего начать? — сказала она, затагнулась и выпустила из рта узкую струйку дыма. — Родилась, выросла. Выучилась. Институт культуры закончила. И куда? Режиссером самодеятельности? Балалайковедом? А тут Ложкина встретила. На вид-то он так себе, Денни де Вито напоминает. Но мужиком оказался нормальным. Не жмот, не дешевка. Я его не любила, конечно, но уважала. Знаешь, мне его очень жалко. Поэтому лучшим ответом его убийцам будет то, что деньги Ложкина достанутся не им, а нам.

Крюков аж подскочил.

— Блин! А про сейф-то с записной книжкой забыли! Срочно в «Эльдорадо»... Но выехать им удалось только через час. Потому что в душ они опять отравились вдвоем...

Казино сверкало тысячью огней, словно утром здесь не было никакого налета. Правда, кое-где виднелась драпировка на месте разрушений, которые еще не успели восстановить или заделать.

— Где Карабинович? — спросил Крюков у охранника на входе.

Тот узнал сыщика. В последнее время опер практически не вылезал из «Эльдорадо», полной мерой участвуя в жизни трудового коллектива ночного заведения.

— Недавно приехал. Со своим амиго Эросом в «пентхаузе» закрылся. Он лифт наверху заблокировал. Велел ни в каком случае не беспокоить.

— Да? — Крюков не смог скрыть огорчения. — А ведь придется.

Прикинув, где может находиться выход из личного лифта Карабиновича, сыщик предложил Эльвине следовать за собой. Они спустились в подвальный этаж здания. Около получаса они искали зашифрованную дверь, пока не сообразили заглянуть в комнату мусоропровода. В ней у стены, в полном противоречии с функциональным назначением помещения, стоял широкий металлический шкаф. Это и был вход в лифт. Но воспользоваться им не удалось: кабина находилась наверху и так же не подчинялась командам кнопки...

Пришлось возвращаться на вахту и вызывать лифтеров и специалистов-компьютерщиков. Те недолго колдовали над хитрой программой управления. Лифт запустили, Крюков и Эльвина поднялись в «пентхауз». Он вышел первым и сразу понял, что здесь нужен не столько мент, сколько могильщик. Эльвина изо всех сил вцепилась в локоть капитана острыми, как кончики ножей, ноготками.

Карабинович лежал на спине в правой половине огромного зала в луже собственной крови. Штаны у него были расстегнуты и приспущены. Его мертвый взгляд был прикован к звездам над прозрачной крышей пирамиды... И у него не было, учитывая обстоятельства его смерти, ни единого шанса попасть в Царствие небесное...

К стойке бара кто-то прислонил снятое со стены абстрактное полотно Кандинского. На том месте, где оно висело, Крюков увидел открытый сейф. Он был пуст, как холодильник Альбертыча. Нового помощника бизнесмена, знойного красавца Эроса, в кабинете не оказалось.

Глава шестая В поисках киллера

В своем угловом кабинете министерства внутренних дел, где из одного окна можно было видеть памятник Ленину, а из другого храм Христа Спасителя, тучный генерал Амфибьев отирал пот платком. Сегодня разнос получал он. И от кого? От сопляка, неудачника и бездаря...

Когда-то Саша Мокин учился в университете. Учился плохо, но его не выгоняли, потому что он играл в баскетбол и даже какое-то время входил в сборную. Впрочем, играл он тоже неважно и, в основном, сидел на скамейке запасных. Но и в сборной его держали, потому что Саша был комсомольским секретарем. О том, что Саша при этом был стукачом КГБ, не знали, но догадывались.

После окончания «универа» Саша спорт бросил. Кураторы устроили его в МИД, а когда в стране начался бардак, доверили спрятать за бугром и покрутить немного партийных денег. Саша показал себя человеком исполнительным, но туповатым. Деньги он довез, но вложил крайне неудачно. Созданная им фирма быстро прогорела. Ее возглавили другие люди, а самого Сашу в лучших советских традициях перебросили на международную политику.

Но там его быстро раскусили. На очередном совете европейских держав он выкинул очередное коленце в духе Хрущева. В результате этого российская делегация оказалась в дурацком положении. Сашу быстро заменили и стали подыскивать ему новую должность. Сам-то он мечтал о карьере нефтяного магната, но его кураторы не были дураками. Они понимали, что этот болтун и демагог завалит любое дело, а нефть — дело нешуточное.

И Саше нашли работу. В преддверии выборов ему поручили возглавить выросшую, как гриб после дождя, на пустом месте партию. Перед ним даже не ставили задачи пройти пятипроцентный барьер. Понимали, что с этим он не справится. Требования были минимальны — оттянуть хоть немного голосов у коммунистов. Поэтому лозунг, не долго думая, взяли убойный, шариковский — «Взять все и переделить! Ура!»

Но вот с деньгами вышло хуже. Денег Саше не дали, потому что понимали — это все равно, что выбросить их на ветер. Велели искать самому. Поскольку в помощники Мокину направили таких же бестолковых, но невероятно спесивых дармоедов с большими звездами на погонах, он решил использовать их по прямому назначению. То есть, для добывания денег. На случай неудачи Мокина предупредили, что следующим этапом его карьеры будет консульский отдел на приграничной станции Сухэ-Батор.

За годы нелегких трудов к баскетбольному росту Мокин прибавил солидный объем, особенно в области живота. Сейчас он, облаченный в дорогой костюм, который иронично называл «чехлом для танка», едва помешался во вместительном генеральском кресле. Хозяин кабинета стоял перед ним навтыжку...

— Где деньги? — вопрошал Мокин тоном жены алкоголика в день получки. Генерал молчал. Что бы он ни ответил, это могло бы вызвать лишь еще

большой гнев партийного бонзы.

Мокин поднялся из кресла и выпрямился во весь свой немалый рост.

— Имей в виду. Если я не получу деньги в необходимом количестве на свою предвыборную кампанию, всех вас, козлов, сдам.

Генерал обиженно поджал губы.

— Вы забываетесь, с кем говорите!

Мокин посмотрел на него с нескрываемым презрением.

— А ты что, сам не понимаешь, кто ты есть? Ты и твои соратнички, пердуны в лампасах, паркетные генералы. Всех, кого мне дали в помощники. Вы же все — отстой, политические и производственные трупы. Вас мне свалили на вес, как тряпье в «секонд хэнде». Вас давно списали, на ваши места стоит очередь из молодых и толковых. Так что, пенек, советую наконец почесаться. Хватит захребетничать и дармоедствовать. К вечеру доложишь о принятых мерах. Не будет бабок — лучше застрелись.

И Мокин с видом благородного негодования покинул кабинет генерала.

* * *

Спустя час генерал все в том же кабинете на повышенных тонах выговаривал полковнику Щеглову.

— Глеб, мне срочно нужны все собранные средства. Ты отдаешь себе отчет, во что мы ввязались? Это не путанок крышевать, это большая политика. Если мы не откупимся, нас, как это теперь говорят, сольют. Причем не посадят, а просто уберут.

Щеглов задумчиво подергал бородку.

— Может завалить этого баскетболиста и дело с концом?

Генерал в негодовании затряс кулаками.

— Ты ничего не понял! Он — никто. Но за ним стоят реальные люди. Даже не люди, а круги и интересы! Его тут же заменят другим, а с нами никто даже разбираться не будет. Просто поставят галочку против фамилии, а потом доложат об исполнении. Что ты хочешь? Мафия, будь она проклята!

Щеглов и в самом деле был озадачен, правда, по другой причине. Речь генерала он воспринял как аварийный сигнал. Пора делать финишный рывок и сваливать. Ведь даже крысам, бегущим с тонущего корабля, не всегда везет. Вспомните «Титаник».

Он встал со стула и вытянулся.

— Ладно, товарищ генерал, я приму меры. Деньги будут сегодня, в крайнем случае, завтра.

Генерал посмотрел на него с надеждой. Щеглов даже испытал к нему некое подобие жалости. Впрочем, пополам с презрением. Мозги они там в своих высоких креслах, что ли, отсиживают? Ну, нельзя же, в самом деле, быть такими идиотами. Неужели этот напыщенный индюк и правда думает, что Щеглов будет спасать его задницу, когда на повестке дня стоит спасение собственной?

Впрочем, куда больше собственного начальства полковника беспокоил политик Мокин. В задуманной Щегловым игре именно он представлял серьезную опасность. Убивать его Щеглов, конечно, не собирался, но подстраховаться считал необходимым.

* * *

Вернувшись в управление, Щеглов срочно вызвал Ларису Чертовскую.

— Как у тебя дела? — спросил он.

— С Крюковым вышел облом, — доложила она. — По-моему его плотно окрутила эта блондинистая мочалка из «Эльдорадо». Он даже начал меня подзревать. Мне пришлось сказать ему, что я журналистка.

Щеглов удивленно усмехнулся.

— И он поверил?

Лариса села на край стола, кокетливо закинув ногу на ногу.

— Конечно. Он же романтик. Бедный капитан просто помешан на справедливости и благородстве. Идиот!

— Вот поэтому он все еще капитан, капитаном и помрет — заключил Щеглов. — Но сейчас разговор не о нем. Есть птица посерьезнее. Крупный политик и полное говно в одном флаконе. Господин Мокин. Его надо обработать по полной программе.

— С видеосъемкой? — уточнила Лариса.

— Именно. Но трудность заключается в том, что у меня не осталось времени, чтобы грамотно вывести тебя на него. Сумеешь сама с ним встретиться и захомутать? Учти, он мужик осторожный. Тухлятину за версту учует.

— Это мои проблемы, — отрезала Лариса. — Твоя забота — подготовить место и деньги.

* * *

В пивной «Клешня» царила расслабляющая атмосфера. Лариса заняла столик в углу. Перед ней на картонном кругляше стояла большая кружка пива. На тарелке лежала пара горячих раков. Лариса оторвала клешню у одного из них и разгрызла.

Из облака табачного дыма возник матерый журналюга Борис Ломакин с двумя кружками пива.

— Хелло, детка! Как успехи? — спросил он, усаживаясь напротив нее.

— Не мешай, дай поесть спокойно, — охладила она его пыл.

Борис пожал плечами.

— Как ты можешь есть эту дрянь? От них же тинной воняет! Взяла бы креветок. Королевских или, хотя бы, обычных.

— Ошибаешься, — возразила Лариса. — Здесь раков варят с огромным количеством сушеного укропа. Он совершенно отбивает запах тины. Ладно, давай к делу. Ты Мокина знаешь?

— Этого полуфашиста-полуреформатора? Что тебя конкретно интересует?

— Он сам. Мне нужно с ним встретиться. Ненавязчиво. Но так, чтобы он клюнул.

Борис одним глотком осушил полкружки.

— Нет проблем, хоть сегодня. Только предупреждаю, в постели он безобиднее воробья.

— Не волнуйся, оргазм я получаю в других местах. Мне понадобится набор аппаратуры для видеозаписи.

— Нет проблем. Если телега проскочит, это будет бомба! Эксклюзив, сенсация! Расследование века.

Побеседовав еще с полчаса, они расстались. Лариса вышла на улицу. Здесь она достала трубку мобильника и набрала номер.

— Это я, — сказала она. — Только что встретила с журналистом. Встреча прошла успешно. Он кое-что знает, но доказать пока ничего не может.

Лариса убрала трубку и пошла к оставленной в переулке машине.

Крюков и Эльвина сидели в салоне «рябухи». Деваться было некуда. Надежда найти записную книжку Ложкина с кодами и номерами счетов не оправдалась. Кроме того, их продолжали искать. Полчаса назад на мобильник Крюкова позвонил Альбертыч и предупредил.

— По-моему меня пасут. За квартирой тоже следят.

Моросил дождь. Крюков тряхнул головой.

— Забиться бы в какой-нибудь угол, передохнуть недельку, осмотреться. Но для этого нужно найти такое место, чтобы никто не смог проследить никакой связи. Чисто случайный вариант.

Эльвина взглянула на него, как Архимед на банщика.

— Эврика! — воскликнула она. — Кажется, я нашла такое место! Нам нужно найти Влада, компьютерщика.

— Твоего брата? — удивился Крюков. — Но его же убили.

Эльвина потупилась.

— Все не совсем так. Вернее, совсем не так. Влада убили, но он не был моим братом. Мы... когда-то любили друг друга, потом стали просто друзьями. Он работал у Ложкина программистом. С ним работал другой программист. У одного было имя Володя, Владимир, у другого Владислав, но и того, и другого звали Владом. Тот, другой Влад, уволился с фирмы и уехал куда-то в глушь. Я думаю, нам надо его найти.

Крюков почесал затылок.

— И где нам его искать? В адресном бюро?

— Нет, — торопливо сообщила Эльвина. — У Ложкина был партнер, они вместе начинали бизнес. Потом расстались, но отношения поддерживали. Фамилия его Баранов. Так вот, этот Баранов дружил с тем, другим Владом. Я ему сейчас позвоню и спрошу, где сейчас Влад. Ему ведь не нужно знать, зачем он нам понадобился.

И она принялась набирать номер бизнесмена. Крюков поначалу приуныл. Вариант показался ему слишком сложным и далеко не безупречным в смысле конспирации. Но, поразмыслив, он решил, что на первое время это лучше, чем ничего. А потом он что-нибудь придумает.

* * *

В кабинете Баранова было накурено, как в мюнхенской пивной накануне фашистского путча. Напротив него сидели его старые приятели, с которыми он когда-то начинал бизнес с ларьков и поездов в Эмираты за видами. Одним из них был Смотровук.

Баранов говорил ровно, но твердо.

— Нет. Никаких переговоров. Я сказал последнее слово. Платить ментам я не буду.

— А я заплатил, — сказал Смотровук. — Все равно заставят платить. Только здоровья лишишься.

— У меня первый разряд по боксу в тяжелом весе, — для наглядности Баранов сжал увесистый кулак.

Тут подал голос мрачный лысый тип, сидевший напротив.

— Я тоже не собирался. И Коля не собирался, — кивнул куда-то в сторону окна. А теперь он сидит. Меня, как ты знаешь, тоже обвинили в краже моих же акций, продержали в камере сутки и обработали бейсбольной битой. Наутро я подписал все, что от меня потребовали. И, скажу тебе откровенно, еще де-

шево отделался. А если вспомнить Ложкина и Карабиновича...

— А мне наплевать, — Баранов треснул кулаком по столу. — Пусть попробуют со мной справиться!

Его отвлек писк мобильного. Звонила Эльвина, Баранов хорошо ее помнил. Пустопорожний разговор с приятелями ему порядком надоел, и он воспользовался случаем, чтобы свернуть его.

— Мне срочно нужно отъехать, — проговорил он, убирая трубку в карман...

* * *

Баранов нашел Эльвину и сыщика в открытом кафе «У дяди Федора» на Байкальской. Они посидели за шашлыком и бутылкой вина. Вникнув в суть дела, Баранов тут же связался с Владом и получил согласие направить к нему гостей. Перед тем как уйти, он взял у Крюкова номер его мобильного, а ему оставил свой и Влада.

— На днях я и сам с вами свяжусь, — пообещал он, прощаясь...

Оказалось, что ехать надо довольно далеко. Крюков прикинул расстояние, расход бензина до поселка Микулина яма, где бросил якорь Влад, и с грустью вздохнул.

Дорога заняла чуть больше часа, если не считать езды по городу. Наконец они увидели вдали беленые стены и золотые купола монастыря, о котором говорил Влад, объясняя по телефону, как к нему проехать. В указанном месте сыщик съехал с десятиполосного шоссе. Отсюда до Микулиной ямы оставалось три километра езды по грунтовой дороге...

Увидев пылящую по проселку приметную «рябуху» Крюкова, Влад-второй вышел навстречу, помахал рукой. Сыщик затормозил и бывший программист уселся на заднее сиденье.

— Привет, сто лет тебя не видел, — поздоровался он с Эльвиной.

На Крюкова он посмотрел более внимательно.

— Ты случайно не из ментовки?

— А разве это что-то меняет? — отозвался сыщик.

— Смотря зачем ты приехал.

Крюков переглянулся с Эльвиной. Жизнь научила его, что темнить следует только в случае крайней необходимости.

— Мы в розыске, надо бы на недельку заныкаться. У тебя это можно сделать? То, что я мент, в данном случае, фактор действительно случайный.

Влад в нескольких словах, сопровождаемых жестами, объяснил Крюкову, куда ехать. Потом добавил:

— Если вам негде жить — милости просим. А ищут вас или нет, — это здесь никого не интересует. Но, извините, ребята, мне неудобно это говорить. У нас проблемы с деньгами...

— Деньги у нас есть, — вставила Эльвина. — Немного, но, думаю, хватит.

— Тогда тормози, мы приехали. — Влад выбрался из машины и помог выйти Эльвине.

Крюков тоже вышел и огляделся. Увиденное им явно обрадовало бы пессимиста, уверенного в том, что везде плохо, а там, где он находится, — особенно. Серая унылая местность, кучка таких же серых и унылых бараков — не то дома, не то сараи.

— Что тут у вас за богадельня? — спросил он.

— В точку попал. Это детский приют, — ответил Влад. — В левом крыле имбецилы, а там, дальше, слепоглухонемые.

Крюкова передернуло. Он вдруг вспомнил картинку из старой, апельсиново-оранжевой детской энциклопедии. Там ученый профессор общался со слепоглухонемой девушкой. Та, чистенькая и ухоженная, улыбалась счастливой улыбкой. Очередная картинка на тему «Счастья полные штаны». Мысль, что профессор смог бы приехать в эту дыру, чтобы сфотографироваться с одной из здешних пациенток, показалась оперу дикой и нелепой до крайности.

Вдали виднелась серая лента шоссе. По ней летели машины. Все они, отечественные и иностранные, казались пришельцами из другой жизни. Сверкая черным лаком, роскошный «мерседес», отсюда похожий на небольшого жука, свернул на дорогу, ведущую к золотым куполам белокаменного монастыря.

Влад невесело усмехнулся.

— Это из соседнего монастыря тачка. — Я там с год послушником прокантовался. Хотел жить не по лжи. Бога искал.

— Нашел?

Влад помолчал. Видимо, эта тема давалась ему с трудом.

Нет, не нашел, — сказал он наконец. — Но я только за себя говорю. Может, кому-то другому это и подходит, но не мне.

— Объясни популярнее, — попросила Эльвина.

— Ну, понимаешь. Богу молиться, наверно, дело нужное. Только они там, в монастыре, зациклились на литургии и обрядах. Бог — он же не глухой, и без нас все знает. И ждет от нас не гимнов-акафистов, а поступков. Я когда из монастыря ушел, здесь переночевать остановился. С тех пор так и живу.

Эльвина посмотрела на Влада удивленно. Этот поступок как-то не вязался с Владом, которого она знала.

— Ты что, занимаешься с детьми?

— Нет, для этого талант нужен. При детях тут особые люди. Они не молятся, они работают. И знают, что, кроме них кашу, носы и задницы детишкам вытирать некому. Никому они больше не нужны в этой долбанной стране. А я стараюсь денег раздобыть, чтобы было, что жрать, чем за свет и тепло платить. Я же все-таки хакер. Без меня у них тут совсем плохо было, полная нищета.

— Вот почему ты на милицию так реагируешь? — предположил Крюков.

Влад подтвердил его догадку.

— Я, конечно, работаю осторожно, стараюсь страховать. Но процентов сорок риска все равно остается. Так что хомут могут подвесить в любой момент. Тогда на Баранова вся надежда будет. Он тоже то бабки, то продукты подбрасывает.

Крюков посмотрел на парня с уважением.

— А зачем тебе это надо?

Тот пожал плечами.

— Как тебе сказать? Считаю, совесть проснулась. Был у меня в жизни один эпизод, за который мне век не отмогнуться. Ну и замучился я совсем. Только водкой и спасался. А потом и водка помогать перестала, хоть на иглу садись. А здесь, знаешь, спокойно стало.

Сыщик положил руку хакеру на плечо.

— Если меня не посадят, обращайся, отмажу. А сейчас вот, — он достал бу-

мажник и, отсчитав несколько стодолларовых купюр, протянул Владу. — Прими, что есть, на божье дело.

Влад отвел Эльвину и сыщика в барак, где были свободные помещения. Видимо, когда-то здесь был медицинский кабинет, поскольку в комнате имелся кран с раковиной. Вода, разумеется, была только холодная. Здесь же стояли две кровати с чистым постельным бельем. Крюков и Эльвина с трудом заставили себя умыться с дороги и наскоро перекусить. Потом буквально рухнули в койки и заснули без задних ног. На сей раз обошлось без секса...

На следующий день Крюков увидел детей. Они произвели на него жуткое впечатление, особенно новенькие из карантина. Завшивленные, тощие, как скелеты или узники Освенцима. Один из них считал себя кошкой. Другой вырос в собачьей конуре и вел себя как собака. Даже лаял на воспитателей и пытался кусаться, когда его потащили мыться.

Запомнились Крюкову и лица воспитателей. Скорбные, серые от хронической усталости и плохого питания, но не озлобленные. И в самом деле особые, одушевленные какие-то.

Сыщик и Эльвина ходили по приюту с пришибленным видом, переглядывались и качали головой.

Им почудилось, что они попали в какое-то чудовищное Зазеркалье или на другую планету, где царило мрачное средневековье. И собственные проблемы стали казаться им мелкими и незначительными...

* * *

Роскошная конспиративная кровать ходила ходуном. Лара имитировала бурный оргазм с недюжинным артистизмом. Ее стоны, казалось, были слышны в подъезде, на улице и прилегающему к ней микрорайону. Это не мешало ей внимательно наблюдать из-под прикрытых век за поведением Мокина.

Тому, вероятно, казалось, что он и в самом деле сексуальный гигант, вроде Геракла в момент совершения тринадцатого подвига. Даже сейчас он не мог скрыть самодовольства. Видел бы он сейчас самого себя! Клоун на качелях, к тому же голый. Атлетическую статью спортсмена он давно растерял. Убыль мышц в плечевом поясе восполнилась избытком жира в поясе основном. И то, что скрывал дорогой костюм, сейчас, неприкрытое, внушало лишь брезгливое презрение.

Ларе стоило больших трудов не дать своему партнеру заметить это. Путь она выбрала простой. Между вздохами и стонами выкрикивала всякую чушь.

— Ты супер! Я никогда не встречала таких крутых мужиков!

И тому подобную дребедень. Но Мокин воспринимал все на полном серьезе. Наверное, политиком может стать только человек с полным отсутствием чувства юмора и критического взгляда на самого себя. Он отвечал своей пылкой любовнице на свой лад.

— Ты не пожалейшь... Как только меня выберут в Думу, я добьюсь... своего... стану лидером фракции... А там и...

Он, наконец, кончил. Во всех смыслах. У Лары создалось впечатление, что он не в состоянии доставить удовольствие не только партнерше, но даже себе самому. Сексом он, скорее всего, занимался по необходимости. Имидж политика требовал. Этот идиот, к тому же, определенно путал койку то ли с партийной трибуной, то ли с думской курилкой.

Вероятно, полковник Щеглов был единственным из присутствующих, кто в этот момент испытал подлинное удовольствие, близкое к оргазму. Правда, он в это время находился в соседнем доме, в собственном служебном кабинете. Но все происходящее мог наблюдать на экране монитора своего компьютера. Изображение было весьма высокого качества, запись получилась — хоть куда!

В сущности, Лара тоже была довольна. Ее собственная видеозапись получилась ничуть не хуже. Радость читалась и на лице Мокина. Он еще не догадывался, в какой оборот попал.

В дверь кабинета Щеглова постучали. На пороге стоял и угодливо улыбался предприниматель Смотровчук.

— Вызывали?

Щеглов обрадовался. Появление этого мерзавца оказалось как никогда своевременным. Полковник повел себя необычайно благосклонно. Он предложил гостю кресло и накапал граммов тридцать коньяка.

— Баранова знаешь? — спросил он.

Смотровчук осторожно кивнул. Полковник продолжал.

— У тебя с ним дела были? Ну, бабки там друг другу в долг давали?

— Было дело, и не раз, — пожал плечами бизнесмен.

— Надо написать заявку на Баранова, — взял быка за рога Щеглов. — Укажи, что он взял у тебя... скажем, сотку тысяч баксов и не отдает.

Смотровчук побледнел.

— Но я...

— Половина из этих денег — твоя, — заметил как бы вскользь Щеглов.

Смотровчук поперхнулся и с натугой прокашлялся.

— Я только хотел спросить — сумму писать прописью или цифрами? — и он с деловитым видом достал из кармана ручку...

* * *

Получив от Смотровчука нужную бумагу, Щеглов выпроводил его и пригласил Тарасова.

— Бери людей и отправляйся за Барановым. В качестве живца посадите к нему Лару. Он подвезет ее в тихое место, а когда будет высаживать, возьмете его за хобот. Что-то неясно?

Тарасов был не в восторге от предложения начальника.

— Баранов боксер-тяжеловес. Не исключено, что в машине у него имеется оружие. Было бы неплохо выманить его из машины. Скажем, наша Лара может пригласить его к себе в гости.

Щеглов подергал бородку.

— Нет, он может не клюнуть, а переигрывать будет уже некогда. Надо подослать переодетого гаишника.

Тарасов махнул рукой.

— Брось, он мужик тертый. Его не разведешь.

Щеглов с торжеством посмотрел на подчиненного.

— Есть у нас такой человек, на которого и тертый клюнет. Зуб даю, что он у господина Баранова ни малейшего сомнения не вызовет. Допер? Это же наш Тэтэ! Его тупой роже поверит любой. И никаких подозрений. Глупее него выглядят только менты на плакатах.

Тарасов с сомнением покачал головой.

— А он согласится?

— Да он спит и видит — где бы подшестерить. Неужели сам не видишь? — сказал полковник с презрительной улыбкой. — Короче, бери его, Ларису и парней из «Щита». Машины три понадобятся, чтобы с прикрытием. Хорошо, что этот Баран такой крутой, без охраны ездит. Так что вперед!

* * *

Тарасов со своими помощниками Скулой и Ерохой пасли бизнесмена Баранова вот уже третий час. Он крутился на машине по городу, причем исключительно в людных местах, где взять его без шума не представлялось возможным. Тарасов уже дважды отзванивался начальнику и докладывал об отсутствии результатов. Тот отвечал с растущим раздражением.

Наконец «мерседес» Баранова вырулил на загородную трассу, но здесь он развил такую скорость, что команда Тарасова едва успевала держаться у него на хвосте. Только через полчаса стремительной погони Баранов свернул с трассы.

Ехавший в одной машине с Тарасовым Ерохин тут же предложил.

— Может, заждем его прямо там, на дороге?

Но Тарасов решительно возразил.

— Чем ты его зажимать будешь? Его «мерин» вдвое тяжелее наших телег. Вот если бы «КамАЗом»... А если он вырвется, пиши пропало. Осторожничать станет, охрану возьмет. Нет, бить надо наверняка. Я думаю, обратно он по этой же дороге поедет. Так что высаживаем Лару и действуем по плану. Ждать мы ее будем вот здесь, — Тарасов развернул атлас автомобильных дорог и ткнул ручкой в предполагаемое место встречи. — А «КамАЗ» нам все равно понадобится. — Он по рации дал команду машинам сопровождения свернуть на ближайшую стоянку.

Все три экипажа вышли и собрались у машины Тарасова, который принялся их инструктировать. В завершение он отозвал Скулова в сторону и сказал ему вполголоса, указав на Тэтэ.

— Вот что, Скула, возьми это чучело в форме, и стоняйте на разведку. Поглядите, куда наш клиент делся. Может, он уже другой дорогой выехал. А мы тут его ждать будем до второго пришествия. Только не светитесь там, туда и обратно.

Скулов и Тэтэ сели в одну из машин и укатили. Ерохин отправился добывать самосвал. Остальным оставалось только ждать. Тарасов со скуки попробовал подкатить к Ларе, но та посоветовала ему пойти для начала помыть ноги, а потом уже клеиться к белой женщине. Тарасов обиделся и дал себе слово при первой же возможности отомстить нахалке.

Минут через пятнадцать вернулись разведчики. Скулов сообщил, что «мерин» Баранова остановился неподалеку, возле каких-то полуразвалившихся бараков. Похоже, сам бизнесмен там надолго задерживаться не намерен. Другой дороги разведчики не заметили.

Тэтэ хотел что-то добавить от себя, но тут появился Ерохин с самосвалом. Водитель лежал рядом с ним на сиденье в полной отключке, сраженный наповал дозой клофелина.

Ларисе и Скула остались в одной из машин, серебристой «десятке», на стоянке. Остальные с Тарасовым во главе набились в оставшиеся тачки и отправились на место засады.

* * *

Крюков бродил по территории приюта и удивлялся. Неказистые снаружи, внутри бараки были сухими и теплыми. Всюду чувствовалась хозяйская рука. Только что поступившие в приют детишки, которых он еще вчера видел грязными и оборванными, сегодня выглядели вполне прилично и, вроде бы, немного поправились. Отметил он и здание небольшой котельной, и медицинский стационар на несколько коек.

Влад мотался по территории и успевал, казалось, всюду. Увидел Крюкова, махнул ему рукой.

— Пошли завтракать.

Завтрак оказался вполне приличным. Каша, кефир, фрукты.

— А где Эльвина? — поинтересовался Влад.

— Спит еще.

Крюков не удержался от похвалы организаторским способностям хакера.

Тот покачал головой.

— Это Баранову спасибо. Он то бабок подбросит, то техникой поможет. Скоро он сам здесь появится.

Когда приехал Баранов, они с Владом тут же погрузились в решение каких-то неотложных хозяйственных проблем. Крюков отошел, чтобы не мешать им. Ближе к обеду из отведенного им дома показалась Эльвина.

— Как спала?

— Ты знаешь, впервые за много дней — как убитая. Может, здесь воздух другой?

— Воздух — не воздух, а атмосфера точно другая, — подтвердил Крюков. — Я вот подумал, может тоже тут остаться?

Сыщик стоял на крыльце, откуда ему было хорошо видно дорогу. Неожиданно его внимание привлекла к себе невзрачная иномарка. Она остановилась на приличном расстоянии, из нее выбрался человек в милицейской форме и принялся изучать двор приюта через бинокль. Крюкова он видеть не мог, но вот Эльвину запросто мог заметить.

— Подойди-ка сюда, — попросил ее сыщик.

Эльвина не поняла, чего он хочет, но подошла. Он увлек ее в темный коридор сеней и указал на наблюдателя.

— По-моему, нас нашли. Вон тот тип, мой старый знакомый, пялится на тебя в бинокль.

Эльвина пригляделась.

— А мне кажется, он следит за Барановым, — возразила она. — Может, это снайпер? Ты его знаешь?

— Да. Знаю так хорошо, что не доверил бы ему искать пропавший носок.

Сыщик достал мобильный телефон и набрал номер Альбертыча.

— Ты мне срочно нужен, — признался Крюков. — Я должен попасть одного друга, а Эльвину оставить не на кого.

Альбертыч пообещал подъехать в ближайшие пару часов. Крюков объяснил ему, как найти приют. В заключение поинтересовался.

— Ты не в курсе, у нашего Тэтэ в Подмосковье дачи нет? Или теща там не живет? Нет? Да так, видел я его тут при довольно странных обстоятельствах. И вот что, будь готов принять гостей. Я как смогу, сразу приеду.

Когда Баранов собрался уезжать, Крюков, немного погодя, сел в свою «рябуху» и направился за ним. Метрах в двухстах от выезда на трассу он заметил

припаркованную на стоянке новенькую серебристую «десятку». Возле машины голосовала девушка.

Баранов, разумеется, не смог проехать мимо и остановился. Девушка наклонилась к нему, что-то сказала, потом обошла машину и села. Понятно, попросила отвезти за помощью. Когда она садилась в «мерседес». Крюков сумел разглядеть ее получше и был удивлен второй раз за день. Это была Лара. Так, сначала Тэтэ, теперь она. Прямо «Голубой огонек», встреча старых друзей. Интересно, кто будет следующим?

Едва «мерседес» вырулил на трассу, как из кустов выскочил еще один хорошо знакомый сыщику персонаж — бандит-охранник Скулов. Он уселся в «сломанную» «десятку» и тронулся как ни в чем не бывало. Крюков пристроился сзади и поехал следом. Ситуация из подозрительной становилась просто опасной. Несколько утешало одно соображение. Похоже, догадка Эльвины подтвердилась: охотились все-таки за Барановым, а не за ними.

* * *

Баранов пребывал в прекрасном настроении. В этот день у него все получалось. И когда симпатичная девушка попросила подбросить ее до дачного поселка, поскольку ее машина сломалась, бизнесмен воспринял ее просьбу с удовольствием.

Настроение его не испортилось даже после того как буквально через пятьсот метров после выезда на трассу какой-то мент с невероятно тупой рожей помахал ему полосатым жезлом. Баранов принял вправо и встал к обочине.

Возле бело-голубой машины милиционера уже стояла добыча — серенькая неприметная иномарка и самосвал «КамАЗ». Но тому, видно, было мало. Водители остановленных машин потеснились, давая встать «мерседесу». Водитель же самосвала вообще повернулся и полез в кабину.

— Эй, командир, что случилось? — весело спросил Баранов у стража дороги.

— Так нельзя ездить, у вас задний фонарь разбит, — мимоходом заметил тупой гаишник, продолжая что-то объяснять троим крепким парням, видимо приехавшим на иномарке.

— Неужели пацанята? — расстроился Баранов и выскочил из машины.

И только тут ему пришло в голову, что постовой находился спереди машины и не мог увидеть заднего фонаря. Бизнесмен среагировал молниеносно — метнулся к двери своей машины. Но его опередила пассажирка. Когда он рванул ручку, оказалось, что дверь заблокирована.

В тот же момент позади раздался низкий рев двигателя — это двинулся «КамАЗ», отсекая «мерседесу» путь к отступлению. Заодно он тем самым закрыл происходящее от проезжавших по трассе машин.

Крепкие парни бросились к Баранову, на ходу доставая пистолеты. Они явно знали, с кем предстоит иметь дело, и на силу своих рук и ног не очень-то надеялись.

Баранов рванулся в противоположную сторону, к обочине. Но тут из-под кормы самосвала вынырнула серебристая «десятка». Та самая, возле которой голосовала симпатичная попутчица. Дверь водителя распахнулась, и Скулов направил в лицо бизнесмена свой пистолет.

Сзади к Баранову неслышно подкрался Тарасов и ударил рукояткой пистолета по затылку. Бизнесмен зашатался, но сознания не потерял. Тут же креп-

кие руки схватили его за кисти и локти и привычно заломили их за спину.

И здесь произошло нечто неожиданное. В бампер «десятке» с силой болида ударила старая двадцать четвертая «Волга» салатного цвета. Скулов кубарем покатился по земле, а пустая «десятка» улетела в кювет.

Напавшие на Баранова выпустили его и отшатнулись в стороны. Он воспользовался моментом, чтобы несколькими мощными ударами разбросать противников, как кегли.

Крюков ударил по тормозам, перегнулся через сиденье и распахнул заднюю дверь.

— Садись!

Между Крюковской машиной и Барановым остался только стоявший в растерянности Тэтэ. Фуражка у него сбилась набок, он нелепо лапал рукоятку своего пистолета, пытаясь выхватить его из кобуры. Баранов выдвинулся к нему, одновременно нанося сокрушительный удар. Инстинктивно, не целясь, Тэтэ выстрелил в упор. Гигант замер, покачнулся и упал, придавив собой перепуганного майора.

В это время Ерохин в кабине самосвала дал газ и врубил заднюю скорость. Крюков почувствовал, что неодолимая сила толкает его вместе с «рябухой» к крутому склону оврага, который начинался сразу за дорогой.

Среагировать он уже не успел. От удара грузовика его «Волгу» перевернуло, она скатилась по склону, снова стала на колеса и снова опрокинулась на крышу. Крюков не был пристегнут, поэтому несколько раз ударился головой о разные твердые предметы. Перед тем как окончательно отключиться, он услышал крик Тарасова.

— Уходим! Все по машинам!

Взревели моторы, после чего сыщик надолго погрузился в темноту.

* * *

Щеглов устраивал разнос личному составу в офисе «Щита и меча». Он был не просто юл. Тарасов и бонны робко переминались возле стены.

— Молодцы! Чудо-богатыри! И что с вами прикажете делать?! Просто убить или будут другие предложения?

Тарасов виновато потер лоб.

— Глеб... Товарищ полковник, так вышло. Мы его практически взяли, но тут этот Крюков... А Тэтэ испугался и выстрелил...

— Что скажешь? — взгляд полковника уперся в бледное лицо подчиненного. — Назови мне хотя бы одну причину, почему я не должен тебя убить прямо здесь?

Тэтэ еле слышно пробурчал что-то себе под нос.

— Что?! Громче говори! Вынь хрен изо рта!

Тэтэ произнес громче.

— Я видел любовницу Ложкина. Эльвиру или Эльвину. Помните, вы фотографии раздавали, та особо опасная преступница? Я ее видел...

— Где? — Щеглов мигом отбросил патетический тон и перешел на деловой тон.

— Там, возле барачков, где мы искали Баранова. Наверное, и Крюков оттуда приехал. Но его я не видел...

Щеглова от ярости чуть инсульт не хватил.

— Тогда что же вы тут толчетесь? Мигом туда и обратно. Тащите ее сюда...

Бойцов как ветром сдуло, один Тарасов застыл в дверях. Он поинтересовался, куда ее девать, Эльвину, после того, как возьмут? Не в офис же тащить.

— Спрячешь у себя, — распорядился наконец Щеглов. — Завтра я ей займусь. И предупреждаю, если упустите девку, живыми не появляйтесь. Передай другим, это всех касается!

* * *

Крюков открыл глаза. Благодаря «рябухе» он, кажется, остался жив. Но чего ему это стоило! Он лежал вверх ногами. Зверски ныла неестественно согнутая шея. Он попробовал пошевелиться. Боль отдалась, кажется, даже в волосах. Скрипя зубами и ругаясь последними словами, он выбрался из перевернутой машины.

Сыщик постепенно приходил в себя и осматривал свою подвижность. Ему показалось, что машина не сильно повреждена, но чтобы перевернуть ее и вытащить из оврага нужен был кран.

Крюков достал мобильник. Как ни странно, хрупкая игрушка не пострадала. Он набрал номер Эльвины. Ее телефон не отвечал. После этого сыщик позвонил приятелю из автосервиса и вкратце обрисовал ему ситуацию. Тот обещал подъехать и разобраться с машиной.

Едва ли не на четвереньках сыщик выкарабкался из оврага. Площадка, на которой разыгралась трагедия, была изрыта колесами машин, но пуста. Если и были убитые, то люди Тарасова забрали их с собой.

Пошатываясь, Крюков вышел к трассе и поднял руку. Ему удалось уговорить водителя довезти его прямо до приюта. Он уже издали почувствовал запах гари и понял, что опоздал.

Глава седьмая В логово зверя

К счастью, все оказалось не так страшно, как предполагал Крюков. Хотя и радоваться было нечему. Основные постройки приюта были целы, только над руинами котельной курился дымок.

Не доехав до приюта с километр, сыщик расплатился с водителем, вылез из машины и пошел пешком. Навстречу ему проехали милицейский «уазик» и машина «Скорой помощи». Он прибавил шагу.

Возле въезда на территорию приюта стоял человек. В нем Крюков узнал Владу. Тот тоже увидел сыщика и вздохнул с облегчением.

— Хоть ты живой. А где твоя тачка?

— Пала смертью храбрых, — отозвался сыщик. — Что тут у вас случилось?

Влад замялся.

— Наехали какие-то придурки. Немного пошумели. Но мы люди привычные.

Крюкову показалось, что тот не договаривает.

— Кто-нибудь пострадал? — спросил он прямо.

— Да. Твой друг Альбертыч, которого ты прислал охранять Эльвину. Он ранен, его увезли на «скорой».

— А Эльвина?

— Ее забрали эти... И вот еще что. Баранова убили. Тело нашли на свалке. Мне менты сказали.

Крюков присел, опершись спиной о покосившийся забор.

— Значит, все-таки убили? Я пытался помешать, но не получилось. Наверное, старею. Эти козлы скинули меня в овраг с «рябухой» вместе. Оклемаля — и сразу сюда. Теперь вот без колес остался...

Тут он достал мобильник и снова набрал номер приятеля из автосервиса. Тот его обрадовал.

— Уже забрали твой броненосец. Еле выволокли из оврага. Особых повреждений нет, так, кое-что по мелочи подремонтировать нужно. Через пару дней можешь забирать.

— Котельную вот развалили, уроды, — вздохнул Влад. — И это перед самой зимой. Спасибо, жилые корпуса не пострадали. Хреново без Баранова будет. Где бабки доставать? Придется снова химичить.

Крюков достал из кармана деньги. Рубли оставил себе, доллары вручил Владу. Тот сначала не хотел брать.

— Ты же в розыске, как без бабок будешь?

— У меня деревянных полно, — возразил Крюков.

Кроме российских дензнаков у него еще оставались меченые баксы взяточника Сморочука, но на них у сыщика были особые виды.

Вещей у опера с собой не было, поэтому он тут же и попрощался с Владом.

— Извини, что беду на хвосте притащили.

Тот в ответ лишь пожал плечами.

— Брось, за что извиняться? Это судьба. Желаю тебе найти Эльвину. А почему бы тебе не пойти в прокуратуру или к фээсбэшникам?

Сыщик покачал головой.

— Я тоже недавно одному знакомому так посоветовал. Он и сходил. На днях должны состояться похороны. Хороший был мужик Карабинович. До меня только теперь дошло, что тараканы или крысы в отдельно взятой квартире не заводятся, а оккупируют целый подъезд или даже дом. Так и у нас. Не может такого быть, чтобы менты были оборотнями в погонах, а все остальные чистенькими ходили. Так что полагаться я могу только на себя.

— Не только. На меня тоже, — поправил Влад. — Станет туго, приходи. Здесь тебя всегда примут.

Крюков крепко пожал ему руку и направился к трассе.

* * *

Когда-то Крюков читал в «Хагакурэ Бусидо» — «Пути самурая» — что человек отступает только до тех пор, пока есть куда отступить. После этого он переходит в наступление. В верности этого постулата сыщик не сомневался. Однажды в детстве он сдуру пытался поймать руками мышь. И, к несчастью, поймал. Попавший в безвыходное положение зверек цапнул малолетнего Крюкова за палец и, воспользовавшись растерянностью охотника, сбежал.

Теперь сам сыщик оказался в положении загнанного в угол. Отступить было некуда, оставалось броситься в атаку. Но здесь были определенные трудности. Герои боевиков в таких случаях принимались отстреливать врагов до полного их истребления. Решение было заманчивое, но нереальное. То есть, стрелять-то было из чего. Сыщику не хватало информации. То, что Эльвину повезут не в управление, было ясно и дураку. Но куда? Все интересующие Крюкова лица так или иначе связаны были с частным охранным предприятием «Щит и меч». Но соваться туда сейчас было опасно. Ниточка в «Эльдорадо» оборвалась.

Тут опер вспомнил про заброшенный одинокий дом, возле которого был убит Дьякон и где он потерял след киллера. Может быть, место встречи Дьякона и его убийцы было выбрано не случайно? Могли преступники оборудовать в пустом доме подвал и спрятать там Эльвину? Запросто. А вдруг и «Москвич» еще не забрали? Вот и колеса на первое время. Без машины опер чувствовал себя, как цыган без лошади.

Со времен античных философов и из рассказов о Ленине хорошо известно, что пешая ходьба способствует процессу мышления. Так и оказалось. К тому моменту, когда Крюков дошагал до трассы, в голове у него полностью сложился план оперативных мероприятий.

Доехать до места с одного раза не получилось. Частник довез его только до Москвы, здесь пришлось искать другого водителя. Зато на месте происшествия Крюкова ждала удача.

Серый «Москвич» киллера он заметил не сразу. Теперь он стоял за домом. Кто и зачем его туда переставил? В машине никого не было. Крюков осторожно подобрался к дому. Двери и окна были плотно забиты, изнутри не доносились ни звука. Казалось, дом давно необитаем.

Вскрыть замок «Москвича» оказалось секундным делом. Здесь его ждал сюрприз. На заднем сиденье лежал большой сверток. По виду он напоминал человеческое тело. Крюков осторожно развернул его и понял, что не ошибся. Догадка подтвердилась. Перед сыщиком был труп несчастного любовника Карабиновича, знойного мачо Эроса, загадочно исчезнувшего из кабинета Карабиновича в момент его убийства. Вот и думай: то ли его убили как свидетеля

убийства Артема, то ли он сам своего хахаля убил, а в качестве платы получил пульку в лоб?

Крюков, не моргнув глазом, выволок тело из машины и обыскал его. Разумеется, никакой записной книжки Ложкина при убийстве не обнаружил. Нашел в разных карманах немного денег, которыми даже убийцы побрезговали. Что ж, хорошо живут. Крюков сейчас себе такой роскоши позволить не мог. Он без малейшего стыда и обобрал покойника до последней копейки. Потом взломал дверь в доме и перетащил его тело в одну из комнат.

После этого сыщик приступил к осмотру помещений. С первой взгляда было ясно, что люди сюда давно не забирались, даже бомжи. Его интересовало другое — какая-нибудь замаскированная дверца, люк или тайник. Но ничего похожего он не обнаружил. Тщательный осмотр «Москвича» тоже ничего не дал. И там, и там стерильная чистота, в смысле информации.

Следующей мыслью Крюкова было врубить двигатель «Москвича» и укатить на нем. Но, прикинув, он передумал. Ведь появился же кто-то, чтобы подбросить в машину тело несчастного гея. Во всяком случае, до ночи можно было подождать.

Крюков нашел в доме одеяло, перебазировался в «Москвич», лег на заднее сиденье накрылся с головой. Ждать пришлось долго, он успел капитально замерзнуть. Ему уже начинали приходиться в голову совершенно идиотские мысли типа: а не включить ли печку в машине или не стонять ли в соседний магазин за водкой?

Со временем вторая мысль стала казаться ему все более приемлемой. Наконец он не выдержал.

Немного откинул одеяло и одним глазом посмотрел на улицу. За окном давно стемнело. Пустынная местность навевала уныние. Только вдали светились гостеприимные огни магазина.

Опер решился. Только туда и обратно. Одна нога здесь, другая там. А выпить можно и на бегу, по дороге. Однажды ему пришлось пить на бегу. Он служил срочную в армии и был застигнут патрулем в самоволке. Уйти не было возможности. Понимая, что водку у него все равно отберут, а сидеть на «губе» пьяным гораздо веселее, чем трезвым, молодой Крюков дал ходу. Бегать пришлось по кругу, как лошадям в цирке. На бегу он сумел открыть бутылку и сделать несколько больших глотков, после чего спокойно сдался патрулю...

Он уже напряг мышцы, чтобы вылезти, как услышал звук подъехавшей машины. Хлопнула дверь, машина снова зашумела мотором и уехала. К «Москвичу» кто-то подошел. Неизвестный долго стоял молча. То ли обследовал окрестности, то ли мочился на колесо. Заглянуть в салон он не пытался, затемненные стекла и вечерний мрак делали это занятие бессмысленным.

Крюков извелся ожиданием. Наконец неизвестный решительно отпер водительскую дверь и сел за руль. Крюков дождался, пока двигатель заработал, после этого сел и приставил ствол пистолета к затылку водителя.

— Какая встреча, снова господин Ерохин! Сотрудник частного охранного предприятия «Щит и меч». И, наверное, опять с заявлением о находке пистолета? — радостно произнес сыщик.

Ерохина, а это был он, заколотило. Да и кто бы не испугался, услышав за

спиной голос покойника.

— Бы... Мы...

— Не мычи. Ты один, или, как обычно, с другом?

Ерохин наконец понял, что имеет дело не с усопшим гомиком, а со старым знакомым опером и немного успокоился.

— Один я.

Крюков продолжал, подкрепляя слова болезненным постукиванием по затылку пленника дулом пистолета.

— Быстро, твое задание! Кто тебя послал? Признавайся, скотина!

Ерохин снова приуныл. Видимо, он просто боялся пистолета, как другие боятся лягушек или пауков.

— Я ничего не знаю, никого не убивал! Меня послали только убрать труп и отогнать машину.

— Кто?

— Да этот мусор, шестера щегловская, Тарасов. Он у шефа вроде завхоза. Машины, хазы — всякой ерундой занимается.

— Куда ты должен был отогнать машину?

Ерохин опустил голову.

— А, стреляй. Один хрен, Щеглов меня убьет.

— Не убьет. Это видел?

Опер показал бандиту в зеркало заднего вида щегловский «Пернач» так, чтобы тот заметил золотой курок. На Ерохина пистолет шефа произвел сильное впечатление.

— Так ты его?.. Когда успел?

Крюков не любил врать без необходимости, поэтому тактично промолчал, но направил серебристое чудо на собеседника. Ерохин, расценил это как личную угрозу и вздрогнул.

— Если я тебе сдам Чистильщика, ты меня не грохнешь? — спросил он внезапно осипшим голосом.

Крюков прокашлялся, чтобы ответ прозвучал как можно искреннее.

— Сегодня не убью. А завтра, может быть, тебе больше повезет. Тогда уж ты не забудь, как я спас тебе жизнь. Договорились? Значит, говоришь адрес, я тебя связываю и кладу в багажник. Если не соврал, отпущу.

— А гарантии? — попытался ухватиться за соломинку Ерохин.

— Губы раскатал, размечтался, — рассердился сыщик. — Не нравятся мои условия, могу замочить прямо здесь. Или в сортире, выбирай, что нравится.

— Я согласен! — поспешно согласился Ерохин и принялся разъяснять, как ехать и куда...

* * *

Искомый дом находился в спальном районе Гольяново. Крюков не стал подъезжать к нему близко и оставил «Москвич» в соседнем дворе. Он прошел в пропахший сыростью подъезд и поднялся на второй этаж.

У Крюкова в загашнике «рябухи» имелся прекрасный набор отмычек — подарок друга, старого домушника Ляха. Но сейчас ни он, ни навыки взлома не понадобились. Сыщик позаимствовал у Ерохина ключи. Тем не менее, он по старому воровскому правилу прозвонил квартиру. Никто не отозвался. Тогда он осторожно вставил ключ в замок и повернул.

В квартире было темно и пусто. Сама дверь, как и та, что закрывала кон-

спиративную квартиру Щеглова, изнутри оказалась куда надежнее и представительнее, чем снаружи. Все по той же привычке квартирных крадунов сыщик старался не делать лишних движений. Обыск он проводил избирательно, поскольку искал не деньги и не документы.

Эльвины в квартире не было, в этом он убедился сразу, после самого беглого осмотра. Да сыщик, собственно, и не надеялся, что пленницу будут держать здесь. Габариты квартиры и никудышная звукоизоляция практически исключали такую возможность. Зато обнаружилось кое-что не менее интересное.

В одной из комнат была оборудована небольшая токарно-слесарная мастерская. Здесь же лежали сложенные в ряд газовые пистолеты системы 6П42 ИЖ♦79 калибра 9 миллиметров. В другом ряду лежали те же пистолеты, но уже с расточенной перегородкой в стволе, которая не позволяла использовать это газовое оружие в качестве боевого. На вид они ничем не отличались от двенадцатизарядной модификации пистолета Макарова. Производство было поставлено на поток!

В другой комнате сыщик обнаружил четыре снайперские винтовки Драгунова со складным прикладом. Такими пользовался Чистильщик. Здесь же лежали сложенные в кучу пакеты. Крюков заглянул внутрь. Там находилось вещество, по виду напоминавшее пластиковую взрывчатку.

В шкафу на отдельных полках лежали взрыватели и всякие мелкие предметы, о назначении которых сыщик мог только догадываться. Вероятно, они предназначались для прослушки и визуального наблюдения. Самой доступной вещью был «поляроид» для моментальной фотосъемки. Крюков прихватил его на случай, если возникнет надобность в доказательствах.

Дольше оставаться в квартире было просто опасно. Сыщик аккуратно вышел и запер за собой дверь. И вовремя. Не успел он отойти от дома, как перед подъездом затормозил хорошо знакомый четырехглазый триста двадцатый «мерседес» Тарасова. Из машины вышел он, собственной персоной, в сопровождении беглого киллера Гарамнова.

Крюков нырнул в соседний подъезд, откуда хладнокровно сделал несколько снимков сладкой парочки. Затем вернулся во двор, где оставил в багажнике серого «Москвича» бандита Ерохина. Опер вернул ему свободу, но некоторое время лежал и кряхтел, ожидая, когда вернется подвижность конечностей. Крюков помог ему выбраться из багажника.

— Отпускаю в последний раз, — предупредил он.

Бандит был крайне удивлен. Он явно не надеялся остаться живым. В нем проснулось что-то похожее на благодарность.

— Девка твоя на загородной базе, — сказал он. — Где она расположена, я не знаю. Нас туда привозили в закрытом фургоне.

Крюков поблагодарил за информацию и вернул Ерохину ключи от квартиры-мастерской...

— Оклемаешься, отгони машину, куда велели. Обо мне рассказывать не в твоих интересах.

Он понимал, что при случае Ерохин очень постарается убить его, но стрелять в безоружного или резать связанного было для сыщика абсолютно неприемлемо. В конце концов, он дал бандиту еще один шанс.

Сыщик подумал, что пора навестить раненых друзей, тем более, что оба лежали в одной больнице, хоть и в разных палатах. Но сначала надо было загля-

нуть в аптеку за шприцем, а потом в магазин за продуктами. Не с пустыми же руками идти.

* * *

У Альбертыча Крюков задержался ненадолго. Состояние у того было стабильное, но врач общаться не разрешил. Сыщик оставил ему пакет апельсинов, которые накачал через шприц коньяком по принципу два в одном. Молоденькая сестричка сказала Крюкову, что Альбертыч держится молодцом и успел подружиться с четырьмя соседями по палате. Уверившись, что с ним все будет в порядке, опер направился к Шабанову.

Тот лежал в одиночке, изнывая от скуки, и приходу Крюкова обрадовался неимоверно. Хотя в комнате был телевизор. Выглядел он неплохо.

— Я думал, ты про меня забыл, — сказал он с обидой. — Лежу тут один, со скуки подыхаю. От телевизора мозги раком встали, сплошная предвыборная брехня. Хотел в общую палату проситься.

Крюков выгрузил из второго пакета передачу. Апельсины коллеги употребили согласно инструкции. Сначала был коньяк, потом цитрусовые.

Крюков рассказал экс-генералу о последних событиях и предупредил:

— Выпишешься — одно из двух. Либо придется искать новую работу, либо набирать новых сотрудников на твое охранное предприятие. Те, которые сейчас там трудятся, могут просто не дожить. Прыткие слишком.

Постепенно разговор вернулся к событиям, благодаря которым Шабанов очутился на больничной койке.

— Ты точно не вспомнил того парня, который в тебя стрелял? — спросил Крюков.

— Отстань. Он у меня все время перед глазами стоит. Помирать буду — не забуду. А что? Может ты его уже того... обезвредил?

— Пока еще нет, но очень надеюсь, что в скором времени мне это удастся. А пока глянь. Это случайно не он?

Крюков достал карточку, сделанную «поляроидом», на которой подполковник Тарасов в компании с киллером Гарамновым выходили из машины, и показал ее Шабанову.

— Он в тебя стрелял?

Шабанов тяжело вздохнул, глаза у него сузились, лицо его потемнело от гнева.

— Он!

Крюков взглянул на фото пристальнее и вдруг хлопнул себя по лбу.

— Блин! А я все не мог вспомнить, где его видел. Да это же дворник из твоей охранной лавочки! Помнишь, он меня после пьянки в машину грузил? Я еще тогда пошутил, что Альпенгольд Чистильщика дворником называет, а он посмеялся. Нормальный у тебя сотрудник. Главное с юмором. Слушай, он мне даже чем-то нравится.

— А мне нет, — огрызнулся Шабанов. — И вообще, чего ты от меня хочешь, ментяра? Я там проработал неделю. Охранников и сыщиков в лицо рассмотреть не успел. Не то, что дворников. В конце концов, я там не завхозом работал!

Крюков налил еще граммов по пятьдесят коньяка, остальное убрал в тумбочку возле кровати больного. Они выпили и пожевали дольки лимона, очищенного, как апельсин.

Крюков похлопал друга по плечу и убрал фотографию.

— Ладно, не бушуй. Поправляйся. Я к тебе буду почаще заглядывать.

— Если только тебя самого не убьют, — буркнул Шабанов, сплюнул три раза через левое плечо и постучал по деревянной тумбе у кровати. Потом, протянув руку вперед, он постучал Крюкова по лбу. Звук заметно отличался...

* * *

По улице шла стройная девушка, одетая в красную спортивную куртку. Ярко, но сейчас многие так одеваются. На краю тротуара она оглянулась, удостоверилась, что сзади нее никого, и быстро нырнула в притормозившие неприметные «Жигули».

Матерый журналюга Борис, сидевший за рулем, дал газ и вписался в поток машин. Покрутившись немного по улицам, он встал к тротуару.

— Сменила бы ты, Лара, свою красную куртку, больно приметная. За тобой не следили? — с беспокойством спросил он.

— Исключено, — не без самодовольства заметила Лара. — Я думаю взять себе псевдоним Мата Хари.

— Она плохо кончила, — мрачно заметил Борис.

— Я кончаю всегда хорошо. Держи! — Она протянула ему небольшой пакет. — Здесь твоя аппаратура и отснятый материал. Депутат Мокин без галстука, а равно и без прочих аксессуаров и одежды. Во всей своей наготе. У нас забойный эксклюзив.

Борис одной рукой принял пакет и убрал его в бардачок машины.

— Прекрасно! Вандерфул энд бьютифул! А что по ментам-оборотням?

Лара сделала загадочное лицо.

— Сегодня я собираюсь нанести один очень важный визит. Мне понадобится машина. Твоя машина.

— А как же я? — растерялся Борис. — Знаешь, у моих «Жигулей» зажигание барахлит. И резина совсем лысая, и аккумулятор...

— Поездишь на такси, — отрубила Лара. — Мне нужна твоя машина в любом состоянии, лишь бы она надежно запиралась и хоть немного двигалась. Передвижная камера хранения. Понял?

Борис тяжело вздохнул и щелкнул по ключам, торчавшим в замке зажигания.

— Забирай. Только ключи не потеряй, второго комплекта у меня нет.

— Прекрасно, как раз то, что надо. На всякий случай я заберу твою тачку прямо сейчас.

— Но почему?

Лара заговорила безапелляционным тоном.

— Я же говорю: на всякий случай. Боря, не тормози. Эксклюзив гарантирован. Завтра на этом самом месте я передам тебе убойный материал. А теперь вали. Студия рядом, прогуляешься немного.

Борис вышел из машины и уныло поплелся по улице в сторону редакции. Лара пересела на место водителя и тронулась с места.

Никто из них не обратил внимания на то, что из припарковавшегося метра в ста позади «Жигулей» четырехглазого «мерседеса» вылез Тарасов и не спеша направился вслед за Борисом. Он проводил журналиста до дверей студии, потом быстрым шагом вернулся к «мерсу», сел в него и сорвался с места, как автогонщик...

* * *

В это время прямой и непосредственный начальник Тарасова полковник Щеглов с тоской и безразличием рассматривал из окна генеральского кабинета поток машин под окнами управления.

С таким же безразличием он выслушивал гневные речи самого генерала. Тот бубнил тоном зануды.

— Когда, наконец, я увижу деньги? С меня ведь наверху требуют...

— Денег пока нет, я устал объяснять...

Генерал посмотрел на Щеглова в упор.

— Вы загребли под себя «Эльдорадо»?

— И что?

— Кое-кто наверху этим недоволен. Требуют вернуть.

Щеглов презрительно хмыкнул.

— Так уж сразу и вернуть? Пусть этот «кое-кто» свяжется со мной. Я ему сам все объясню...

Генерал опешил от такой наглости, но в сложившейся ситуации он зависел от Щеглова в гораздо большей степени, чем тот от него.

Поэтому он игнорировал хамский тон подчиненного, еще раз напомнил о деньгах и велел докладывать, как только ситуация изменится к лучшему.

От генерала Щеглов направился прямо в развлекательный комплекс «Эльдорадо». Здесь на всех постах уже стояли охранники из «Щита и меча», вооруженные помповыми ружьями.

«Надо бы распорядиться, чтобы подвезли автоматы», — подумал полковник.

В сопровождении управляющего и начальника охраны он поднялся на лифте в «пентхауз», освободившийся после смерти Карабиновича. Следы побоища здесь уже были ликвидированы, судя по всему, над интерьером поработали дизайнеры. Во всяком случае, часть пострадавших в ходе перестрелки картин и мониторов была заменена, как и металлические панели со следами пуль. Обшивку куба тоже заменили. Щеглов обошел помещение и остался доволен сделанной работой. Он отослал движением руки пришедших с ним сотрудников «Эльдорадо», уселся в похожее на качели титановое кресло и задумался.

Сейчас, когда счет времени пошел на дни, а может быть, уже и на часы, от него требовалась ювелирная точность. Его поезд мчался навстречу неминуемой катастрофе. Соскочить раньше времени означало потерять большие, очень большие деньги, а опоздать — значило погибнуть. Но зато у него, в отличие от того же генерала, были совершенно развязаны руки. Он мог идти до конца, не считаясь ни с кем и ни с чем...

Из размышлений его вывел звонок мобильника. Щеглов сразу узнал голос выдающегося политика современности Саши Мокина. Очевидно, генерал не подвел, сразу же сообщил наверх о его предложении. Тайнственный «кое-кто» не заставил себя ждать и позвонил полковнику на мобильный. Мокин, не здороваясь, сообщил, что проезжает мимо «Эльдорадо» и, если полковник обживает в сей момент свои новые владения, они могли бы встретиться. Появилась, мол, общая тема, надо бы перетереть.

— Я как раз в казино, — отозвался Щеглов. — Подгребайте в «пентхауз».

Жду с нетерпением.

Мокин не заставил себя долго ждать. Как только двери лифта распахнулись, он уверенным шагом легионера протопал к Щеглову и без приглашения уселся в кресле напротив него. Их разделял космической формы стол, на котором лежал пульт управления с множеством кнопок. Щеглов тоже не встал навстречу гостю и руки ему не подал... Они помолчали.

— Так в чем проблема? — спросил полковник, разглядывая политика, как экспонат кунсткамеры.

Мокин поежился под его взглядом, но чтобы выбить его из колеи, нужно было столкновение с локомотивом. Он развалился в кресле, вытянул ноги в дорогих ботинках. Между резинками носков и манжетами брюк сверкнули белые щиколотки, покрытые рыжим ворсом.

— А что, коньяка нет? Или хотя бы кофе? — спросил он капризным голосом.

— Нет, — отрезал Щеглова холодно.

Мокин покраснел. Он явно не привык к такому обращению. Поскольку разговор не получался, он решил перейти к делу.

— Так вот, что касается комплекса «Эльдорадо». Вы захватили казино, гостиницу, ночной клуб и другие объекты. Денег от вас не поступает, якобы по объективным причинам. Допустим по объективным. В таком случае придется делить производственные, так сказать, мощности. Как будем это делать?

Щеглов принялся раскачиваться на своем титановом кресле. На лице у него появилась саркастическая улыбка.

— Делить? — переспросил он беззаботным тоном. — Это можно. А вот как? История предлагает нам два варианта: по труду и по потребностям. Я за то, чтобы каждый получил по труду. Поэтому предлагаю вам библиотеку и туалеты, мужской и женский.

— Шутишь? — руки Мокина сжались в кулак, да и сам он непроизвольно напрягся и весь подобрался.

— А ты бы чего хотел? — поинтересовался полковник. — Казино? Ночной клуб? А хуху не хохо? Плохо не будет? Могу от себя прибавить видеотеку.

Полковник взял со стола пульт, широким жестом фокусника взмахнул им, и на экранах всех мониторов возникла одна и та же картинка: голый, пыхтящий и нелепо извивающийся Саша Мокин в обнимку с Ларой.

— Хорошая режиссура, — похвалился Щеглов. — Смотри внимательнее, сейчас будет самое интересное.

Мокин вскочил с места и еле удержался, чтобы не броситься на полковника. Лицо его пылало, глаза метали молнии. Уже давно его так не прикладывали мордой об стол. Щеглов остановил видеозапись и сочувственно произнес:

— А ведь при желании изображение девочки можно заменить на мальчика. Современные технологии это позволяют. По-моему, это будет гораздо пикантнее. Мировая известность тебе обеспечена. Так что ты говорил об «Эльдорадо»?

— Я тебе больше слова не скажу! — проорал на прощанье с порога Мокин. — С тобой будут говорить серьезные люди!

— И передай своим серьезным людям, чтобы больше таких сопляков, как ты, не присылали! — крикнул ему вдогонку Щеглов. — Жду тебя в полночь с секундантами за аббатством Сен-Дени!

* * *

Крюков, стараясь не попадаться на глаза сослуживцам, крутился возле родного управления. Вернее не самого управления, а расположенной в непосредственной близости от него конспиративной квартиры Щеглова. Здесь было больше шансов перехватить его самого или хотя бы Тарасова, к которому у сыщика также накопились вопросы.

Но встретил он не полковника и не его зама, а пронырливую уборщицу-журналистку Лару. Она стремительно вышла из подъезда и направилась к невзрачным грязно-белым «Жигулям» первой модели. Возле машины Крюков ее и перехватил.

— До вокзала подбросишь? — спросил он.

Лара, казалось, ничуть не удивилась. Она открыла ему переднюю дверь. Оба сели в машину.

— Тебя ищут, ты в курсе? — спросила Лара.

— Что-то слышал и ужасно расстроился, — признался опер. — Боюсь, не сказалось бы на потенции. А как твои дела? Хватает времени и полы мыть, и репортажи строгать?

Лара не ответила, сделав вид, что целиком поглощена процессом вождения машины. Крюков посмотрел назад. Хвоста за ними как будто не было.

— Думаешь, я поверил, что ты журналистка? — сказал он. — Какой, интересно, телеканал обеспечил бы тебе прикрытие с приговором, пусть бы и условным? Сегодня все можно купить. Но мне наплевать, на кого ты пашешь. Я хочу, чтобы ты помогла мне найти место, где держат Эльвину.

Лара посмотрела на сыщика с некоторым интересом.

— Помочь тебе? С какой стати?

Крюков придал своему лицу таинственное выражение.

— Если ты поможешь мне, то я помогу тебе. Нам с тобой, похоже, нужна разная информация, но хранится она в одном ящичке. И ящичек этот — в кабинете начальника отдела безопасности охранного предприятия «Щит и меч». Если ты думаешь по-другому, плюнь мне в рожу.

— Можно прямо сейчас? — поинтересовалась Лара.

— Можно, но ты этого не сделаешь. Потому что я прав.

— В общем, ты прав. Я действительно собиралась проникнуть в офис «Щита и меча». Но как это сделать? Я пыталась пробраться туда легально. Ни фига не получается. Только один раз, сразу после того как ранили их начальника, Щеглов привозил меня туда, чтобы навести порядок в его кабинете. И то глаз с меня не спускал. А нелегально еще хуже. Там охраны больше, чем в Кремле. Вот если бы их чем-то отвлечь. Диверсию, что ли, устроить? Взрыв или пожар...

Крюков задумался. Взрыв или пожар не пройдет. Они сразу сообразят, что к ним кто-то ломится, и возьмут под контроль как раз те места, куда нам с тобой надо проникнуть. Но диверсию мы организуем. Это можно.

Крюков достал мобильник и стал звонить нужному человечку. Говорил он недолго и остался доволен результатами разговора. Убрав трубку, он объяснил Ларе свой план.

По словам Крюкова, у одного его знакомого, редкостного козла по фамилии Смотровук, имеется земляк. Как-то раз они с ним вместе квасили. Так вот, в отличие от козла Смотровука, земляк этот, Микола, не человек, а просто золо-

то. Во всех отношениях. Во-первых, он просто гений сантехники. В пять минут может найти и убрать любую протечку. А может и организовать. И, что самое главное, как пионер, всегда готов помочь товарищу. Пусть даже и за деньги. Короче, он их ждет. Правда, у него не совсем чистый комбинезон... Ничего, что ему немного придется посидеть в этой машине?

— Это не моя машина, — отрубил Лара. — Так, где мы должны его подогреть?

За Миколой они заехали к нему домой. Собрался он молниеносно — надел спецовку и взял чемоданчик с инструментом. Для Лары и Крюкова он также подобрал пару комбинезонов.

— Неизвестно, где лазить придется, — пояснил он.

Крюков быстро натянул широченный, задубелый комплект поверх джинсов. Лара какое-то время брезгливо морщила нос, но в итоге тоже смирилась и облачилась в свой пролетарский прикид.

Машину они поставили на параллельной улице, метров за сто от охранного предприятия.

— Ближе не надо, — пояснил Микола. — Дальше под низом пойдем.

Он ловко подцепил кривым ломиком один из канализационных люков и любезно предложил.

— Прошу пани до говнопровода!

При этом он галантно протянул Ларе руку и помог спуститься в жерло трубы. Крюков не стал дожидаться особого приглашения и скользнул в люк за ними.

Внизу Микола зажег фонарик и повел разведчиков одному ему известными путями. Тоннель был узким и низким. Местами им приходилось перелезать через кучи технического мусора. Крюков считал, что умеет неплохо ориентироваться на любой местности. Но если бы Микола вдруг исчез, сыщик не смог бы найти обратной дороги.

После недолгого, но крайне утомительного перехода они попали в небольшую комнату с зелеными стенами и желто-коричневым кафельным полом. Пространство комнаты занимали толстые черные трубы, из которых торчали стержни и маховики вентиляей.

— Ну, вот мы и приканали до хаты, — на своей смеси языков поведал Микола. — Вам вон в ту дверь. Окажетесь в подвале вашего ЧОПу. А мы тут и сделаем нашу диверсию. Даю вам время подняться наверх и затаиться. Через десять минут я вскрою этот ventиль, а через пятнадцать тут все зальет, извиняюсь, говном. Так что обратно уходить вам придется другой дорогой.

Крюков протянул помощнику оговоренную ранее сумму, скинул комбинезон и так же вручил его Миколу. Лара разоблачилась с нескрываемым облегчением.

Они расстались. Микола принялся делать свое черное дело, а сыщик с Ларой осторожно двинулись наверх. В нижнем коридоре, куда они попали, охранять было, видимо, нечего. Поэтому он был совершенно пуст и темен. Зато сверху слышались оживленные голоса охранников. Разведчикам предстояло миновать их посты. Тем временем пробил «час икс» и по коридору медленно, но неуклонно распространяясь, поплыл невыносимый смрад.

— Диверсия — высший класс, — оценил Крюков. — Сейчас сюда прибудет антитеррористическое подразделение. Надо где-то спрятаться.

Лара подергала Крюкова за рукав и потянула в темноту.

— Давай сюда. У них тут была комната уборщицы, где я швабру брала.

— А они туда не сунутся? — с тревогой спросил сыщик. — За той же шваброй.

Лара усмехнулась.

— Швабра бессильна против стихии говна. Молчи, они идут!

И втокнула Крюкова в какую-то тесную и темную каморку. Мимо нее торопливо протопали тяжелые, на резино-рубчатом ходу, ботинки. Послышались тревожные крики:

— Блин! Канализацию прорвало! Подвал говном заливают!

— Все на борьбу с прорывом!

Смех мешался с руганью. За первым эшелонем борцов с утечкой прошла вторая волна. За ней третья. Какое-то время было много шума и суеты. Наверное, так же вели себя Павка Корчагин и другие комсомольцы древности, когда страна ждала от них подвига. Не думали ни о себе, ни о том, что и зачем делают. Лишь бы дырку заткнуть. Даешь, комса, сто пятьдесят процентов выше нормы!

Когда голоса затихли в смрадном жерле подвала. Лара вытащила Крюкова из тайника.

— Теперь можно идти.

Они спокойно, уже не таясь, прошли темным коридором. Справиться с замком на двери руководящего кабинета для Крюкова труда не составило.

На этом общая задача разведчиков закончилась. Теперь каждый принялся искать нужную информацию собственным путем.

Лара бросилась к компьютеру, включила его и вставила диск для скачивания материала. Крюкову во что бы то ни стало требовалось найти место расположения загородной базы. И пока Лара ковырялась в компьютере, он пошел старым, проверенным путем, знакомым любому сыщику или следователю. Он поставил на стол урну для мусора и опрокинул ее.

Лара, заметив его манипуляции, брезгливо сморщилась, но не прервала своего занятия. Крюков же, не моргнув глазом, приступил к изучению находок. Они были разнообразны. Окурки, огрызки яблок, шкурка от колбасы, пивные пробки. Ничего предосудительного, вроде использованных презервативов или порванных расписок в получении американских долларов.

Опер, разумеется, не ждал, что найдет отпечатанный типографский бланк с надписью «Расположение секретной базы милиционеров-оборотней». То, что он искал, оказалось смятым клочком бумаги. Вероятно, Щеглов или Тарасов начертили на нем маршрут движения для какого-то новичка-шофера.

Надписей на листке было две. Одна указывала направление, другая — место, где следовало свернуть с трассы. Собственно, Крюкову это место было хорошо известно. Это был заброшенный пионерлагерь. Пару раз сотрудников управления вывозили туда на хозяйственные работы, которые превращались в банальную трехдневную пьянку.

Скорее всего, Эльвину держали именно там. И Чистильщик, вероятно, прятался в тех же палестинах.

— Смотри, — Лара показала сыщику распечатку факса. — У них на сегодняшний вечер разборка назначена из-за «Эльдорадо». Боюсь, дело кончится

небольшой войной.

Неожиданно Лара замерла.

— Кто-то идет! — громко прошептала она.

По гулкому коридору раздавался отчетливый звук приближающихся шагов. Крюков достал трофейный серебряный пистолет с золотым курком. Кажется, ему представилась возможность проверить «пернач» в действии. Он взвел затвор и замер возле двери. Ему очень хотелось, чтобы шаги прошли мимо. Но они замерли перед дверью кабинета. Судя по шагам, пришедший был один. Это вселяло некоторые надежды.

Сыщик сделал Ларе знак приблизиться. Она спрятала диск с краденой информацией в карман куртки и подскочила с напарнику. Дверь открылась. Крюков схватил вошедшего и рывком втащил в кабинет. Лара так же быстро захлопнула дверь. Опер приставил пистолет к голове пленника и приготовился спустить курок. Захваченный не столько испугался, сколько удивился.

— Крюк?

— Володя?

Перед Крюковым стоял Володя Тарасов. Он не делал попыток освободиться. Но и Крюков понимал, что не сможет вот так просто, даже по необходимости, выстрелить в старого, пусть уже не друга, но коллегу. В кого другого — с удовольствием. А в него нет.

Затянувшуюся паузу нарушила Лара.

— Мы кого-то ждем? — спросила она Крюкова. — Сейчас здесь будет охрана.

Тарасов закашлялся. Он посмотрел Крюкову в глаза. Что он в них увидел? Возможно, растерянность или нежелание плодить трупы?

— Пойдемте, я выведу вас черным ходом, — сказал он неожиданно.

* * *

Лариса где-то задерживалась. Матерый журналист Борис нервно курил одну сигарету за другой, пытаясь подавить растущее раздражение. Из-за ее капризов он остался без машины. Кроме того, ему не нравилось, что в последнее время Лара определенно начала темнить. А ведь он был для нее мэтром, наставником.

Наконец увидел ее красную куртку. Предупреждал ведь, чтобы надевала что-нибудь менее заметное. Раздражение усилилось. Он подумал, что она упряма и бестолкова. Хорошо хоть машину не засветила, оставила наверно где-то неподалеку.

Лара, не оглядываясь и пряча лицо под капюшоном, прошла мимо Бориса и направилась дальше по улице. Может, ее пасут? Он осмотрелся. Никого похожего на наблюдателей не заметил, а опыт в этом деле у него имелся. Выждав еще немного, он двинулся следом за красной курткой.

Красная куртка свернула в подъезд. Борис ускорил шаг. Подъезд был старый и темный, Борис скорее угадал, чем увидел во мраке женский силуэт.

— Ты что гонки устраиваешь? Где тебя так долго носило? — напустился он на помощницу. — И опять в этой куртке. Ладно, я тут совсем заждался, а у меня дела. Давай в темпе материал и ключи от тачки.

— Получи!

Последнее, что увидел Борис в своей жизни, была вспышка пистолетного выстрела, приглушенная пламегасителем.

Глава восьмая Оборотень

Покинув провонявший нечистотами офис охранного предприятия «Щит и меч», разведчики разделились. Лара сказала, что должна отогнать машину. Крюков узнал по телефону, что его «рябуха» уже на ходу и помчался в сервис забирать ее. Без машины он чувствовал себя, как без штанов.

Кроме того, каждый из разведчиков теперь должен был реализовать полученную им часть информации. Что собиралась сделать со своим диском Лара? Продать? Возможно... Крюкову сейчас было не до нее.

После убийства Дьякона все его люди куда-то попрятались. Черкес окончательно и бесповоротно возглавил Покровскую группировку и перебрался из подвалов «Эльдорадо» в загородный особняк Бубона, похожий на крепость. Крюкову не оставалось ничего иного, как напросится к нему с визитом...

Капитана, несмотря на его репутацию правильного мента, пропустили пред ясны очи атамана с большими предосторожностями. Разоружили, обыскали, проверили металлодетектором и поводили вокруг него какой-то электронной хреновиной — то ли злых духов отгоняли, то ли искали жучков.

— Я не Буратино, во мне жучков нет, — недовольно проворчал он Черкесу, когда, наконец, уселся рядом с ним на угловом диване в гостиной особняка.

И чуть не провалился в его мягкие недра. Авторитет и здесь принимал меры безопасности. Быстро вскочить с такого сиденья и наброситься на него не было ровно никакой возможности.

Гостиная Черкеса напоминала конуру миллионера средней руки. На стене порнография в стиле Рубенса, стены и потолки покрыты позолоченной лепниной, а свободных от нее мест — роспись маслом по холсту. Розовые купидончики со стрелами и сисястые половозрелые девушки в кисейных покрывалах, похожих на саваны.

От предложенной выпивки сыщик отказываться не стал. После того как ритуал встречи был соблюден, авторитет поинтересовался причиной нашего шествия.

— Дык чего приперся-то? С Дьяконом, вроде, разобрались. Новая тема образовалась?

— Нет, тема старая, — возразил Крюков, потягивая виски. — Чистильщик. Не забыл такого? Так вот, я знаю место, где его прячут.

— А твой какой интерес? — подозрительно прищурился Черкес.

— Человека освободить надо. Его там же держат.

— Устраивать штурм мусорской хазы посреди Москвы? — усмехнулся пахан. — Я что, похож на этого... камикадзе?

— А я похож на провокатора? — вопросом на вопрос ответил сыщик. — Это не в Москве, база находится за городом, практически в лесу. Жилья поблизости нет. Караулят ее не менты, а частные охранники.

Черкес покачал головой.

— Ты не въезжаешь. Там-то, может, и чайники, но стоит им свистнуть, как тут же подскочат и мусора. СОБРы, ОМОНЫ и прочие «друзья детей». А свистнут — и красные шапочки на бэтэрах подспеют. И покосят моих ребят в ка-

пусту, только не зеленую, а красную. Колибри называется.

— Кольраби, — поправил сыщик, — только она не красная. И боишься ты зря.

Черкес прикурил папиросину и сделал глубокую затяжку. По комнате поплыл сладковатый запах дури.

— Не за себя боюсь, я за людей отвечаю.

«Ну прямо дон Корлеоне!» — иронично усмехнулся про себя Крюков, однако давить на авторитета не стал. Он налил себе еще виски и медленно выпил, потом перехватил бутерброд с икрой. Когда авторитет докурил, сыщик сообщил деловым тоном.

— По моим данным, у этих ребят сегодня серьезная стрелка из-за «Эльдорадо». Не спрашивай, откуда информация, но сведения точные.

Черкес посмотрел на него с недоверием.

— Кто-то забил мусорам стрелу? И кто эти самоубийцы?

Крюков многозначительно ухмыльнулся.

— Отгадай с трех раз. Вспомни загадку про приемы против лома. Так как? Второго шанса добраться до Чистильщика у тебя не будет.

Черкес прикрыл веки и посидел так какое-то время. То ли он так думал, то ли дремал. Потом открыл глаза и взглянул на опера совершенно трезвым взором.

— Ладно, банкуй. Идем давить твой гадюшник.

* * *

Щеглову очень понравилась его собственная шутка насчет дуэли за аббатством Сен-Дени в полночь с секундантами. Он несколько раз повторил ее Тарасову. Но тому было не до смеха.

Позвонил Мокин и уточнил время и место встречи. Стрелку забили на гигантской стройплощадке позади «Эльдорадо». Там налади было строить не то аквапарк, не то океанариум, равного которому нет во всем мире, но из-за недостатка денег стройку века свернули на неопределенное время. Договорились встретиться через четыре часа.

— Ну, покедова! — Щеглов шутовски отсалютовал невидимому противнику и положил трубку. Потом прошелся по кабинету, потирая руки и нервно хихикая. Потрепал по плечу Тарасова.

— Ну что, Володя, пробил час икс! Вот мы и решим сегодня раз и навсегда — кто вошь, а кто Чапаев. А то много их, начальничков. И всем дай, дай, дай! Перебьются. Боливар не выдержит двоих.

Тарасов взглянул на босса с подозрительным недоумением.

— То есть, я хочу сказать, двоих-то он выдержит — нас с тобой. Но все прочие могут не беспокоиться. Ну ладно, давай обсудим план предстоящей битвы.

Через час план был проработан до мелочей. Щеглов собирался провести не просто бандитскую разборку, а настоящую боевую операцию. Он разделил своих бойцов на авангард и главные силы. Выделил даже небольшой резерв. Он должен был до поры скрываться в хозяйственном блоке «Эльдорадо», двор которого примыкал к стройке. Командовать резервом должен был Тарасов.

— В качестве ударной силы возьмем наш управленческий СОБР, — рассуждал Щеглов. — Один хрен бойцы без дела сидят. Вообще-то я еще хотел подписать спецназ из «Восьмерки». Их командир, майор Синицын, мой старый ко-реш. Но их срочно подняли по тревоге. Какая-то секретная операция. Обойдем-

ся и своими силами. А если что — вызовем подкрепление через дежурного. В конце концов — мы правоохранительные органы, а они — бандиты. Вот, значитца, так и поступим.

И он отправился проверять боеготовность личного состава.

* * *

Подчиненные полковника Щеглова и прочие задействованные в операции силы понятия не имели ни о его напряженных отношениях с политиком Мок-иным, ни о деятельности Щеглова по части отмывания денег. Им дали только необходимый минимум информации. Она звучала примерно так: на стройплощадке будет проходить бандитская стрелка — и здесь Щеглов ни на йоту не уклонился от истины — преступников необходимо задержать, а в случае оказания ими вооруженного сопротивления отвечать огнем на поражение.

Среди бойцов Щеглова было немало прошедших Чечню. Сам он имел опыт Афганистана и знал, что в бою побеждает тот, кто выше заберется. Поэтому и выдвинулся на позицию за два часа до намеченного времени, чтобы занять недостроенные сооружения. На законы бандитской этики, согласно которым являться на стрелку секунда в секунду, ему было наплевать. Важнее было занять выгодные позиции для пулеметного обстрела.

Впереди колонны машин двигались два джипа с эмблемами частного охранного предприятия «Щит и меч». Въехав на территорию, откуда начиналась стройка, они запрыгали по неровностям кочковатой дороги.

Щеглов ехал в центре колонны, в одном из микроавтобусов с бойцами ОМОНа. На коленях у него лежал автомат Калашникова. Полковнику сейчас очень не хватало дареного «перначка» с золотым курком.

Голову Щеглова закрывал шлем-сфера. Когда автобус затрясло на ухабах, он несколько раз стукнулся своей сферой о стену, о поручень и о шлем сидящего рядом бойца.

Полковник выругался и тут где-то впереди рвануло. Их опередили.

— Тормози! — приказал Щеглов водителю. Тот резко нажал на тормоза, и идущая следом машина ударила в задний бампер автобуса. Колонна смешалась. Бойцы высыпали наружу и без всякой команды заняли позиции за разбросанными там и сям бетонными болванками и плитами.

Идущий первым джип горел. Спереди и с боков по колонне били автоматные и пулеметные очереди. Противник засел именно в тех ключевых местах, которые собирался занять сам Щеглов. Если еще и сзади ударят, пиши пропало. Ни о каком захвате противника и речи быть не могло. Отбиться бы, живыми уйти.

Щеглов вспомнил о резерве. Тарасов, конечно, и сам услышал выстрелы, но связаться с ним было сейчас далеко не лишним. Полковник достал трубку мобильного и набрал номер. Но вместо сигнала он услышал только шум помех. Глушат, что ли, сволочи?

Неожиданно в трубке захрипел незнакомый голос.

— Синицын. Синицын, как слышишь? У меня огневой контакт. Зайди слева. Прием.

И тут же другой, знакомый Щеглову голос, ответил.

— Слышу нормально, приказ понял...

Щеглов аж вспотел от неожиданной радости. Надо же, случайно вклинился в переговоры по рации. Значит Синицын где-то рядом! Вот оно, спасение.

Только бы волна не ушла. И он заорал в трубку.

— Алло. Сеница! Это я, Щеглов! Выручай. Меня зажали какие-то бандюки. Где ты? Ответь!

И к великой радости полковника Сеницын его услышал.

— Глеб? Слышу тебя нормально. Помочь не могу. Веду бой. Тут какая-то банда на тачках прорывается...

— Что?

Щеглов чуть не задохнулся от бешенства.

— Прекратить огонь! Немедленно всем прекратить огонь! — заорал он. — Здесь работники милиции! Милиция тут, вашу мать!

И его услышали. Стрельба начала стихать, потом и вовсе прекратилась. С разных сторон слышались крики.

— Хорош шмалять!

— По своим же, блин, лупим!

— Это майор Сеницын! Прекратить огонь!

«Выходит, Сеницына те, другие подписали? Вот тебе и спецоперация», — подумал Щеглов.

Из темноты показалась фигура человека.

— Не стреляйте, — сказал он. — Я полковник Карцев. Спецмилиция, Восьмое управление МВД России. А вы кто?

Щеглов поднялся во весь рост.

— Полковник Щеглов, Управление спецслужбы МВД Российской Федерации.

— Какого ж ты хрена тут делаешь?..

— А ты какого хрена?..

Бойцы противоборствующих сторон тоже стали подниматься. Они смотрели на поле боя, словно только что очнулись от кошмарного сна.

В этот момент со стоящих в отдалении недостроенных домов ударил свет мощных прожекторов. Все окончательно растерялись. Усиленный мегафоном голос прогремел.

— Прекратите сопротивление! Приказываю всем немедленно сложить оружие!

— А это что еще за хренотень такая? — удивился Щеглов.

— Я полковник Рыбаков. Вы окружены силами спецназа ФСБ. В случае сопротивления вы будете уничтожены. Приказываю немедленно сложить оружие!

Выругавшись, Щеглов бросил автомат на землю. Его примеру последовали остальные. Из темноты в освещенное пространство медленно втягивались большие автобусы. В них предстояло разместить пленных.

Под покровом темноты силы покровской братвы собрались возле загородной базы милиционеров-оборотней. Территория бывшего пионерского лагеря была велика, но большая ее часть была заброшена. Зато сама база была обнесена высоким бетонным забором. Пространство перед ним ярко освещалось прожекторами. Что творилось внутри, разглядеть было невозможно.

Посланный заранее разведчик доложил, что с территории базы еще засветло выехало четыре джипа с эмблемами в виде щита и меча на дверях, битком набитые вооруженными людьми.

— Это хорошо, — отметил Черкес. — Думаю, что народу внутри осталось

немного. И взять их лучше всего нахрапом. Не подкоп же рыть.

Ворота решили таранить одной из имеющихся в распоряжении штурмующих машин. При этом Черкес посмотрел на Крюкова. Тот сразу вскипел.

— А почему моей? У тебя тачек, как грязи, а у меня эти колеса — последние!

— Да ты пойми, она же у тебя бронированная, а мои все — иномарки. Корпус — бумага с жестью, пальцем ткни, и продавишь. Не ехать же сейчас на трассу грузовик угонять. Да твою двадцатьчетверку и рихтовать не придется, я ей новый капот поставлю и крылья. Не то, что это старье.

В конце концов Крюков согласился. Тем более, что ему самому не терпелось поскорее проникнуть внутрь вражеской крепости. В экипаж к нему напросился Черкес с двоими самыми надежными телохранителями. Остальные бойцы должны были штурмовать забор по периметру, либо идти за «рябухой» во втором эшелоне.

Крюков боялся, что возле ворот окажутся бетонные надолбы. Но их не было. Хозяевам базы не могло прийти в голову, что их территорию будут штурмовать какие-то обнаглевшие отморозки.

Крюков дал газу и с разгону протаранил ворота. Мощный стальной швеллер, стоявший у «рябухи» вместо переднего бампера, сокрушил преграду с такой же легкостью, с какой таран старинной галеры пробивал борт вражеского корабля.

Толстые пуленепробиваемые стекла в «рябухе» можно было мгновенно опустить нажатием кнопки. Крюков сделал это и телохранители Черкеса получили возможность вести огонь с обоих бортов. Поскольку они были первыми, кто ворвался на вражескую территорию, то тут же открыли автоматный огонь по всему, что двигалось.

Охрана ворог была захвачена врасплох и ударилась в паническое бегство. Следом за «рябухой» на территорию базы въехало еще несколько машин с братвой. Они не успели остановиться, как из них горохом посыпались покровские боевики. Откуда-то из-за построек базы послышались выстрелы и крики. Значит, братва прорвалась и там.

Теперь очередями стреляли только перепуганные защитники базы. Тем было все равно, кого косить — своих или чужих. Нападающим приходилось проявлять крайнюю осторожность. Постепенно сопротивление было подавлено, отстреливалась только небольшая группка в главном здании.

— Это дьяконовские, — сообщил сыщику Черкес. — Знают, суки, что живыми брать не будем, вот и отбиваются. А ЧОПовцы давно сдались.

— Что с ними делать будешь? — спросил Крюков.

— А что мне с ними делать? Бабок за них теперь все равно не дадут. Убивать — ты не дашь.

Возьму с собой, а по дороге выкину... голыми! Вот пацаны ухочутся!

Крюков тем временем обследовал темные закоулки захваченных помещений. В одной руке он сжимал верный обрез, в другой серебряный щегловский «пернач» с золотым курком и спусковым крючком. В одном темном коридоре он чуть не нарвался на пулю. Она ударила рядом с головой. Выяснить, кто и почему стрелял, было некогда. Опер в ответ шарахнул дуплетом из обреза. Больше из темноты не стреляли.

Он ожидал найти Эльвину в каком-нибудь сыром подвале, но обнаружил в комнате второго этажа главного здания. Комната, правда, была без окон, но

вполне комфортабельная. Даже с душем, туалетом и телевизором.

Эльвина бросилась ему на шею.

— Я думала, ты не придешь, — прошептала она.

— Тебя здесь не сильно били? — озабоченно поинтересовался Крюков, разглядывая ее в поисках увечий.

— Нет, только пугали. Требовали сказать, где спрятаны номера счетов Ложкина.

Крюков бегло осмотрел комнату. При виде унитаза лицо его искривилось в болезненной гримасе. И тут позолоченный. Помешались они на золотых унитазах, что ли?

Дверь в комнату распахнулась, на пороге показался один из телохранителей Черкеса.

— Там этот, Чистильщик, — торопливо сообщил он.

— Что, взяли? — обрадовался Крюков.

— Не...

— Убили?

— Не...

— Опять ушел?

— Не...

Крюков подумал, чтобы еще можно спросить, но не нашел. Варианты иссякли. Решил пойти посмотреть лично. Эльвина неотступно следовала за ним.

Возле большого кабинета столпились братки-победители. Они горячо обсуждали какое-то событие. Крюков с Эльвиной с трудом протолкались сквозь их ряды. Если бы не могучий телохранитель Черкеса, им это вообще вряд ли удалось бы сделать.

Черкес с группой приближенных стоял посреди кабинета. Все смотрели на то место, где у нормальных людей висит люстра. Здесь люстра, роскошная, из бронзы и хрустала, валялась на полу, разбитая вдребезги. Вместо нее под толком болтался человек. Приглядевшись, Крюков узнал Толю Гарамнова.

За спиной сыщика тихо вскрикнула Эльвина. Хорошо, что в обморок не упала, хотя и попыталась. Он поддержал ее, помог сесть в стоявшее поблизости кресло. Потом вскарабкался на письменный стол. Ему подали стул. Сыщик поставил его на стол и влез на него. Теперь его лицо находилось чуть ли не на одном уровне с посиневшим лицом трупа.

Это действительно был киллер Гарамнов. Крюков пристально оглядел его. Потом почему-то постучал по правому плечу. Звук получился глухой, словно он стучал по дереву. Правый карман куртки повешенного сильно оттопыривался. Крюков осторожно засунул туда руку и быстро вытащил, словно наткнулся на змею. Братва внизу вздрогнула.

— Уколотся, — пояснил сыщик.

Он снова залез в карман к висельнику и извлек из него большую обувную щетку. На ней корявыми буквами было нацарапано: «Черкес». Крюков бросил щетку авторитету.

— Это, кажется, предназначалось тебе.

Тот поймал ее, повертел в руках, прочитал. Потом осклабился и показал братве.

— Ха, сука, не успел! Самому пригодилось! Хотел бы я посмотреть, как он в петлю лез.

Крюков спрыгнул на пол.

— Я бы тоже хотел. Тем более, что залез он в нее не сам. У него правое плечо в гипсе. Он бы в жизни не смог в одиночку завязать петлю, зацепить за крюк и забраться в нее. Да и щетка лежала в правом кармане.левой рукой он бы в левый карман и положил. Так что задушили его внизу, а потом подтянули петлей кверху. Думаю, экспертиза это установит.

— Так он что же, не Чистильщик? — озадаченно протянул Черкес.

— Не знаю, — развел руками Крюков. Но на твоём месте я бы пока особенно не высывался. От настоящего Чистильщика у меня вот — сувенир остался.

И он помахал перед авторитетом серебряным пистолетом с золотым курком.

— Ладно, утро покажет, — сказал авторитет. — Поехали отсюда.

И все потянулись к выходу.

* * *

А утром случилось невероятное. От здания следственного управления генеральной прокуратуры по всему городу разъехались автобусы с бойцами в черной униформе и шапках-масках, вооруженными автоматами. Люди в черном вламывались в святая святых — кабинеты милицевских руководителей самого высокого уровня, укладывали их хозяев носом в пол и приступали к привычной процедуре обыска.

У окна в кабинете генерала Амфибьева стоял человек в черной униформе и рассматривал храм Христа Спасителя, напоминавший привидевшуюся Руслану голову богатыря в золотом шлеме. В кабинете генерала полным ходом шел обыск. Толстый хозяин, бледный, в расстегнутом кителе, сидел в кресле и глотал валерьянку.

Полковник ФСБ Рыбаков остановился возле него и взял трубку телефона.

— Позвоните Щеглову, — приказным тоном велел он. — Пусть он немедленно явится к вам. Найдите какую-нибудь важную причину. Но не перегибайте, нельзя его спугнуть...

Полковник Щеглов снял телефонную трубку в своем кабинете и внимательно выслушал то, что ему сообщил генерал.

— Да, сейчас буду, — ответил он и положил трубку.

Вчера после стрелки его и остальных задержанных сотрудников милиции отпустили. И он, и Карцев из «восьмерки» непоколебимо стояли на своей версии. Они, якобы, получили оперативную информацию о бандитской стрелке и выдвинулись на место. Оказалось — это провокация. В результате обе группы чуть не поубивали друг друга. Кому это было нужно? Криминалу, террористам, олигархам. Мало, что ли, у нас мерзавцев, которые злорадно потирают руки, когда гибнут сотрудники милиции?

Правда, охранников из ЧОПа задержали на предмет выяснения личности. Это было плохо.

Среди них были двое, находящихся в федеральном розыске, еще троих уволили из милиции за чистый криминал.

Короче, Щеглов понял, что «час икс», к наступлению которого он так долго готовился, настал. Конечно, главного он не сделал — не нашел денег Ложкина. Но и того, что успел собрать, ему хватило бы на три жизни.

Он нажал кнопку селектора.

— Лариса, найди Тарасова и оба срочно ко мне.

Когда секретарша и помощник вошли в кабинет, он коротко бросил.

— Пять минут на сборы. Мы уходим.

* * *

Когда Крюков приехал в управление, там царила невероятная толчея и сумятица. Операцией руководил фээсбэшник — полковник Рыбаков. Под ногами крутился следователь прокуратуры Кибальчич и всем мешал.

Крюкова, как находящегося в розыске, сразу задержали. Около часа он потратил на то, чтобы объяснить, что пистолет, из которого были совершены инкриминируемые ему убийства, и который находился у экспертов, не его. А его табельный пистолет тихо-мирно лежал в его ячейке в оружейной комнате.

Дежурный по управлению Михалыч дождался, пока Крюков выйдет из кабинета, занятого следователем.

— Слушай, Крюк, как же это получилось? Я же твой пистолет у тебя, как сейчас помню, брал. Потом, мне говорят, он исчез. Потом ты позвонил и сказал, чтобы я, значит, затихарился. А потом снова позвонил и сказал, чтобы я в твоём столе посмотрел. Там, дескать, он и лежит, под газеткой. Так оно и вышло.

— Спасибо, Михалыч, с меня бутылка, — поблагодарил его Крюков. — Я ведь давно понял, что Щеглов какую-то пакость задумал. Поэтому когда, с понтом, заначку из ствола вынимал, вместо своего ствола сунул тебе газовый переточенный. Я же знал, что ты проверять не будешь. И Щеглов не стал, когда его на место преступления подбрасывал. Некогда было. Раз взял из моей ячейки, значит мой. Ну ладно, не тормози, проехали.

Всюду, куда бы Крюков не появился, он натыкался на неутомимого Тэтэ. Крюков не собирался прощать ему подлости и смерть Баранова. Он бросился к своему столу, вытащил нижний ящик и извлек из щели небольшой пакет, в котором были меченые деньги Смотрчука вместе с его распиской. После чего вернул ящик на место.

Когда Тэтэ в очередной раз оказался рядом, сыщик сунул деньги ему в карман и заорал:

— Скорее сюда. Я оборотня поймал!

Узнав, что дело касается общего любимца Тэтэ, Крюкову бросился помогать с десятков доброхотов. В кабинет Кибальчича доносчика доставили изрядно помятым.

— Вот, еще один оборотень, — Крюков демонстративно достал у него из кармана пачку долларов и тут же посветил кварцевым фонариком.

На купюрах ярко засветилась надпись «Взятка».

— А вот заявление потерпевшего, — Крюков жестом фокусника извлек из другого кармана перепуганного стукача мятую бумажку.

— Разберемся, — многообещающе улыбаясь, сказал Рыбаков. — Уведите его.

В кабинет следователя вошли парни в черном и уволокли пронзительно верещавшего майора Тэтэ.

Приехавший с Рыбаковым милицейский генерал приказал построить весь личный состав управления. На построении выяснилось, что отсутствуют временно исполняющий обязанности начальника управления полковник Щеглов и временно исполняющий обязанности начальника второго отдела под-

полковник Тарасов. Никому кроме Крюкова не пришло в голову обратить внимание на отсутствие еще одного сотрудника — секретарь-уборщицы Ларисы. Он поделился открытием с начальством.

— А она-то здесь причем? — брезгливо скривился милицейский генерал.

— Кто знает? Может быть, она даже очень при чем, — Крюков пристально посмотрел на полковника ФСБ Рыбакова.

Тот отвел глаза и буркнул.

— Где ж их теперь искать? Поди упорхнули в дальние края.

— Думаю, они здесь, поблизости, — сказал Крюков. — Если ваши орлы и ребята из СОБРа уже отдохнули, пусть собираются. Там дверь — из пушки не прошибешь.

— Где это? — с недоверием прищурился фээсбэшник.

— Пошли покажу, — столь же нелюбезно отозвался Крюков.

* * *

Щеглов проверял оружие. Тарасов жег на кухне в духовке какие-то бумажки и одновременно курочил жесткий диск компьютера. Лара была откровенно испугана.

— Что, ссышь, когда страшно? — осклабился Щеглов.

Сейчас даже чеховская бородка не придавала ему интеллигентности. Перед Ларой был обыкновенный мелкий хищник, загнанный в угол.

— Ну что же, идея о мировом господстве лопнула как мыльный пузырь, — констатировал полковник. — Придется переквалифицироваться в управдомы.

Он крепко, до боли в суставах стиснул Лару за плечи, потом оттолкнул и швырнул ей большую сумку.

— Выйдешь черным ходом. В сумке деньги и кое-какие документы. Сумеешь уйти, скройся на время. Я тебя найду.

Он подвел ее к двери в дальнем углу большой кухни и выпустил. Потом тщательно запер дверь. Тарасов смотрел на него с неудовольствием.

— Зачем ты ее отпустил?

Хочу дорожку проверить. Если чисто, мы уйдем следом. А может быть, нас и там уже ждут. Тогда останется одно. Мой большой сюрприз.

Он извлек из шкафа взрывное устройство.

— Килограммов на пять в тротиловом эквиваленте потянет, — пояснил он. — А там, в шкафу, мешок на пятьдесят килограммов. Если этот маленький взорвется, то и большой от него сдетонирует. В общем, от этого дома вряд ли что-то останется. А взрыватель — видел такой? Называется контрснайперский. После его активизации, остается только держать нажатой вот эту кнопку. Если меня убьют или даже ранят и я ее отпущу, будет большой «бум»! Ну, как идея? Свалить не хочешь? Путь свободен.

Тарасов понял, что начальник его проверяет.

— Я останусь с тобой. Авось отсидимся, а нет, так отобьемся. Ты уже активизировал взрыватель?

— Еще нет. Дождемся первого нападения индейцев. А сейчас можно выпить. — И Щеглов направился к роскошному бару...

Тем временем Лара беспрепятственно вышла на улицу через грязную дворницкую. Сначала она быстрым шагом пересекла улицу. Там, уткнувшись в мусорные баки, стояли грязно-белые «Жигули». Лара открыла багажник и вынула из сумки большой целлофановый пакет с деньгами. На пакете стояла пе-

чать. Надпись на бирке гласила: «Вещественные доказательства. МВД РФ».

Лара бросила деньги в багажник, захлопнула его и вернулась на угол к дворницкой. Здесь она достала трубку мобильного и набрала номер.

— Алло, полковник Рыбаков? Это я. Документы у меня. Деньги? Нет, денег нет. В квартиру можно попасть через черный ход. Я жду на углу.

Тем временем попытки взять «нехорошую квартиру» штурмом в лоб терпели одну неудачу за другой. Взорвать дверь было нельзя, потому что ветхий дом мог не выдержать взрыва. Сверло не брало легированную сталь двери и замка. Устройство «крокодил», специально предназначенное для взлома дверей, не за что было зацепить. Звонок Лары раздался как нельзя вовремя.

Высланная группа захвата нашла ее все на том же углу.

— Они не выходили? — спросил командир группы.

— Не уверена, я отбегала... пописать, — призналась Лара и протянула командиру горсть пальчиковых батареек. — На, держи, ребенку в плеер вставишь.

— Что это? — не понял он.

— Это из взрывателя. Так, на всякий случай, — улыбнулась Лара.

Когда бойцы группы захвата ворвалась с черного хода в квартиру, они увидели распростертое на полу возле бара тело полковника Щеглова. Он сжимал в руке газовый пистолет, переточенный для стрельбы боевыми патронами. Голова полковника была залита кровью...

Глава девятая

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

Днем Крюков заехал за Эльвиной. Она переночевала у себя дома. Теперь она смогла позволить себе такую роскошь. Крюков разделял ее мнение.

— Денег Ложкина не нашли, зато теперь тебе нечего бояться, — сказал он, когда Эльвина уселась к нему в «рябуху». На этом наши дороги, в общем, расходятся. Проживешь без меня?

— Попробую, — ответила она. — Но на всякий случай запиши мои адрес. Есть бумага?

— Поищи в бардачке, — предложил сыщик.

Эльвина открыла крышку и ей на колени выпала фотография.

— Что это?

Это была фотография Волкова и дочери бизнесмена Ложкина. На ней они были молодые, счастливые. И живые.

Крюков нахмурился.

— Это так... Осталось на память от товарища. Он погиб очень давно. В самом начале всей этой истории.

Эльвина перевернула фото и тихонько охнула.

— Ты чего? — вздрогнул Крюков. — Опять, что ли, началось?

— Это... — Эльвина указывала на оборот фотографии, — это реквизиты, коды и номера счетов Ложкина.

Крюков некоторое время смотрел на нее дурак-дураком.

— Получается, они все время валялись у меня в бардачке? И в овраге, и в автосервисе... Забавно...

— Но как они попали к тебе? — Эльвина была ошарашена не меньше сыщика.

Крюков так напряг извилины мозга, что они задымились.

— Вероятно, они хранились у секретарши Ложкина. Мясники Щеглова заставили ее им отдать, но тут появился Волков, убил уродов, а номера счетов записал на обороте своей фотографии. Он подозревал, что может не дойти до дома, меня засвечивать не захотел. А может, просто подстраховался. Короче, он нашел мою машину и бросил фотографию в шелку между стеклом и дверной рамой, которую я всегда оставляю для вентиляции в машине. Нет, подумать только! Мы с тобой искали эти счета, нас из-за них чуть не угрохали, а я, как дурак, возил их все это время с собой в бардачке! Что ж, поздравляю тебя со счастливым концом нашей страшной сказки.

Он запустил двигатель.

— Куда мы теперь? — спросила Эльвина.

— Надо же забрать твои вещи у Альбертыча. А то он завтра выписывается.

* * *

Открыв дверь в квартиру Альбертыча, Крюков сразу почувствовал, что в доме кто-то есть. Из кухни пахло вкусным и жареным.

— Хозяин дома? — громко спросил сыщик.

К удивлению его и Эльвины из кухни появился подполковник Тарасов, оборотень в погонах, который в настоящий момент находился в федеральном розыске.

— А ты как сюда попал? — как бы между прочим поинтересовался у него опер.

Тарасов пожал плечами.

— Стреляли. В смысле — стреляли там, где я был. Пришлось перебраться сюда. Надеюсь, братцы, вы меня не заложите? Дело-то житейское. Вчера тебя ловили, сегодня меня. Кто знает, как завтра обернется? Я-то ведь знал, где вы прячетесь, но никому не сказал. Теперь надеюсь на взаимность.

Крюков махнул рукой.

Э, алаверды так алаверды. Живи, что с тобой делать. Как там в песне пели? Я не шкаф и не музей, чтоб вешать собственных друзей! Предоставим это другим. Только имей в виду, что завтра Альбертыча должны выписать из больницы. Он будет приятно удивлен твоим визитом. Так что с ним сам утрясай.

Услышав мнение Крюкова, Тарасов повеселел. Он боялся другого ответа.

— Завтра меня здесь не будет — заверил он. — Мне бы только день простоять, да ночь продержаться.

Эльвина прошла в комнату и пнула объемистую сумку, стоявшую возле дивана.

— А моего мнения никто не хочет спросить? Может, я не хочу покрывать преступника?

Крюков поморщился. За последние дни он вымотался, как вьючная ацтекская собака. Эту ночь поспать тоже не удалось. Давили оборотней, давили... Он прямо-таки упал в кресло и закрыл глаза.

— Знаете что, ребята? Разберитесь на этот раз без меня. Разбудите, когда договоритесь.

Он вытянул ноги и моментально провалился в сон. Сколько он проспал, неизвестно, но когда открыл глаза, никакой сонливости не испытывал. Проснулся, как по тревоге. Почему? Сработал инстинкт?

С кухни время от времени доносились тихие сдержанные голоса. Значит, Эльвина с Тарасовым пришли к консенсусу? Но что же тогда его насторожило?

Он понял это через секунду, когда Володя Тарасов вполголоса, видимо автоматически, не отдавая себе отчета, пропел: «Ко мне, друзья, чистильщик я!»

Одним прыжком Крюков вылетел из кресла и оказался возле двери. И здесь он услышал кое-что любопытное, от чего кровь застыла у него в жилах, а волосы встали дыбом.

— Его нужно убить, — громким шепотом настаивала Эльвина.

«Вот это хохма. Интересно, кого это нужно убить»? — подумал сыщик, и отказался от мысли немедленно войти на кухню и прямо об этом спросить.

— Тихо! Услышит, — зашипел в ответ Тарасов.

Эльвина ответила чуть громче, в ее голосе слышалось пренебрежение.

— Ни фига он не услышит. Он двое суток не спал, его из пушки теперь не разбудишь. Повторяю, твоего придурка необходимо грохнуть! Сейчас он единственный, кто реально может нам помешать. И тогда год работы пойдет псу под хвост. Тебе хорошо говорить. Не ты же спал с этим козлом Ложкиным. До сих пор как вспомню, так дрожь пробирает!

Но Тарасов стоял на своем.

— Все равно я не согласен. Давай просто его отключим. Он же до сих пор ничего не понял. И дальше не поймет. А временно обезвредить его можно, да-

же нужно. Клофелина в водку, что ли, подсыпать?

Эльвина вдруг превратилась в настоящую фурию. Крюков никогда бы не подумал, что она может стать такой гадиной. И это после всего хорошего, что он хотел для нее сделать!

— Может быть, у тебя есть клофелин? — прошипела она. — Нет? И у меня нет. Поэтому заткнись. А если тебе сопли не позволяют, это сделаю я. Войду и убью, пока он там храпит. По крайней мере, он умрет счастливым.

Тут Крюков окончательно убедился, что разговор, как ни странно, идет о нем. Сунув руку под куртку, он вспомнил, что пистолет с золотым курком и обрез остались в машине. Не повезло. Только он решил было переместиться к входной двери, как на пороге комнаты появилась Эльвина. В ее руке чернел газовик с переточенным стволом.

— Проснулся? — спросила она недовольно. — Жаль. Говорят, во сне умирать легче. Но так даже лучше. Не придется обыскивать твой хладный труп. Не люблю мертвецов. Давай фотографию.

За ее спиной показался смущенный Тарасов. Крюков оживился.

— Володя, а что это за песню ты пел?

Тарасов смутился еще сильнее.

— Услышал? Это песня такая. Из старого фильма. Про чистильщика.

Крюков покачал головой с укоризной.

— Ай-яй-яй! Володя, как не стыдно? Так это ты? Ты был Чистильщиком? Столько народу завалил.

Тарасов не счел нужным отпираться: какой смысл обманывать без пяти минут покойника?

— Ну, допустим, я! И что это меняет?

Крюков пожал плечами.

— В общем, конечно, ничего не меняет. Все логично и предельно ясно. Ты же служил вместе с Гарамновым, то есть осваивал ту же науку убивать. Значит, ты все это время подставлял его. Ты же его и повесил?

Тарасов усмехнулся.

— Конечно. Я же знал, что ты в курсе, что все наши уедут на стрелку. И не упустишь случая заглянуть на базу, чтобы освободить Эльку. Вот и оставил вам подарок. Признаюсь тебе, что и Щеглова я замочил. Он собирался надевать глупостей. Представляешь, дом взорвать хотел...

— Ну, допустим, дом взорвать собирался ты, а не Щеглов, — перебил его Крюков. — Вон, дистанционный пульт для взрывателя на столе лежит. Ты Щеглова замочил и хотел замести следы. Не так?

— А хотя бы и так! Но учти, я был против того, чтобы убивать тебя. Это все Элька...

Крюков потер глаза, вытирая невидимые слезы, и всхлипнул.

— Спасибо. Ты настоящий друг.

Эльвине надоело слушать их треп. Она направила пистолет Крюкову в голову.

— Хватит болтать, а то меня сейчас стошнит. Оставь фото и можешь катиться ко всем чертям.

Крюков помедлил, как бы раздумывая, потом вынул из кармана фотографию и положил на стол.

— Надеюсь, ты меня не убьешь? — он посмотрел Эльвине в глаза, но увидел

в их глубине только безумную жадность.

— Назови хотя бы одну причину, почему я не должна этого делать? — предложила она.

Крюков скорчил обиженную гримасу.

— Как? После того, что было? А наша любовь? А твои бесконечные оргазмы? Вот так: трахаешь человека, стараешься для него. Все силы отдаешь. А он тебя потом убить хочет. Но мы же не скорпионы?!

Эльвина презрительно усмехнулась. Ствол ее пистолета чуть дрогнул. Со всем немного, но Крюкову этого хватило. Он рванулся навстречу выстрелу. Тот прогремел с запозданием, пуля ушла в стену. Крюков попытался выбить оружие из рук Эльвины, но ему помешал Тарасов.

Оттолкнув его, сыщик бросился к двери. Замок был ему знаком, но, как нарочно, его собачку заело. Возня с упрямым механизмом заняла всего пару секунд, но Эльвине хватило их, чтобы высунуться в коридор и сделать последний выстрел.

Крюков уже сделал шаг на лестничную площадку, когда почувствовал мощный удар в спину. Пуля отшвырнула его прямо на дверь соседей. В этот момент они как раз выходили из своей квартиры. Седой мужчина застыл в изумлении на пороге, тогда как его жена испустила поистине ультразвуковой визг.

— Вызывайте милицию, — прохрипел Крюков из последних сил и вырубился.

Краем гаснущего сознания он все же отметил, как хлопнула дверь в квартиру Альбертыча. Пауки закрылись в банке. Отключаясь, он мысленно пожелал им приятного аппетита.

* * *

Крюков очнулся от резкого запаха нашатыря. Лицо было мокрым: видимо сердобольные хозяева все это время щедро поливали его холодной водой. По квартире ходили люди в защитном снаряжении милицейского ОМОНа. К Крюкову наклонился один из них, с погонами майора.

— Жив, капитан? — спросил он.

Крюков догадался, что спецназовец уже посмотрел его удостоверение.

— Пока вас не было, чувствовал себя прекрасно.

— У тебя дыра в спине, — просветил его майор.

Крюкова это известие привело в ужас.

— Как? Вторую подряд куртку продырявили, гады! Вторую!

Бойцы, бывшие поблизости и хозяева квартиры расхохотались.

— А сам-то цел? — спросил одни из них.

— Ясный пень, нас же со вчерашнего дня всех в бронежилеты одели. Общегородская операция по отлову оборотней, блин!

Из коридора послышался громкий шум. Его источником оказался следователь Кибальчич.

— Где свидетели?! — орал он.

— Мы здесь, — признались оторопевшие соседи.

— Итак, еще раз. Как было дело? — тут же пристал к ним следователь.

Супруги принялись сбивчиво рассказывать, как им под ноги из соседней квартиры выкатился капитан Крюков, а вслед ему прозвучал выстрел. Потом дверь захлопнулась и выстрелы повторились. Раздались крики, звон стекла и

все затихло.

— Крюков, ты был в этой квартире? — спросил Кибальчич сыщика. — Сколько их там?

— Было двое, — ответил опер.

— Ломайте дверь! — приказал следователь майору.

В коридоре забухали тяжелые ботинки. Дверь у Альбертыча была далеко не бронированная и вылетела с третьего удара.

Крюков, охая и кряхтя, поднялся при помощи соболезующих супругов и направился в квартиру Альбертыча. Дверь валялась на полу, сорванная с петель. Крюкову стало жалко Альбертыча. Не привез бы он сюда Эльвину, возможно, всего этого и не произошло бы.

Эльвину и Тарасова он нашел в комнате. Рядом с их телами уже суетился Кибальчич. Сыщик приблизился. Тарасов лежал на спине и смотрел в потолок широко открытыми глазами. Между глаз у него чернела аккуратная дырочка. Эльвина распростерлась под распахнутой дверью на балкон. Ей пуля вошла куда-то в область сердца. Оружия ни в ее руках, ни в руках Тарасова, не было.

В судорожно сжатых пальцах Эльвины была зажата фотография. Крюков с трудом сумел вытащить ее.

— Что это? — Кибальчич оказался тут как тут и моментально сунул нос в находку.

— Фотография, — сыщик протянул ее следователю.

На фото были изображены выходящие из подъезда Володя Тарасов и Толя Гарамнов. Кибальчич повертел фото в руках, потом перевернул и посмотрел на обороте.

— А что за цифры? — спросил он.

Крюков сделал удивленное лицо и пожал плечами.

— Не знаю, какой-то бессмысленный набор. По-моему это выигрышные номера в «Русское лото». Во всяком случае, следует приобщить эту улику к материалам следствия.

— Да-да, конечно, — Кибальчич убрал фотографию в целлофановый пакет.

Крюков решил, что больше ему в этой квартире делать нечего и направился к выходу.

* * *

Прошло несколько дней. Журналистка криминальной хроники Лара Чертовская все-таки дождала Крюкова своими настоятельными просьбами дать развернутое интервью.

— Я же не требую у тебя устроить пресс-конференцию, — объясняла она. — Просто у меня эксклюзивное право от правоохранительных органов сделать передачу, разоблачающую банду милицейских оборотней. А твое расследование будет в этой передаче центральным. Уверяю тебя, на встрече будут присутствовать только свои. Самый узкий круг.

В конце концов, он сдался. Управление пока оставалось без руководства. Начальник управления погиб, а временно исполняющий обязанности его заместителя полковник Галкин от служебных бурь укрылся в госпитале на профилактику. Так что наказать сыщика за самоуправство было некому.

«Узкий круг» собрался в уютном старинном особнячке, затерянном среди высотных кирпичных домов арбатских переулков. Подъехав к особнячку, сыщик тут же столкнулся нос к носу с перспективным политиком Мокиным. Тот

как раз вылезал из своего новенького «майбаха».

Значит, вот как Лара понимала «узкий круг»! Крюков не преминул высказать ей, что думает по этому поводу. В уютном, обставленном с вопиющей роскошью зале, собралось человек десять-двенадцать. Мокин с секретаршей, какие-то непонятные типы, и пара приглашенных Крюковым зрителей-инвалидов — Женька Шабанов и Альбертыч.

Крюков вошел в комнату с видом приглашенной эстрадной звезды и обратился к присутствующим.

Извините, ребята, но то, что я собираюсь вам сообщить, строго конфиденциально. Поэтому я должен каждого из вас раздеть и проверить, петли скрытых микрофонов. Прошу в ту комнату. Лариса, ты как хозяйка должна подать пример.

С этими словами он затолкал журналистку в соседний кабинетик? Здесь тоже все было по-простому. Письменный стол, книжные шкафы, бронза, камин.

Крюков толкнул Лару на диван. Под его суровым взглядом она начала раздеваться. Он же гневно проговорил.

— Деточка, ты развела меня как последнего лоха. Твое журналистское расследование — туфта, пурга для отвода глаз. Если я правильно понял, ты не только и не столько журналист, сколько агент ФСБ.

Поскольку Лариса была уже голой, то покраснела она не только лицом, но и всеми частями тела. Получилось ужасно пикантно.

— И что из этого следует? — спросила она. Крюков театрально развел руками.

— Ничего. Это не первая тайна, которую я унесу в могилу. Я не сторонник служебных разоблачений. Но вот твоим кураторам из ФСБ может не понравиться, что ты еще и подрабатываешь у Мокина.

На этот раз выстрел прошел мимо цели. Лара усмехнулась с пренебрежением.

— Чтобы ты знал на будущее, я и Мокин расписываемся за деньги в одной ведомости.

Это было и в самом деле интересно. Крюков помолчал, переваривая услышанное.

— Ты знала, что твоего друга убила Эльвина? — спросил он. — Она взяла твою куртку, а Борис принял ее за тебя. Бабки Щеглова ты взяла?

Лара дерзко вскинула подбородок.

— Я, но только половину. Другую я отдала жене Бориса. Можешь сам у нее спросить. Там получилось немного, тысяч по сто баксов. Щеглов хранил их на мелкие расходы.

Крюков грустно вздохнул.

— Ну ладно, одевайся.

Лара опешила.

— Как одевайся? А когда же мы...

— Нет настроения. Потом как-нибудь. Бутылку-то хоть со своей добычи выставишь?

Когда они выходили из кабинета, Лариса все еще поправляла одежду. За ее спиной Крюков застегивал брючный ремень. Увидев устремленные на него удивленные взгляды, виновато улыбнулся.

— Пардон. Вот, решил и сам заодно провериться. Сейчас ведь такое время — никому нельзя доверять, даже себе.

В зале воцарилась напряженная тишина. Все ждали, кто же будет следующим. Нарушил гнетущее молчание Мокин. Он вскочил с места и прокричал тенорком.

— Я кандидат в депутаты, практически обладаю неприкосновенностью.

Рядом с ним выросла фигура его шестерки-телохранителя. Мордастый холуй нахально уставился на Крюкова, словно умоляя того хотя бы мизинцем попытаться нарушить неприкосновенность его господина. Но сыщик разочаровал обоих.

— Не беспокойся. Тебя я раздевать не буду, — сказал он.

А сам при этом подумал: «Эх, милый, ведь я мог бы заставить тебя заголиться прямо здесь».

Тут из кресла поднялась довольно объемистая дама. Взглянув на сыщика, она спросила с надеждой в голосе.

— Теперь мне раздеваться?

Крюков думал уже совсем о другом, поэтому посмотрел на нее с недоумением.

— Вам? Зачем? Нет, не нужно. Просто покажите язык. Вот так. Спасибо, достаточно.

Он обвел сосредоточенным взглядом остальных присутствующих. По Шабанову и Альбертычу и прочим особям мужского пола скользнул мимолетно, задержал глаз на секретарше политика Мокина. Потом решительно тряхнул головой.

— Нет! Да, я думаю, можно перейти к делу. — Он прошелся перед гостями и замер в позе оперного певца.

— Полагаю, присутствующих, — он посмотрел на затаившего дыхание Мокина, — интересует, главным образом, не история оборотней, а судьба денег Ложкина.

Не дожидаясь подтверждения, сыщик продолжил.

— Один из главных преступников, полковник Тарасов, работал в паре с сообщницей по имени Эльвина. Он подвел Эльвину под Ложкина. В прямом и переносном смысле этого слова. Через нее Тарасов собирался выгнать на деньги банкира. Но Ложкин заподозрил Эльвину или просто не доверял ей с самого начала. Во всяком случае, о деньгах он ей ничего не сообщил. Когда же на Ложкина стали наезжать вымогатели, он сделал неожиданный для них ход. Продал всю свою недвижимость и собрался по-тихому слиться из страны. Но он ошибся в одном: обратился за помощью к своему главному врагу. Щеглов и Тарасов нашли его и послали к нему своих мясников. Те выпотрошили банкира вместе с его родными и близкими, но денег не нашли. Тогда убийцы послали к секретарше Ложкина. Перед тем, как ее убили, она выдала номера счетов. Но тут объявился другой оборотень — опер Волков. Он любил дочь Ложкина и не мог простить убийцам ее смерти. Он убил мясников и забрал реквизиты вкладов Ложкина. Но и его самого убил Чистильщик.

Аудитория слушала капитана, затаив дыхание. Крюков покашлял, чтобы прочистить горло и продолжал.

— Как выяснилось, Волков перед смертью успел подбросить бумажку с номерами мне в машину. Я узнал об этом только недавно. За это время Эльвину

и меня вместе с ней не один раз могли убить. Я не сразу догадался, что Щеглов был не в курсе дел своего помощника Тарасова и про Эльвину ничего не знал. В свою очередь Щеглов так же дурил голову вышестоящим оборотням. Он собирался захватить все наследство Ложкина. В итоге наследником оказался я. Правда, ненадолго. На полчаса. После этого я получил пулю в спину, а Эльвина и Тарасов завладели счетами Ложкина. Что случилось дальше — не знаю. Возможно, в квартире прятался их сообщник, который и убил их, завладел номерами счетов и ушел через балкон. А возможно, что Эльвина и Тарасов просто перестреляли друг друга. Тарасов умер сразу, пуля попала ему в лоб, а Эльвина оказалась смертельно раненой. Тогда она уничтожила бумагу с цифрами и открыла балконную дверь, через которую выбросила оружие.

— Зачем? — не удержалась толстая дама.

— Да так, из вредности. Чтобы мы тут сидели и ломали голову, — пояснил Крюков. — Так или иначе, в настоящий момент след ложкинских денег потерян.

Тут слово взял политик Мокин.

— Скажите, а вы не думаете, что эта Эльвина могла и бумажку с банковскими реквизитами выбросить через балконную дверь? Из вредности пустить, так сказать, по ветру.

— В принципе, я такой возможности не исключаю, — согласился Крюков.

Из разных концов зала послышались тяжелые вздохи.

— Да, деньги немалые!

— А тут на партийную газету не знаешь, где найти. И это перед выборами!

— Можно было бы рабочим целый год зарплату платить.

— Реформы на месте стоят, потому что денег не хватает.

— А сколько кораблей можно было бы построить! Или лодку подводную. Самую современную в мире!

— Или небоскреб в Москве. Самый высокий!

Крюкову надоело выслушивать бред сумасшедших, и он кивнул Шабанову и Альбертычу.

— Пошли отсюда, ну их на хрен, мечтателей!

Но при выходе из зала дорогу ему заступил хамоватый телохранитель политика Мокина.

— Не спеши, с тобой еще не закончили говорить.

Сам Мокин уже был рядом. Он тут же насел на опера.

— Понимаете, молодой человек, перед нами стоят великие задачи. Родина нуждается в средствах. Вы должны найти эти деньги! Мы, подлинные патриоты...

Крюков отвернулся от него.

— Вам надо, вы и ищите. А мне работать пора.

С политика Мокина мигом слетел весь лоск.

— Ах ты, сучок легавый! Да как ты разговариваешь? Да ты... — Мокин вцепился в рукав его куртки. — Ну нет, ты так просто не уйдешь! Сережа, ну-ка, научи его уважать избирательную власть!

Хамоватый качок ударил резко и без замаха. Если кто-то думает, что у качков плохая реакция, забытые мышцы и все такое, может подойти к первому попавшемуся атлету и плюнуть ему в лицо. А потом поделиться впечатлениями от результатов эксперимента.

Но Крюков ждал удара, поэтому успел отклониться назад. При этом он опасно приблизился к почти неприкосновенной персоне Мокина, который все еще тянул его за рукав куртки.

Сыщик справедливо рассудил, что такой удобный случай в будущем может и не подвернуться. Поэтому он сделал резкое движение головой, протаранив лбом переносицу политика. Тот отлетел от опера, как резиновый мячик, и упал...

Телохранитель рванулся было к сыщику, но был смущен видом распростертого на полу подопечного, которого обязан был защищать до последнего вздоха. А тут вдруг такая неприятность. Он сам на ногах и дышит, а подзащитное тело летит в угол, вяло дрыгая ногами в полете.

Секунда заминки — верный проигрыш, если имеешь дело с опытным противником, а не кабацким поединщиком. Крюков нанес встречный удар, от которого свиноподобная морда шлепнула щеками и клацнула зубами. Не давая здоровяку опомниться, сыщик провел свою коронную боксерскую серию — левой в печень, правой в ухо, левой снизу в челюсть. И завершающий, — в открывшуюся голову, правой, с оттяжкой, чтобы удар болезненно отдался в плечо. Бабах!

Тяжелое тело упало с невероятным грохотом. Но затем в зале наступила мертвая тишина. Только Мокин, лежа на полу, обиженно прогундосил:

— Надеешься сам все найти и прикарманить? Предлагаю откат. Получишь одну десятую, но легально. Это же колоссальная сумма. А так ты же ничего с ними не сможешь делать. Подавишься!

Крюков галантно поклонился ему и стряхнул с рукава невидимую соринку.

— Благодарю. Предложи кому-нибудь другому. Или сам поищи. — И добавил печально. — Какие же вы все козлы!

Неожиданно по лестнице застучали кожаные подошвы дорогих ботинок. Крюков не мог их спутать с тяжелой поступью бойцов, но на всякий случай приготовился отразить новую атаку.

В зал вбежали трое сравнительно молодых людей в длинных плащах. Прогноировав присутствие Крюкова, они бросились в угол, где хныкал Мокин, и подхватили его под руки. При этом сделали они это довольно грубо. Столь же неуважительно они поволокли политика к выходу. На поверженного телохранителя пришедшие вообще не обратили никакого внимания.

— Ку-куда вы меня? — проблеял Мокин. — Что это за произвол?

На что один из черных плащей соизволил ответить.

— Это все, Мокин. Вот билеты на поезд до приграничной станции Сухэ-Батор. Тебя там уже ждут в консульском отделе с большим нетерпением.

И они потащили несостоявшегося политика вниз по лестнице.

* * *

Крюков свернул с трассы и запылел по направлению к детскому приюту Влада. Хакера он нашел среди руин котельной. Тот громко ругался с двумя сильно пьяными работягами. Увидев подъехавшего сыщика, он махнул ему рукой, отвесил пендаля одному из гегемонов и направился к «рябухе».

— Вот, начали котельную начали восстанавливать, но деньги кончились. Нормальные рабочие ушли, осталась вот эта пьянь. Да и с материалами напряженка.

Они прошли в кабинет Влада. Кроме компьютера на столе и двух стульев

другой мебели здесь не было.

— Извини, угощать нечем, — смутился Влад. — Как там Эльвина? Я думал, вы вместе приедете.

— Она не приедет. Убили ее, — признался Крюков.

Рассказывать подробности он не стал. Зачем еще расстраивать и без того расстроенного человека?

— Как твои дела? — спросил сыщик.

Влад оживился.

— Хочу прокрутить одно дельце. Уведу приличные бабки, есть откуда.

— А если выпасут?

— Сяду. Подумаешь! Один хрен, бабки надо где-то доставать. Зато приют какое-то время обеспечу. Много ведь не дадут, как думаешь?

Крюков посмотрел на компьютер. По виду машина мощная.

— У тебя выход в Интернет есть?

— Обижаешь, — усмехнулся Влад. — Что бы я без него делал?

Крюков протянул хакеру фотографию Волкова и Маши Ножкиной.

— Разберешься?

Влад углубился в цифры на обороте фотографии.

— Похоже на реквизиты банка и номера счетов. Чье это?

— Мое. Дарю. Откажешься — дураком будешь. Если разберешься, скачивай бабки хоть до последней копейки. Хозяина уже нет в живых.

Влад поцелкал мышкой, покликнул клавиатурой. Он долго сидел, напряженно вглядываясь в экран монитора. Крюков не мешал. Наконец хакер оторвался от экрана: глаза у него были, что называется, «по полтиннику».

— Слушай, это не деньги, — еле выговорил он. — Таких денег не может быть. Это второй государственный бюджет. Куда мне столько?

Крюков вяло махнул рукой.

— Брось, денег, как и водки, много не бывает. Постройшь нормальный приют. С котельной, бассейном. Если останутся, значит, построишь второй приют. Третий, десятый. Сирот и инвалидов у нас все равно больше. Организуешь фонд какой-нибудь, социальной защиты, например. Короче, разберешься. Тебя учить не надо.

Он поднялся.

— Поеду я, а то устал что-то.

Влад проводил его до машины.

— Спасибо не говорю, — сказал он на прощанье. — Но имей в виду, ты можешь приезжать сюда, когда захочешь. Здесь тебя всегда встретят, как дома. И здесь всегда будет твой дом.

* * *

Крюков вошел в управление, поднялся на второй этаж и вздрогнул. Из распахнутой двери кабинета начальника управления на него строго смотрел непотопляемый генерал Альпенгольд. Он жестом пригласил Крюкова войти и взялся за прежнее:

— Что это вы, капитан, уставились на меня, как козел на новые ворота, словно не узнаете? Думали, я помер или на повышение пошел? Не дождетесь! И прекратите жевать вашу жвачку! Как баран, ей-богу...

— Как верблюды, — поправил сыщик.

— Вам, Крюков, лишь бы пререкаться с вышестоящими по уму руководите-

лями. Кстати, угостите-ка меня вашей жвачкой, а то вчера назначение отмечали, и все такое...

Крюков протянул начальнику яркую пластинку жвачки. Тот прочитал ее название и наморщил лоб в очередной попытке постичь сущность вещей.

— Жвачка с курицей и мясом? Вот дожили! Это как бульонные кубики, что ли? — удивленно воскликнул он.

— Там написано с корицей и мятой, — поправил Крюков.

На этот раз генерал не стал уличать сыщика в пререканиях, а вдруг пожаловался.

— Шабанова вашего не просто восстановили, он теперь наш главк возглавил. Но вы, Крюков, не обольщайтесь! Не рассчитывайте, что я голый и босый буду отдавать вам честь. Зарубите себе это на голове.

Когда Крюков выходил из кабинета генерала, сзади донесся звук зуммера «вертушки». Генерал помчался к телефону.

В это время мимо капитана, прижавшись спиной к стене коридора, в направлении кабинета начальника проскользнул Тэтэ. Его недавно выпустили под подписку о невыезде. Крюкова он теперь боялся, как прокаженного.

Не успел Тэтэ войти в кабинет, как оттуда донесся рев генерала.

— Какого черта вы лезете?! У вас что, языка нет в дверь постучать?! Не видите, с кем я разговариваю? — И обратился к секретарше. — Лена, я же просил, пока я не кончу, никого в кабинет не впускать!

«Все возвращается на круги своя, — думал Крюков, идя по коридору, — а добро и зло — это сообщающиеся сосуды, вроде унитаза и бачка. Время от времени кто-то должен приходить и спускать воду, если дерьма накопилось слишком много».

Настроение у капитана было премерзкое. Очередная кампания по отлову оборотней закончилась, и до начала следующей они могут спокойно плодиться и размножаться. Печально все это. Хотелось дать кому-нибудь в морду. Хотя бы один раз, но из всех сил. Крюков вспомнил про бизнесмена Смотровука.

Эпилог

Магазин Смотровчука сверкал огнями, но вместо покупателей по его залу сновали строгие люди, некоторые даже в погонах. Шла проверка. Майора, начальника обзоповцев, Крюков узнал сразу. С ним они начинали службу когда-то в пору наивной юности. Тот был расстроен и сразу стал жаловаться оперу.

— Представляешь, этот мерзавец налогов не платит, а тут перед проверкой ценники успел поменять. Вон, смотри, холодильник — сто долларов. Телевизор, диагональ экрана — метр. Знаешь, сколько он у него стоит? Двести долларов!

Крюков оживился.

— Правда, что ли? Это недорого. Я бы купил.

Майор кисло улыбнулся.

— Смеешься? Знать бы, кто его этому научил?

Крюков смущенно потер кончик носа.

— Вообще-то, это я его когда-то научил. Но в данном случае проблема в том, кто ему стукнул о вашей проверке. Не перевелись еще оборотни в системе МВД.

Майор махнул рукой.

— Ладно, один-один. Что уж теперь считаться? Ты лучше меня надоумь, что теперь с ним делать?

— Есть мысль, — начал было Крюков, но тут к ним подошел хозяин магазина.

Он не скрывал торжества.

— Ну, как вам наш ремонт? Как отделка? А склад в подвале — просто конфетка! Не хотите что-нибудь приобрести?

Крюков улыбнулся во все сто сорок четыре зуба.

— С удовольствием, старик! Я давно мечтал такой телевизор купить, только денег не хватало. А у тебя цена подходящая.

И он указал на плоский телевизор с экраном больше метра. Стоил он, согласно ценнику, триста долларов.

Смотровчук поморщился. Он рассчитывал отделаться подешевле. Но вынужден был улыбнуться в ответ.

— Прошу в кассу!

Но Крюков поступил иначе. Он подошел к двери магазина, широко распахнул ее, перевернул табличку надписью «Открыто» на улицу. И даже начал звать прохожих. Через минуту прибежали первые покупатели, через десять к магазину выстроилась очередь, как в лучшие годы Советской власти.

Смотровчук в ужасе схватился за сердце. А Крюков подмигнул майору.

Как? Почему открыли магазин? — кричал перепуганный торговец.

То есть как «почему»? — нахмурился майор. — Вы же жаловались, что вам надо скорее открывать магазин. Мы пошли вам навстречу. А если вы никуда не торопитесь, мы можем устроить углубленную комплексную проверку.

Смотровчук враз присмирел.

— Не надо проверку. Но я ведь могу закрыть магазин по техническим причинам?

Майор задумался.

— Ну, разве что по чрезвычайным обстоятельствам. Катастрофа там, или авария.

Смоторчук скрылся в недрах магазина, бормоча под нос:

— Будут вам обстоятельства. Будет катастрофа. Сейчас сами отсюда пулей вылетите!

Спустя полчаса вокруг магазина толпилось полгорода. Наиболее сообразительные тащили аппаратуру тележками. Таких цен, вероятно, не знала еще ни одна распродажа.

Тут Смоторчук снова появился в зале вместе с человеком, облаченным в рабочую спецовку. Крюков узнал сантехника Миколу. Он дал знак майору.

— Этого парня надо перехватить.

Тот снова понял его без лишних рассуждений...

Полки магазина мгновенно опустели. Через час полностью опустел и склад. Смоторчук, теряя терпение, все ждал, когда сработает его план диверсии.

Крюков спустился в подвал, где под охраной обэповца сидел Микола. Увидев сыщика, он страшно обрадовался и принялся объяснять ему, что вот мен-ты произвол творят. Ему Смотор сотку баксов отстегнул за одно секретное дело, а его тут держат.

— Я договорюсь, тебя сейчас отпустят, — пообещал сыщик.

Через пять минут Миколу и правда освободили. С улыбкой торжества он скрылся за дверью подвала.

— А теперь сваливаем отсюда по-быстрому, — посоветовал Крюков майору. — Сейчас здесь случится экологическая катастрофа.

Майор немедленно дал команду своим людям оставить помещение. Разочарованные пустыми полками покупатели-неудачники тоже покидали торговый зал. Когда он опустел, Крюков подошел к убитому горем Смоторчуку.

— Эх, хорошо торговля пошла. Надеюсь, ты не в обиде? Поверь, ничего личного, — сказал он, сочувственно улыбаясь.

И тут из подвала появился гений сантехники Микола. Чумазый, довольный, торжествующий.

— Порядок! — заорал он, обращаясь к хозяину торговой точки. — Есть авария канализации! Сделал, как ты велел. Весь подвал уже фекалиями залило, скоро и сюда дойдет!

Соответствующий запах уже начал распространяться по опустевшему магазину, поэтому Крюков поспешил откланяться. «Гигиеническая трагедия — это посильнее «Гамлета» будет!» — подумал он, выходя на свежий воздух.

Бизнесмен Смоторчук задрал голову к потолку и тоскливо завыл по-волчьему, на одной ноте...